

CENTRAL
ASIAN
ECONOMIC
REVIEW

ISSN (print) 2789-4398

CENTRAL ASIAN
ECONOMIC REVIEW
VOLUME 3 (138)

2021

Central Asian Economic Review

Журнал Қазақстан Республикасының
Ақпарат және коммуникация
министрлігінде тіркелген

Куәлік № 16353-Ж
23.02.2017 ж.
ISSN (print) 2789-4398

№3 (138) 2021
1996 жылдан бастап
шыға бастады

Негізін қалаушы
«Нархоз Университеті» КеАҚ

«Нархоз Университеті» КеАҚ Central Asian Economic Review ғылыми-редакциялық кеңесі

РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС

Бас редактор Святов С.А.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Редактордың орынбасары Арыстанбаева С.С.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Адамбекова А.А.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Байтенова Л.М.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Сейтказиева А. М.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Ш.А. Смағұлова	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Смағұлова Ш.А.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Өмірзақов С. Ы.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Каршалова А.	–	<i>Ph.D., қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті</i>
Раимжанова А.Ж.	–	<i>Ph.D., қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті</i>
Айтенов Н.Ж.	–	<i>Ғылыми зерттеулер бөлімінің координаторы, журналдың техникалық редакторы, Нархоз Университеті</i>

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ

Бас редактор Святов С. А.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Бас редактор орынбасары Арыстанбаева С. С.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Адамбекова А.А.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Байтенова Л.М.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Кантарбаева Ш.М.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Сейтказиева А.М.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Симанавичене Ж.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Munksgaard University</i>
Смағұлова Ш.А.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Умирзаков С.Ы.	–	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Абенова Е.А.	–	<i>педагогика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті</i>
Акимов А.	–	<i>PhD, профессор, Griffith Business School</i>
Баймагамбетова Л.К.	–	<i>экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз Университеті</i>
Браувайлер К.	–	<i>PhD, профессор, West Saxon University of Zwickau</i>
Дюсембекова Ж.М.	–	<i>экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті</i>
Елшибаев Р.К.	–	<i>экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз Университеті</i>
Исабаев М.	–	<i>Ph.D., зерттеуші-профессор, Нархоз Университеті</i>
Каршалова А.	–	<i>Ph.D., қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті</i>
Ким Д.	–	<i>PhD, зерттеуші-профессор, Нархоз Университеті</i>
Кожаммет С.	–	<i>Ph.D., зерттеуші-профессор, Нархоз Университеті</i>
Медени Т.	–	<i>PhD, профессор, Ankara Yildirim Beyazit University</i>
Рузиева Э.	–	<i>экономика ғылымдарының кандидаты, зерттеуші-профессор, Нархоз Университеті</i>
Рыскулова М.М.	–	<i>экономика ғылымдарының кандидаты, зерттеуші-профессор, Нархоз Университеті</i>
Сарсенбаева А.Ж.	–	<i>«Фортуна Полиграф» Баспасы» ЖШС бас директоры, журналдың жауапты редакторы</i>
Айтенов Н.Ж.	–	<i>МА, Ғылыми-зерттеулер бөлімінің аға үйлестірушісі, Нархоз Университеті, журналдың техникалық редакторы</i>

**Редакционный совет
Central Asian Economic Review
НАО «Университет Нархоз»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор Святов С. А.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Заместитель главного редактора Арыстанбаева С. С.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Адамбекова А. А.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Байтенова Л. М.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Сейтказиева А. М.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Смагулова Ш. А.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Умирзаков С. Ы.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Каршалова А.	–	<i>Ph.D., ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Раимжанова А. Ж.	–	<i>Ph.D., ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Айтенов Н. Ж.	–	<i>МА, старший координатор Отдела НИИР, Университет Нархоз, технический редактор журнала</i>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Святов С. А.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Заместитель главного редактора Арыстанбаева С. С.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Адамбекова А. А.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Байтенова Л. М.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Кантарбаева Ш. М.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Сейтказиева А. М.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Симанавичене Ж.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Mykolas Romeris</i>
Смагулова Ш. А.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Умирзаков С. Ы.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Абенова Е. А.	–	<i>кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Акимов А.	–	<i>PhD, профессор, Griffith Business School</i>
Баймагамбетова Л. К.	–	<i>кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Браувайлер К.	–	<i>PhD, профессор, West Saxon University of Zwickau</i>
Дюсембекова Ж. М.	–	<i>кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Елшибаев Р. К.	–	<i>кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Исабаев М.	–	<i>Ph.D., профессор-исследователь, Университет Нархоз,</i>
Каршалова А.	–	<i>Ph.D., ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Ким Д.	–	<i>PhD, профессор-исследователь, Университет Нархоз</i>
Кожамет С.	–	<i>Ph.D., профессор-исследователь, Университет Нархоз</i>
Медени Т.	–	<i>PhD, профессор, Ankara Yildirim Beyazit University</i>
Рузиева Э.	–	<i>кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Рыскулова М. М.	–	<i>кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Сарсенбаева А. Ж.	–	<i>генеральный директор ТОО «Издательство «Фортуна Полиграф», ответственный редактор журнала</i>
Айтенов Н. Ж.	–	<i>МА, старший координатор Отдела НИИР, Университет Нархоз, технический редактор журнала</i>

Central Asian Economic Review

This Journal is Registered in the Ministry
of Information and Communication of
The Republic of
Kazakhstan

Volume 3 No. (138) 2021

*The journal has been published
since 1996*

Document №16353-Ж
23.02.2017 year
ISSN (print) 2789-4398

The Founder
NP JSC «Narxoz University»

Editorial Board Central Asian Economic Review NP JSC «Narxoz University»

EDITORIAL COUNCIL

Chief Editor Svyatov S.A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Deputy Chief Editor Arystanbayeva S. S.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Adambekova A. A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Baytenova L. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Seitkazyieva A. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Smagulova Sh. A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Umirzakov S. Y.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Karshalova A.	–	<i>Ph.D., Associate Professor, Narxoz University</i>
Raimzhanova A. Zh.	–	<i>Ph.D., Associate Professor, Narxoz University</i>
Aitenov N. Zh.	–	<i>MA, Senior Coordinator of the Research Department, Narxoz University, Technical Editor</i>

EDITORIAL BOARD

Chief Editor Svyatov S.A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Deputy Chief Editor Arystanbayeva S. S.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Adambekova A. A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Baytenova L. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Kantarbaeva Sh. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Seitkazyieva A. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Simanavicienė Ž.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Mykolas Romeris University</i>
Smagulova Sh. A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Umirzakov S.Y.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Abenova E. A.	–	<i>Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
Akimov A.	–	<i>Ph.D., Professor, Griffith Business School</i>
Baimagambetova L. K.	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Professor, Narxoz University</i>
Brauweiler C.	–	<i>Ph.D., Professor, West Saxon University of Zwickau</i>
Dyussebekova Zh. M.	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
Elshibaev R. K.	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Professor, Narxoz University</i>
Issabayev M.	–	<i>Ph.D., Research Professor, Narxoz University</i>
Karshalova A.	–	<i>Ph.D., Associate Professor, Narxoz University</i>
Kim D.	–	<i>PhD, Research Professor, Narxoz University</i>
Kozhakhmet S.	–	<i>Ph.D., Research Professor, Narxoz University</i>
Medeni T.	–	<i>Ph.D., Professor, Ankara Yildirim Beyazit University</i>
Ruziyeva E.	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
Ryskulova M. M.	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
Sarsenbayeva A. Zh.	–	<i>General Director of Fortuna Polygraph Publishing House LLP, Executive Editor</i>
Aitenov N. Zh.	–	<i>MA, Senior Coordinator of the Research Department, Narxoz University, Technical Editor</i>

**МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ**

**ЖАҒАНДАНУ ЖӘНЕ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ**

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА Х. Н. Мурсалова, Л. К. Баймагамбетова, О. Озпенс.....	6
DEVELOPMENT OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY FRAMEWORK FOR DEVELOPING COUNTRIES: THE CASE OF KAZAKHSTAN A. Orazayeva, M. Arslan	20
ВНЕДРЕНИЕ ИННОВАЦИЙ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ Р. Д. Досжан, А. К. Кожаметова, Е. Б. Бекенов	40
ECONOMIC SECURITY OF KAZAKHSTAN: APPLYING FOREIGN EXPERIENCE A. Nurgaliuly, L. A. Kazbekova	53

**МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ БИЗНЕС: БАСҚАРУ ТЕОРИЯСЫ МЕН ПРАКТИКАСЫ
ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ**

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КАЗАХСТАНСКИЙ КЕЙС Ш. А. Нургазы, А. М. Сейтказиева, Ж. Симанавичене	66
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК САТЫП АЛУ НАРЫҒЫНЫҢ ТИІМДІЛІГІН АРТТЫРУ ЖОЛДАРЫ Р. Қ. Елшібаев, С. А. Кожабаяева, Б. Т. Бейсенғалиев	77
ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАЗАХСТАНЕ: АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ОРГАНИЗАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЕГО РАЗВИТИЯ М. Б. Турлубекова, Р. О. Бугубаева	89

**БИЗНЕС ЖӘНЕ БАСҚАРУ: МӘСЕЛЕЛЕР МЕН ШЕШІМДЕР
БИЗНЕС И УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ**

КОНЦЕПЦИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ В СИСТЕМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ КАЗАХСТАНА Ж. А. Назикова, Н. П. Чернявская, Г. К. Муханова	110
---	-----

**ИНВЕСТИЦИЯЛАР, ҚАРЖЫ ЖӘНЕ ЕСЕП
ИНВЕСТИЦИИ, ФИНАНСЫ И УЧЕТ**

ОЦЕНКА МЕЖБАНКОВСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РАЗРЕЗЕ ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ УСЛУГ Ю. В. Трофимова, Г. А. Конопьянова, А. Е. Мамбетказиев.....	123
---	-----

CONTENT

GLOBALIZATION AND CENTRAL ASIA

ASSESSMENT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES INTEGRATION ECONOMIC EFFICIENCY H. N. Mursalova, L. K. Baimagambetova, O. Ozpence.....	6
DEVELOPMENT OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY FRAMEWORK FOR DEVELOPING COUNTRIES: THE CASE OF KAZAKHSTAN A. Orazayeva, M. Arslan	20
IMPLEMENTATION OF INNOVATIONS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT: GLOBAL TRENDS AND KAZAKHSTAN'S MODEL R. D. Doszhan, A. K. Kozhakhmetova, E. B. Bekenov	40
ECONOMIC SECURITY OF KAZAKHSTAN: APPLYING FOREIGN EXPERIENCE A. Nurgaliuly, L. A. Kazbekova	53

STATE AND BUSINESS:
THEORY AND GOVERNANCE PRACTICE

STATE SUPPORT FOR FOOD SECURITY: A KAZAKHSTAN CASE STUDY Sh. A. Nurgazy, A. M. Seitkazyeva, Ž Simanavičienė.....	66
WAYS TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF THE PUBLIC PROCUREMENT MARKET OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN R. K. Yelshibayev, S. A. Kozhabaeva, B. T. Beisengaliyev	77
INCLUSIVE EDUCATION IN KAZAKHSTAN: ANALYSIS OF THE ORGANIZING PROCESS AND THE POSSIBILITY OF ITS FURTHER DEVELOPMENT M. B. Turlubekova, R. O. Bugubayeva	89

BUSINESS AND MANAGEMENT:
PROBLEMS AND SOLUTIONS

CONCEPT OF MULTINATIONAL CUISINE IN THE PUBLIC CATERING MODERNIZATION SYSTEM OF KAZAKHSTAN Zh. A. Nazikova, N. P. Chernyavskaya, G. K. Mukhanova	110
--	------------

INVESTMENT, FINANCE AND ACCOUNTING

ASSESSMENT OF INTERBANK COMPETITION IN THE CONTEXT OF SERVICES PROVIDED Yu. V. Trofimova, G. A. Konopyanova, A. E. Mambetkazyiev.....	123
---	------------

MPHTI: 06.51.77

JEL Classification: F53

<https://doi.org/10.52821/2224-5561-2021-3-6-19>

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Х. Н. Мурсалова¹, Л. К. Баймагамбетова^{2*}, О. Озпенс³

¹Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет,
Семей, Республика Казахстан

²Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

³Университет Памуккале, Денизли, Турция

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – оценить степень эффективности достигнутого уровня интеграции ведущих стран в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Методология: используется количественный подход. Опираясь на результаты анализа динамических рядов, оценена взаимная открытость страновых экономик и их взаимной торговли методами расчета экспортной квоты, которая показывает содержание экспорта в объеме валового продукта. Более широкий анализ интеграционного взаимодействия предполагает изучение и других не менее важных индикаторов. Так, были использованы также показатели значимости взаимной торговли товарами и услугами, взаимной трудовой миграции для ведущих стран Евразийского Экономического Союза и взаимных потоков прямых иностранных инвестиций для Казахстана в рамках всех стран ЕАЭС.

Оригинальность / ценность исследования заключается в охвате последних лет евразийской интеграции, определении показателей значимости и оценки эффективности внешнеэкономических связей по основным их направлениям в евразийской интеграционной группировке для её ведущих стран.

Результаты исследования – за 2015-2019 гг. наблюдается достижение относительной открытости и рост значимости торговли товарами и услугами, снижение значимости миграции между Казахстаном и основными участниками ЕАЭС. Вместе с тем, потоки прямых иностранных инвестиций в Казахстан и из страны в рамках союза характеризуются положительными изменениями.

Ключевые слова: международная экономическая интеграция, эффективность интеграционной деятельности в ЕАЭС, значимость взаимной торговли и трудовой миграции, значимость потоков прямых иностранных инвестиций.

ВВЕДЕНИЕ

Интеграция должна иметь не только определённые предпосылки, но и отвечать требованиям эффективности политики взаимодействия. Поэтому важно отслеживать и анализировать её соответствие этим требованиям.

Более чем 5-летнее функционирование Евразийского Экономического Союза позволяет уже подвести итоги эффективности интеграции его ведущих членов, являющихся его основателями. Такой выбор субъектов исследования определён также отсутствием данных нескольких лет по рассматриваемым показателям у Киргизии и Армении. Вместе с тем учтено, что формирование ЕАЭС прошло путь от Таможенного союза, через Евразийское Экономическое Пространство (ЕЭП) [1].

Европейский Союз показал позитивные результаты интеграционного сотрудничества уже в первые годы функционирования, что было замечено Р. Солоу как выигрыш от среднесрочного экономического роста вследствие изменения производственной функции в его стандартной модели под влиянием законодательства «Европа-1992» [2, с. 632]. Для ЕАЭС достижение подобного эффекта, несомненно, тоже является актуальным.

Перспективность интеграционных взаимосвязей базируется на их эффективности, особенно экономической и позволяет предопределить их приоритетность в комплексе других международных отношений страны. В связи с этим и учётом реалий посткризисного периода она должна опираться на опыт продвинутой группировки ЕС в этих отношениях, например, по применению жёсткого финансового режима. Так, в книге «The Global Economy in Turbulent Times» экономист из Гарварда доктор Си-Ян Лин в главе 53 описывает, что в ЕС спасение Греции, Ирландии и Португалии сопровождалось непопулярными сокращениями бюджета и структурными реформами в соответствии с продвигаемым Германией пактом, который требует сбалансированных бюджетов в соответствии с законом [3, с. 323-328]. Однако, всё больше и больше политиков утверждают, что теперь реальная проблема Европы – это жесткая экономия. МВФ и Европейский центральный банк (ЕЦБ) с этим согласны. И ЕЦБ позже признал, что жесткая экономия нанесла больше ущерба, чем ожидалось. О бюджетировании интеграционных процессов в ЕАЭС информации ещё, к сожалению, мало.

Политическая подоснова в ЕАЭС в публикациях тоже зачастую не раскрывается, скорее всего ввиду щепетильности сферы международных отношений. Вместе с тем, есть исследования, в которых субъектами выступают страны с политическими разногласиями, но не менее интересны вопросы их экономической интеграции. Так, в статье «Institutional Economic Integration between South and North Korea and the Economic Impacts of Integration» [4] теоретически доказывается, что двусторонняя торговля эффективная по Парето между Южной и Северной Кореей может быть достигнута путем достижения институциональной экономической интеграции. Соглашение об экономической интеграции предлагается в качестве инструментальной основы для постепенной интеграции. По нашим оценкам, постепенная интеграция положительно повлияет на ВВП Северной Кореи, увеличив его на 3,55-4,88 % от базового уровня в зависимости от различных сценариев.

Исследования по оценке экономической эффективности интеграции стран ЕАЭС, в том числе Казахстана, проводились разными методами и представителями, как зарубежной, так и казахстанской науки. Так, под руководством С. Н. Алпысбаевой в 2016-2017 гг. было проведено комплексное исследование в рамках гранта №3681/ГФ Министерства образования и науки Республики Казахстан на тему: «Исследование долгосрочных макроэкономических, отраслевых и межотраслевых эффектов интеграции Казахстана в Евразийский экономический союз с использованием инструментов экономико-математического моделирования и межотраслевого баланса, и выработка приоритетов и механизмов максимизации интеграционного потенциала» [5].

Также казахстанские ученые для сравнения состояния перед интеграцией и первых лет функционирования Беларуси, Казахстана и России в рамках ЕАЭС рассчитали несколько показателей и направлений их экономического взаимодействия с 2010 по 2016 гг. и установили, что экономика Республики Казахстан имеет меньшую открытость по сравнению с Беларусью, но большую по сравнению с Россией. Заметим, что Договор о Евразийском экономическом союзе Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, подписанный в г. Нур-Султан (бывш. Астана, Казахстан) 29 мая 2014 г. вступил в Казахстане в силу 29 мая 2014 [5, с. 12].

Вместе с тем анализ эффективности взаимной торговли должен быть постоянным в том числе для обеспечения его мониторинга (научной новизны), что представляет настоящая статья за 2017-2019 гг. в контексте динамических рядов последнего десятилетия с тем, чтобы дать оценку динамике интеграционных процессов в ЕАЭС. Такая оценка охватила все основные направления международных экономических отношений ведущих стран группировки: взаимную торговлю товарами и услугами, международную трудовую миграцию и международное перемещение капитала в виде прямых инвестиций. Она позволит не только удостовериться в эффективности интеграционных взаимосвязей стран ЕАЭС, но и определить направления дальнейшей их корректировки и совершенствования.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проведения исследования были выбраны количественные методы исследования интеграционных взаимосвязей ведущих стран Евразийского Экономического Союза:

- расчёт экспортной квоты как показателя открытости страновой экономики;
- определение значимости взаимной торговли товарами и услугами членов интеграционного объединения;
- расчёт показателей интеграционного взаимодействия на общем рынке труда;
- определение значимости притока прямых иностранных инвестиций в Казахстан из стран ЕАЭС;
- определение значимости валового оттока инвестиций из Казахстана в страны ЕАЭС.

Все указанные методы были использованы в разрезе динамических рядов 2010-2019 гг.

Для оценки степени открытости ведущих страновых экономик в рамках ЕАЭС был использован показатель экспортной квоты, так как «это экономический показатель, который позволяет понять значимость экспорта для экономики конкретного государства» [6], в нашем исследовании – экономик ведущих стран евразийской интеграционной группировки. Рассчитывается он как отношение объёма экспорта в натуральном или стоимостном выражении за данный период к объёму внутреннего производства соответствующей продукции за этот период (в %) и вводится в странах, экономика которых зависит от экспорта конкретных видов сырья, как средство стабилизации цен [7].

Наряду с показателем открытости экономики для оценки динамики взаимной торговли широко распространено использование показателя значимости взаимной торговли товарами и услугами, который определяет долю оборота взаимной торговли со странами интеграционного объединения в общем обороте внешней торговли страны [8, с. 83]:

$$TI = X_{int} + M_{int} / X_{all} + M_{all}, \quad (1)$$

где, X_{int} — экспорт в страны интеграционного объединения;

M_{int} – импорт из стран интеграционного объединения;

X_{all} – экспорт из страны всего;

M_{all} — импорт в страну всего.

По результатам исследования эффективности ЕАЭС с 2010 по 2016 гг. было определено, что экономика Республики Казахстан имеет меньшую открытость по сравнению с Беларусью, но большую по сравнению с Россией. Наблюдалось устойчивое снижение данного показателя у Республики Казахстан с 12,76 % в 2010 г. до 8,86 % в 2015 г., хотя открытость экономики страны, как показатель вовлечения страны в международные экономические отношения, должна была увеличиться. Последующий анализ экспортной квоты 2017-2019 гг. как основного показателя взаимной открытости страновых экономик и значимости их взаимной торговли в ЕАЭС (Таблица 1) показал продолжение тенденции роста эффективности интеграции на рынке товаров изучаемой группировки.

Таблица 1 – Эффективность интеграции ведущих стран на рынке товаров ЕАЭС, 2010-2019 гг., %

Государства ЕАЭС	Год	Рынок товаров	
		Экспортная квота взаимной экономики	Значимость взаимной торговли
Казахстан	2010	12,8	21,0
	2011	12,3	19,0
	2012	11,7	18,0
	2013	10,67	18,0
	2014	9,7	17,0
	2015	8,9	21,5
	2016	10,1	21,9
	2017*	10,7	23,0
	2018*	11,2	21,4
	2019*	11,9	22,5

Государства ЕАЭС	Год	Рынок товаров	
		Экспортная квота взаимной экономики	Значимость взаимной торговли
Россия	2010	3,0	7,0
	2011	3,2	8,0
	2012	3,4	8,0
	2013	3,1	7,0
	2014	3,1	7,0
	2015	3,2	8,8
	2016	2,9	9,5
	2017*	3,4	13,0
	2018*	3,5	11,0
	2019*	3,5	9,0
Беларусь	2010	53,0	48,0
	2011	75,3	46,0
	2012	71,0	48,0
	2013	56,21	52,0
	2014	50,5	52,0
	2015	53,1	58,2
	2016	54,0	69,3
	2017*	70,3	53,0
	2018*	61,1	50,7
	2019*	58,3	50,8

Примечание – составлено авторами по источнику [5, с. 13] и * рассчитано по данным источников [9; 10; 11; 12].

Особенно это видно по показателям динамики взаимной открытости Казахстана, которая до 2015 г. снижалась, а после стала возрастать. Вместе с тем увеличилась и значимость для страны евразийской международной торговли, которая после 2015 г. установилась на уровне не менее 21 % от внешне-торгового оборота страны. Заметим, что для Казахстана она приближена к достижению эффективной планки взаимного экспорта в ЕАЭС. Для России эти показатели также возросли, но по значимости торговли в рассматриваемом интеграционном блоке в последние 2 года у неё наблюдается снижение. Такая ситуация связана скорее всего с политикой поддержки евразийства и роста позиционирования товаров и услуг страны на рынках других стран.

У Беларуси показатель взаимной открытости оптимизировался на уровне 60 %, а значимость на уровне – чуть более 50 %. Такие данные по этой стране объясняются плохим взаимодействием страны с соседними странами Европы.

Если сравнивать показатели значимости взаимной торговли основных участников ЕАЭС, то по данным таблицы 1 видно, что они значительно выше у Беларуси, но за годы после создания ЕАЭС они выросли в среднем до 56,4 % при доинтеграционном показателе 2010-2014 гг. – 50,7 %. При этом взаимная открытость экономики страны в первые два года интеграционного периода резко возросла на 6,2 % в 2015 г. и ещё на 11,1 % в 2016 г. В 2017-2019 гг. он стал снижаться, относительно стабилизировавшись на отметке 50,8 %. В динамике интеграционного взаимодействия отмечается, таким образом, снижение уровня взаимной открытости Беларуси в ЕАЭС почти до уровня 2010 г. (Рисунок 1). Об этом свидетельствует и то, что среднегодовой темп роста значимости взаимной торговли Беларуси составил в 2015-2019 гг. 96,8 %, тогда как до начала интеграции он был равен 102,1 %. Следовательно, даже по этому основному показателю эффективности интеграционного сотрудничества в ЕАЭС Беларусь пока не добилась значительных успехов. Но, очевидно, что в условиях международных санкций страна возлагает надежды в мировом экономическом пространстве именно на евразийскую интеграцию, показывая самый высокий уровень значимости взаимной торговли по сравнению с Казахстаном более, чем в 2 раза и Россией – более, чем в 5 раз.

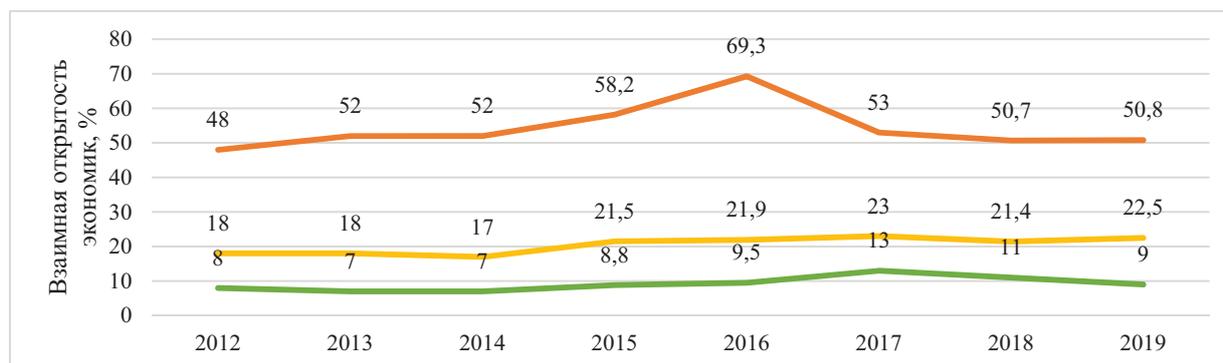

Рисунок 1 – Динамика значимости взаимной торговли ведущих стран ЕАЭС в 2012-2019 гг.

Примечание – составлено авторами по данным таблицы 1

Второе место по значимости взаимной торговли основных участников ЕАЭС занимает Казахстан и по рисунку 1 видно, что её тренды развития схожи с российскими. За годы после создания ЕАЭС они выросли в среднем до 23,0 % при доинтеграционном показателе 2010-2014 гг. – 18,6 %. Значимость взаимной торговли страны в первые два года интеграционного периода возросла на 4,5 % в 2015 г. и ещё на 0,4 % – в 2016 г. и дополнительно на 2,1 % – в 2017 г. В 2018-2019 гг. она несколько снизилась, но оставшись в 2019 г. на 5 % выше, чем в прединтеграционном 2014 г. В динамике интеграционного взаимодействия отмечается, таким образом, относительно стабильный уровень значимости взаимной торговли Республики Казахстан в ЕАЭС. Среднегодовой темп роста её вырос в интеграционный период, составив в 2015-2019 гг. 101,2 %, тогда как до начала интеграции он был равен 94,9 % в 2010-2014 гг. Это свидетельствует о повышении эффективности торговых связей Казахстана со странами ЕАЭС после вступления договора об интеграции в его рамках в силу. Но, этот рост не очень большой, что объясняется функционированием экономик Беларуси и России в санкционных условиях. В то же время уровень взаимной открытости у Казахстана больше в 2 раза, чем у России. Это связано, скорее всего, с приоритетностью для страны интеграционного партнёрства в рамках ведущих стран евразийской группировки.

У России значимость взаимной торговли за годы после создания ЕАЭС выросла в среднем до 10,3 % при доинтеграционном показателе 2010-2014 гг. – 7,4 %. При этом значимость взаимной торговли страны в первые три года интеграционного периода возросла на 1,8 % в 2015 г. и ещё на 0,7 % – в 2016 г. и с небольшим взлётом на 3,5 % – в 2017 г. В 2018-2019 гг. она снизилась, но оставшись в 2019 г. на 2 % выше, чем в 2014 г. Таким образом, в динамике интеграционного взаимодействия у России отмечается, как и у Казахстана, относительно стабильный уровень значимости взаимной торговли в рамках ЕАЭС. Среднегодовой темп роста её составил в интеграционный период 2015-2019 гг. 103,2 %, до начала интеграции в 2010-2014 гг. – 100,0 %. Это свидетельствует о повышении эффективности торговых связей Российской Федерации в ЕАЭС, правда небольшим по сравнению с достигнутым на начальном этапе интеграции в ЕС. Объясняется это функционированием России, как было замечено ранее, в неблагоприятных для неё условиях международной торговли с западными странами. Уровень взаимной открытости у России ниже, чем у Казахстана и Беларуси, что подтверждает большую её ориентированность во внешней торговле на западных партнёров.

Показатели взаимной открытости экономики и значимости взаимной торговли на рынке услуг за период 2010-2016 гг., по расчетам группы С. Н. Алпысбаевой, оказались у Казахстана значительно ниже по сравнению с показателями открытости на рынке товаров ЕАЭС. Они также оказались меньше, чем у Беларуси и больше, чем у России (Таблица 2). За 2017-2019 гг. эти показатели, рассчитанные авторами, внесены также в таблицу 2.

Таблица 2 – Эффективность интеграции ведущих стран на рынке услуг ЕАЭС, 2010-2019 гг., %

Государства ЕАЭС	Год	Экспортная квота взаимной экономики	Значимость взаимной торговли
Казахстан	2010	2,11	20,0
	2011	1,71	21,0
	2012	1,61	18,0
	2013	1,63	22,0
	2014	1,88	21,0
	2015	2,35	24,0
	2016	2,83	22,0
	2017*	2,45	38,4
	2018*	2,19	34,0
	2019*	1,94	34,7
Россия	2010	0,32	4,0
	2011	0,27	3,0
	2012	0,28	3,0
	2013	0,32	3,0
	2014	0,36	4,0
	2015	0,42	4,8
	2016	0,46	5,2
	2017*	0,50	7,4
	2018*	0,51	7,4
	2019*	0,51	7,3
Беларусь	2010	3,37	24,0
	2011	4,05	24,0
	2012	4,17	26,0
	2013	5,06	29,0
	2014	5,01	28,0
	2015	5,70	29,7
	2016	6,67	28,0
	2017*	4,13	36,2
	2018*	6,94	36,1
	2019*	6,48	34,7

Примечание – составлено авторами по источнику [5, с. 7; 8; 10; 11] и * рассчитано по данным источников [9; 10; 11; 12].

Из данных таблицы 2 видно, что евразийская интеграция в 2015-2019 гг. положительно сказалась на взаимном экспорте услуг. Так, в Казахстане контингентирование взаимной торговли этой продукции показало увеличение доли экспорта услуг в ВВП страны в эти годы по сравнению с доинтеграционными показателями. В Беларуси экспортная квота возросла в 1,3 раза и в России она стабилизировалась на уровне роста всего в 1,1 раза, что подтверждает наш вывод и здесь по российской политике позиционирования на зарубежных рынках. Вместе с тем, следствием упорядоченности взаимосвязей на рынке услуг ЕАЭС, более эффективного их регулирования может стать достаточно положительное наращивание размера общего рынка услуг и его диверсификации с учётом таких тенденций мирового развития как постиндустриализация и цифровизация, а также более активного участия на рынках космических, информационно-коммуникационных, научно-конструкторских услуг, в том числе по технологии 3D, что, кстати, предусмотрено Стратегическим планом социально-экономического развития Казахстана на 2020-2025 гг. Трансформация экономик после пандемии потребует развития и общего рынка медицинских, образовательных, энергетических и других услуг.

Отдельные исследователи считают, что интеграционный союз участвовал в создании зон свободной торговли со странами Евразийского Союза своевременно и представляют это как реакцию на новые тенденции в международной торговле [13].

К основным формам международных экономических отношений, в том числе в интеграционных объединениях, относятся кроме международной торговли также трудовая миграция и международное

движение капитала. Измерение миграции вообще производится путем подсчета международного перемещения рабочей силы за определенный временной интервал, в качестве которого в нашем исследовании взят год. При этом важнейшим показателем является чистая миграция (net migration) – миграционное сальдо, которое представляет собой разность между прибывшими на данную территорию и выбывшими за её пределы. Далее, чтобы рассчитать вклад каждой страны в формирование общей чистой миграции производят вычисления доли или значимости соответствующих стран в чистой иммиграции и чистой эмиграции [14, с. 27]. Следовательно, показатель значимости миграции со странами интеграционного союза, рассчитывают как отношение сальдо миграции на численность населения страны за определённый период [5, с. 18]. По своему содержанию миграционное сальдо и значимость миграции в рамках интеграционного объединения являются показателями интеграционного взаимодействия на рынке труда этого международного формирования.

Расчёт сальдо взаимного миграционного притока и значимости трудовой миграции ведущих стран ЕАЭС за 2010-2019 гг. показал, что интеграционное взаимодействие на рынке труда у Казахстана оказалось хуже по сравнению с Россией и Беларусью. Республика Казахстан здесь в отрицательной зоне, что свидетельствует о низкой эффективности политики в области трудовой миграции, непривлекательности казахстанского рынка труда для стран Союза (Таблица 3).

Таблица 3 – Показатели интеграции на рынке труда ЕАЭС, 2010-2019 гг.

Государства ЕАЭС	Год	Сальдо взаимного миграционного притока, тыс. чел.	Значимость трудовой миграции в ЕАЭС, %
Казахстан	2010	- 15,8	- 0,10
	2011	- 23,9	- 0,14
	2012	- 22,7	- 0,13
	2013	- 17,5	- 0,10
	2014	- 21,6	- 0,12
	2015	- 21,5	- 0,12
	2016	- 21,3	- 0,14
	2017*	- 28,2	- 0,16
	2018*	- 32,7	- 0,18
2019*	- 36,4	- 0,20	
Россия	2010	22,6	0,02
	2011	37,9	0,03
	2012	46,9	0,03
	2013	43,9	0,03
	2014	47,5	0,03
	2015	70,1	0,05
	2016	62,3	0,05
	2017*	77,9	0,05
	2018*	57,0	0,05
2019*	95,7	0,06	
Беларусь	2010	5,7	0,06
	2011	5,5	0,06
	2012	3,9	0,04
	2013	5,8	0,06
	2014	5,7	0,06
	2015	3,6	0,04
	2016	2,8	0,03
	2017*	0,6	0,01
	2018*	1,2	0,02
2019*	3,7	0,04	

Примечание – составлено авторами по источникам [5, с. 18]; [15, лист 1, рисунок 1].

К сожалению, открытие границ для трудовой миграции в ЕАЭС привело к увеличению потока выезжающего трудоспособного населения Казахстана в 2017 г. на 33 %. Последующее его увеличение составило 116 % в 2018 г. и 112 % в 2019 г. В среднем отрицательное сальдо выросло в последние 3 года на 21 %. И если за первый год рассматриваемого периода причина была в выезде этнических представителей на родину, то впоследствии это связано, скорее всего, с уровнем безработицы и оплаты труда.

В России и Беларуси сальдо взаимного миграционного притока в течение всех рассматриваемых 10 лет оставалось положительным и существенно возросло с началом евразийской интеграции международных потоков услуг с 2015 г. в 2 раза в первой стране. Во второй стране сальдо миграционного потока в этот период уменьшилось и составило 0,65 раза. В цепном порядке этот показатель в России в 2019 г. возрос в 1,7 раза, в Беларуси – в 3 раза.

Вместе с тем, создание ЕАЭС привело в России тоже к снижению трудовой иммиграции в 2016 и 2018 гг. и её реконструкции в 2019 г. до уровня выше, чем в 2015 г. по W-образной форме траектории почти в 1,5 раза (Рисунок 2).

Рисунок 2 – Изменения сальдо взаимного миграционного притока, тыс. чел.

Примечание – составлено авторами по источникам [5, с. 18]; [15, лист 1, рисунок 1].

Значимость трудовой миграции в странах ЕАЭС по данным рисунка 1 отрицательна для Казахстана и положительна для Беларуси и России. Причём, рост миграционного оттока в первой стране стабильно растёт ежегодно с созданием возможностей свободного международного перемещения рабочей силы в евразийском пространстве, преимущественно в российском направлении. В то же время значимость такого трансграничного движения возросла за 2015-2019 гг. на 6 % с учётом благотворного влияния его на снижение уровня безработицы и признание уровня квалифицированности рабочей силы Казахстана в евразийском экономическом пространстве.

Для трудоспособных граждан России значимость трудовой миграции в странах ЕАЭС относительно стабильна, но есть рост в 2019 г. на 20 %, что свидетельствует о появлении их заинтересованности в присутствии на рынках человеческих ресурсов других стран ЕАЭС, прежде всего белорусском.

В Беларуси сальдо трудовой миграции в численности населения страны в 2015-2017 гг. снижалось, но в последние 2 года стало расти, особенно в 2019 г., увеличившись более, чем вдвое по сравнению с предыдущим годом. Это свидетельствует о тех негативных процессах, которые имели место в тру-

довых коллективах страны и выразились в 2020 г. в позиции, занятой некоторыми их членами при выборах Президента страны. Таким образом, показатель значимости международного перемещения трудовых ресурсов отражает их миграционные намерения, в связи с чем может быть рекомендован в качестве необходимого при изучении общественного мнения для упреждения нежелательного оттока трудоспособного населения и формирования эффективной социальной политики в стране.

Характерным показателем интенсивности интеграционных связей может служить объем взаимных прямых иностранных инвестиций внутри интеграционного объединения по сравнению с ПИИ стран — участниц объединения в другие страны мира. Индикаторами значимости иностранных инвестиций являются показатели удельного веса притока, оттока и чистого притока-оттока [16, с. 3]. В исследовании изучена значимость притока и оттока инвестиций Казахстана в рамках ЕАЭС.

Показатель значимости валового притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из стран евразийского интеграционного блока для Казахстана оказался практически неизменным в 2010-2012 гг., оставшись в диапазоне 4,5 % (2010 г.) – 4,1 % (2012 г.) (таблица 4).

Таблица 4 – Динамика валового притока и оттока прямых иностранных инвестиций Казахстана со странами ЕАЭС, млн. \$ США

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Валовый приток ПИИ, всего	22 246	26 467	28 885	24 098	23 726	14 847	21 006	20 960	24 263	24 114
В том числе из стран ЕАЭС	993,3	1 085,9	1 192	1 467,2	1 738	590,1	928,0	500,6	605,3	1 500,0*
Значимость притока ПИИ из стран ЕАЭС, %	4,5	4,1	4,1	6,1	7,3	4,0	4,4	2,4	2,5	6,2
Валовый отток прямых инвестиций, всего	10490	8034	3021	8691	3244	6928	4279	1 993	1 318	2 667
В том числе в страны ЕАЭС	164,6	182,8	49,6	189,9	111,7	418,1	606,8	434,4	442,2	528,4
Значимость валового оттока инвестиций в страны ЕАЭС, %	1,6	2,3	1,6	2,2	3,4	6,0	14,2	12,2	33,5	19,82
Значимость ПИИ из стран ЕАЭС к ВВП, %	0,7	0,6	0,6	0,6	0,8	0,3	0,2	0,1	0,3	0,8

Примечание – составлено авторами по данным источников [5, с. 20-21], за 2017-2018 по ЕАЭС [17, с. 6] и 2019 г. [18]

Показатели значимости притока и оттока ПИИ рассчитаны как отношение их объемов в соответствующем периоде в стране из ЕАЭС к общим их валовым показателям по всем странам мира. В 2013-2014 гг. Показатель значимости возрос по притоку более чем в 1,5 раза, показал снижение в 2017-2018 гг. и достиг уровня 2013 г. в 2019 г. Таблица 4 показывает, что в целом динамика притока прямых инвестиций в Республику Казахстан снижалась в период 2010-2016 гг., а оттока – росла. Самый большой валовой приток прямых инвестиций наблюдался в 2014 г. (\$1 738 млн.), наиболее низкий – в 2015 г. (\$590,1 млн.), что было связано с падением мировых цен на углеводороды и валютным кризисом в Казахстане. В 2016 г. показатель значимости инвестиций из стран ЕАЭС к ВВП оказался ничтожно мал – 0,2 % (снижение в 3,5 раза с 2010 г.).

Валовый приток ПИИ в Республику Казахстан из стран ЕАЭС за годы работы интеграционного объединения существенно вырос. В 2019 г. он увеличился в 2,5 раза относительно уровня 2015 г. и достиг \$1,5 млрд. [14]. Очень интересны повторяемые через год колебания оттока инвестиций в основной капитал из Казахстана в страны мира в динамике 2010-2015 гг. Он практически снизился в 2016-2017 гг., ещё более уменьшился в 2018 г. и, вдруг, на 103 % возрос в 2019 г. по сравнению с 2018 г. (Рисунок 3).

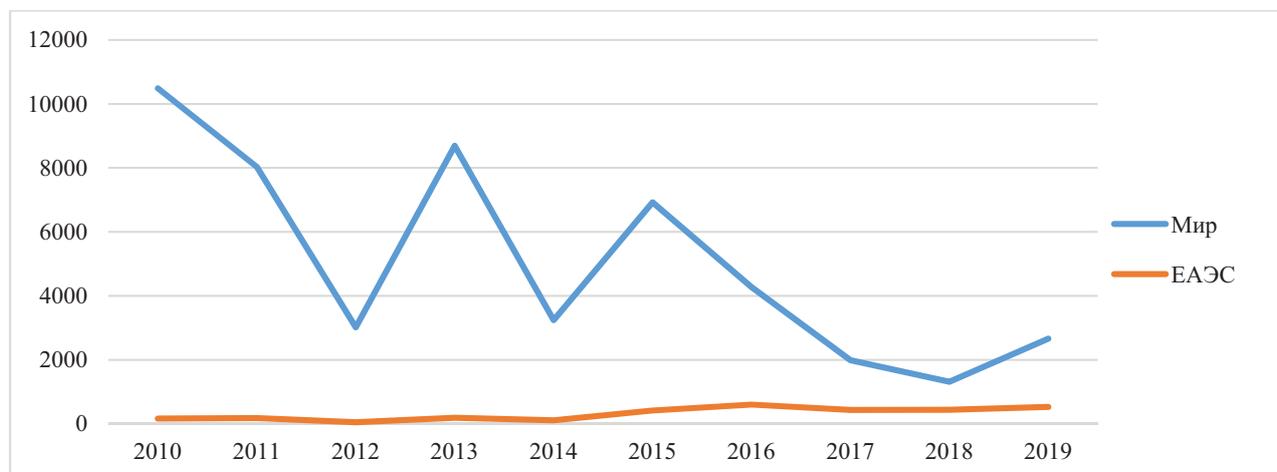

Рисунок 3 – Прямые инвестиции Казахстана в страны мира и ЕАЭС
Примечание – составлено авторами по данным таблицы 4

При этом колебания оттока прямых инвестиций в страны ЕАЭС из Казахстана были не столь значительными до 2015 г. Он увеличился с 1,6 % в 2010 г. до 14,2 % в 2016 г. Кроме того, после создания этого интеграционного объединения вложения в основной капитал в этом направлении характеризуются подъёмом и пока относительно стабильными объёмами.

Таким образом, по четырем основным направлениям евразийской экономической интеграции (рынки товаров, услуг, труда и прямых иностранных инвестиций) в 2010-2019 гг. наблюдались изменения, неоднозначно положительные для его ведущих членов. Указанные интеграционные направления ЕАЭС были определены для укрепления возможностей национальных экономик и государств-членов посредством свободного перемещения товаров, услуг, капитала и людей.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Дальнейшее развитие евразийской экономической интеграции позволит обеспечить формирование общего рынка и эффективное регулирование взаимодействия на нём. Научно обоснованно было бы это организовывать с применением теорий международной торговли сравнительных преимуществ Д. Рикардо и конкурентных преимуществ М. Портера.

На рынке товаров значимость взаимной торговли в ЕАЭС возросла с его созданием для Казахстана и России, для Беларуси – снизилась, хотя экспортная квота возросла в среднем за 2015-2019 гг. более чем на 7 %. Это говорит о том, что страна является экспортёром-брутто в интеграционной группировке и, что объясняется востребованностью её товаров в других экономиках объединения.

Эффективность интеграции ведущих стран на рынке услуг ЕАЭС оказалась растущей для Беларуси и России, что имеет особое значение как показатель постиндустриализационного их взаимодействия и перспектив его посткоронавирусного развития. Однако, взаимные экспортные объёмы оборота услуг Казахстана, увеличившись в 2015-2016 гг. почти в 1,5 раза по отношению к ВВП, в последующие годы опять спустились практически до прежнего уровня. Выявленные дисбалансы характеризуют ослабление роли Казахстана на рынке услуг ЕАЭС и создают потенциальные риски для формирования импортозависимости по этой продукции в его рамках и требуют незамедлительных мер по их устранению.

В области миграционных потоков также нарастали дисбалансы по сравнению с Россией и Беларусью, что сигнализирует о проблемах, как на рынке труда Союза, но, прежде всего, Казахстана.

У Казахстана на спаде находились и объёмы инвестиционного вклада в сотрудничество со странами мира. Правда, 2019 г. показал рост его, но этот год стал непоказательным в динамике развития стран и мировой экономики в целом. Причём, это происходило на фоне небольшого увеличения значимости валового оттока инвестиций из Республики Казахстан в страны ЕАЭС. Таким образом инвестиционная

активность страны возросла в рамках анализируемого интеграционного объединения и подтверждает формирование в ней второго типа экономики по определению Всемирного экономического форума.

Валовый же приток ПИИ в Казахстан из всех стран мира в анализируемом периоде возрос за годы функционирования ЕАЭС на 63 %. Со странами этого блока его рост был нестабильным и, хотя рост в 2019 г. составил 255 %, это произошло в основном в период пандемического кризиса, который не может быть характерным в рассматриваемом динамическом ряду.

Отдельные учёные заметили, что во взаимной торговле интегрирующихся стран ЕАЭС в некоторых товарных группах преобладал межотраслевой обмен, что препятствовало выстраиванию производственных цепочек стоимости в отдельных несырьевых отраслях и это не является фактором эффективности интеграции в данном интеграционном блоке [19]. Вместе с тем, следует обратить внимание и на Киргизию с Арменией в составе Евразийского Экономического Союза, «поскольку малые страны неизменно оказываются в невыгодном положении в региональных соглашениях, построенных на принципах либеральной экономики» [20].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Timirova A. B., Abdimominova A. Sh. The competitiveness of the economy of Kazakhstan within the EAEU // *Trade Policy*. – 2018. – № 1 (13). – P. 23-32.
2. Сакс Дж. Д., Ларрен Ф. Б. Макроэкономика. Глобальный подход: Пер. с англ. – М.: Дело, 1996. – 848 с.
3. Lin See-Y. *The Global Economy in Turbulent Times*. – Singapore: John Wiley & Sons Pte. Ltd, 2015. – 962 p. – DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119155133.index>
4. Moonsung K., Soonchan P. Institutional Economic Integration between South and North Korea and the Economic Impacts of Integration // *Asian Economic Journal*. – 2018. – Volume 32. – Issue 3 – P. 257-276. – DOI: <https://doi.org/10.1111/asej.12158>
5. Алпысбаева С. Н., и др. Казахстан в Евразийском экономическом союзе: эффекты интеграции: Монография / Под научной редакцией доктора экономических наук, профессора С. Н. Алпысбаевой – Астана: АО «Институт экономических исследований», 2017. – 129 с.
6. Как рассчитать экспортную квоту? [Электронный ресурс] // Как просто [web-сайт]. – 2012. – URL: <https://www.kakprosto.ru/kak-109477-kak-rasschitat-eksportnyuyu-kvotu> (дата обращения 18.02. 2021).
7. Экспортная квота [Электронный ресурс] // Академик. Финансовый словарь [web-сайт]. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/19538 (дата обращения 18.02. 2021).
8. Липин А. С., Полякова О. В. Оценка интеграционных процессов в Едином экономическом пространстве на примере торговли товарами // *Евразийская Экономическая Интеграция* — № 1 (22) февраль – 2014. – С. 80-96.
9. Евразийская экономическая комиссия. Экспорт и импорт услуг в Евразийском экономическом союзе. 2019 год (по оперативным данным) // *Статистический бюллетень*. – Москва. – 2020. – 58 с.
10. Внешняя и взаимная торговля товарами Евразийского экономического союза (млн. долларов США) [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия [web-портал]. – 2020. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/default.aspx (дата обращения 08.12. 2020).
11. Беларусь – Валовой внутренний продукт [Электронный ресурс] // Кноема [web-портал]. – URL: <https://knoema.ru/atlas/Беларусь/ВВП> (дата обращения 08.12. 2020).
12. *World Trade Statistical Review 2020*. – 2020. – 154 p. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2020_e/wts2020_e.pdf (дата обращения 17.12.2020).
13. Lagutina M. The Eurasian economic union in the context of transformation of the international trade system // *Globalization and Trade Integration in Developing Countries: Book* – Hershey, PA, US: IGI Global, 2018. – – Book Chapter – P. 55-75. – DOI: 10.4018/978-1-5225-4032-8.ch003.
14. *Статистика международной миграции / Практическое руководство для стран Восточной Европы*

и Центральной Азии // Европейская Экономическая Комиссия ООН, Фонд ООН в области народонаселения – Женева: Организация Объединенных Наций, 2011. – 104 с.

15. Показатели международной миграции в государствах-членах ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия [web-портал]. – 2020. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/population.aspx (дата обращения: 21.12.2020).

16. Гриценко Т. С., Передера Ж. С., Матев Н. А. Статистический анализ экспорта и импорта иностранных инвестиций России // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – Том 9. – № 6 (2017). – С. 1-12 – URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/33EVN617.pdf> (дата обращения: 21.12.2020).

17. Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. 2018 год по оперативным данным // Статистический бюллетень. – М.: Евразийская экономическая комиссия, 2019. – 29 с.

18. ЕАЭС обеспечил приток прямых инвестиций в Казахстан // Евразия. Эксперт [web-портал]. – 2020. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/eurazia/eaes-obespechil-pritok-priamyh-investicii-v-kazahstan-ekonomist-kisi-5ec3b49fc210ab103fb4220a> (дата обращения: 21.12.2020).

19. Mursalova Kh., Ainakanova B., Kazkenova A., Zhalelkanova N., Ozpence O. Analysis of Problems of Kazakhstan's Economic Integration in the EAEU // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2020. – Vol. XI. – № 4(50). – P. 1218-1232. – DOI: 10.14505/jarle.v11.4(50).18.

20. Мухаметдинов М. Евразийский экономический союз: состояние дел [Электронный ресурс] // RIAC: Blogs [web-сайт]. – 2020. – URL: <https://russiancouncil.ru/en/blogs/mmukhametdinov/the-eurasian-economic-union-state-of-affairs> (дата обращения: 19.01.2021).

REFERENCES

1. Timirova, A. B. and Abdimominova, A. Sh. (2018). The competitiveness of the economy of Kazakhstan within the EAEU. Trade Policy, 1(13), 23–32.

2. Sachs, J. D. and Larren, F. B. (1996). Makroeknomika. Global'nyj podhod, Delo, Moscow, 848 p. (In Russian).

3. Lin See-Y. (2015). The Global Economy in Turbulent Times, Singapore: John Wiley & Sons Pte. Ltd, 962 p., DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119155133.index>

4. Moonsung, K. and Soonchan, P. (2018). Institutional Economic Integration between South and North Korea and the Economic Impacts of Integration. Asian Economic Journal, 32(3), 257-276, DOI: <https://doi.org/10.1111/asej.12158>

5. Alpysbaeva, S. N., et. al. (2017). Kazahstan v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze: efekty integracii: Monograph, Astana, JSC "Institute of Economic Research", 129 p. (In Russian).

6. Kak rasschitat' eksportnuyu kvotu (2012). Kak prosto. Retrieved February 18, 2021, from <https://www.kakprosto.ru/kak-109477-kak-rasschitat-eksportnuyu-kvotu> (In Russian).

7. Eksportnaya kvota. (n.d.). Academician. Financial vocabulary. Retrieved February 18, 2021, from https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/19538 (accessed) (In Russian).

8. Lipin, A. S. and Polyakova, O. V. (2014). Evaluation of integration processes in the Single Economic space on the example of trade in goods. Eurasian Economic Integration, 1(22), 80–96.

9. Eurasian Economic Commission (2020). Eksport i import uslug v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze, 2019 god (po operativnym dannym). Statistical Bulletin, Moscow, 58 p. (In Russian).

10. Vneshnyaya i vzaimnaya torgovlya tovarami Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza (2020). Eurasian Economic Commission. Retrieved December 8, 2020, from http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/default.aspx (In Russian).

11. Belarus' – Valovoj vnutrennij produkt (n.d.). Knoema. Retrieved December 8, 2021, from <https://knoema.ru/atlas/Беларусь/ВВП> (In Russian).

12. World Trade Statistical Review 2020 (2020). Retrieved December 17, 2021, from https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2020_e/wts2020_e.pdf, 154 p.

13. Lagutina, M. (2018). The Eurasian economic union in the context of transformation of the international trade system [Book Chapter], Globalization and Trade Integration in Developing Countries: Book, Hershey, PA, US: IGI Global, 55-75, DOI: 10.4018/978-1-5225-4032-8.ch003

14. Statistics of international migration [Practical guide for the countries of Eastern Europe and Central Asia] (2011). United Nations Economic Commission for Europe, United Nations Population Fund-Geneva: United Nations, 104 p.
15. Indicators of international migration in the member States of the EAEU (2020). Eurasian Economic Commission. Retrieved December 8, 2020, from http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/population.aspx
16. Gritsenko, T. S., Peredera, Zh .S. and Matev, N. A. (2017). Statistical analysis of export and import of foreign investments in Russia. Online Journal NAUKOVEDENIE, 9(6), 1–12, Retrieved December 21, 2020, from <https://naukovedenie.ru/PDF/33EVN617.pdf>
17. Eurasian Economic Commission (2019). Pryamyje investicii v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze. 2018 god po operativnym dannym. Statistical Bulletin, Moscow, 29 p. (In Russian).
18. EAES obespechil pritok pryamyh investicij v Kazahstan – ekonomist KISI (2020). Eurasia. Expert. Retrieved December 21, 2020, from <https://zen.yandex.ru/media/eurazia/eaes-obespechil-pritok-priamyh-investicii-v-kazahstan--ekonomist-kisi-5ec3b49fc210ab103fb4220a> (In Russian).
19. Mursalova, Kh., Ainakanova, B., Kazkenova, A., Zhalelkanova, N. and Ozpence, O. (2020). Analysis of Problems of Kazakhstan’s Economic Integration in the EAEU. Journal of Advanced Research in Law and Economics, XI, 4(50), 1218–1232, DOI: 10.14505/jarle.v11.4(50).18.
20. Mukhametdinov, M. (2020). Eurasian Economic Union: state of Affairs-Excerpts. The Eurasian Economic Union and the Theory of Integration, Retrieved January 19, 2021, from <https://russiancouncil.ru/en/blogs/mmukhametdinov/the-urasian-economic-union-state-of-affairs>.

ASSESSMENT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES INTEGRATION ECONOMIC EFFICIENCY

H. N. Mursalova¹, L. K. Baimagambetova^{2*}, O. Ozpence³

¹Kazakh Humanitarian Law Innovative University, Semey, Republic of Kazakhstan

²Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

³Pamukkale University, Denizli, Turkey

ABSTRACT

The purpose of the study is to assess the effectiveness of the achieved level of integration of the leading countries within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU).

Methodology: a quantitative approach is used. Based on the results of the analysis of dynamic series, the mutual openness of country economies and their mutual trade is estimated by the methods of calculating the export quota, which shows the content of exports in the volume of gross product. A broader analysis of integration interaction involves the study of other equally important indicators. Thus, the indicators of the importance of mutual trade in goods and services, mutual labor migration for the leading countries of the Eurasian Economic Union and mutual flows of foreign direct investment for Kazakhstan within all the countries of the EAEU were also used and mutual FDI flows for Kazakhstan within all EAEU countries were also used.

The originality / value of the study lies in the coverage of the last years of the Eurasian integration, the calculation of indicators of the significance and evaluation of the effectiveness of foreign economic relations in their main areas in the Eurasian integration grouping for its leading countries.

The results of the study – in 2015-2019, there is an achievement of relative openness and an increase in the importance of trade in goods and services, a decrease in the importance of migration between Kazakhstan and the main participants of the EAEU. At the same time, the flows of foreign direct investment to and from Kazakhstan within the union are characterized by positive changes.

Keywords: international economic integration, the effectiveness of integration activities in the EAEU, the importance of mutual trade and labor migration, the importance of foreign direct investment flows.

ЕУРАЗИЯЛЫҚ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ОДАҚ ЕЛДЕРІ ИНТЕГРАЦИЯСЫНЫҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ТИІМДІЛІГІН БАҒАЛАУ

Х. Н. Мұрсалова¹, Л. К. Баймагамбетова^{2*}, О. Озпенс³

¹Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университетінің докторанты,
Семей, Қазақстан Республикасы

²Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

³Университет Памуккале, Денизли, Турция

АҢДАТПА

Зерттеу мақсаты – Еуразиялық экономикалық одақ (ЕАЭО) шеңберінде жетекші елдер интеграциясының қол жеткізілген деңгейінің тиімділік дәрежесін бағалау.

Әдіснамасы: сандық тәсіл қолданылды. Динамикалық қатарларды талдау нәтижелеріне сүйене отырып, жалпы өнім көлемінде экспорттың мазмұнын көрсететін экспорттық квотаны есептеу әдістерімен ел экономикалары мен олардың өзара саудасының өзара ашықтығы бағаланды. Интеграциялық өзара іс-қимылды неғұрлым кең талдау басқа да маңызды индикаторларды зерделеуді көздейді. Осылайша, тауарлар мен көрсетілетін қызметтердің өзара саудасы, Еуразиялық экономикалық одақтың жетекші елдері үшін өзара еңбек көші-қоны және ЕАЭО-ның барлық елдері шеңберінде Қазақстан үшін тікелей шетелдік инвестициялардың өзара ағындары маңыздылығының көрсеткіштері пайдаланылды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы – еуразиялық интеграцияның соңғы жылдарын қамту, оның жетекші елдері үшін Еуразиялық интеграциялық топтамада олардың негізгі бағыттары бойынша сыртқы экономикалық байланыстардың маңыздылық көрсеткіштерін айқындау және тиімділігін бағалау болып табылады.

Зерттеу нәтижелері: 2015-2019 жылдары ЕАЭО шеңберінде Қазақстан экономикасының өзара ашықтығы салыстырмалы түрде тұрақтанды және оның негізгі қатысушыларымен өзара арасындағы тауарлар мен көрсетілетін қызметтер сауданың маңыздылығының өсуі, көші-қон маңыздылығының төмендеуі байқалады. Сонымен бірге Қазақстанға және Одақ шеңберіндегі елден тікелей шетелдік инвестициялар ағыны оң өзгерістермен сипатталады.

Түйін сөздер: халықаралық экономикалық интеграция, ЕАЭО-дағы интеграциялық қызметтің тиімділігі, өзара сауда мен еңбек көші-қонының маңыздылығы, тікелей шетелдік инвестициялар ағындарының маңыздылығы.

ОБ АВТОРАХ

Мурсалова Халима Нұғманқызы – магистр экономических наук, докторант, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, Семей, Республика Казахстан, e-mail: hali77@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1340-1239>

Баймагамбетова Ляззат Каирбековна – кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз, e-mail: lyazzat.baimagambetova@narхоз.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3472-2266>*

Озпенс Озай – Ph.D., ассоциированный профессор, Университет Памуккале, Денизли, Турция, e-mail: [oozpence\(at\)pau.edu.tr](mailto:oozpence(at)pau.edu.tr)

MPHTI: 06.52.17

JEL Classification: M14

<https://doi.org/10.52821/2224-5561-2021-3-20-39>

DEVELOPMENT OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY FRAMEWORK FOR DEVELOPING COUNTRIES: THE CASE OF KAZAKHSTAN

A. Orazayeva^{1*}, M. Arslan¹

¹KIMEP University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of research. The aim of this systematic review is to develop a general framework which is applicable for analysis of corporate social responsibility (CSR) in developing economies. This framework is further applied to transitional economy such as Kazakhstan.

Methodology. This study presents a systematic review of existing CSR literature on developing economies. The study used the content analysis approach and identified the relevant studies by searching the keywords. Based on existing literature, the study developed a general framework which summarizes mostly noted motives and limitations relevant for CSR discussion in the context of developing countries.

Originality / value. The most of existing studies aimed on developed countries and limited research is conducted in the context of developing countries that are characterised by weak institutional environment and have different socio-economic factors, compared to their counterparts. The study adds value to existing CSR literature by developing the framework which summarizes motives and limitations of CSR for developing countries.

Findings. We identified that most of existing studies have reported the barriers of undertaking CSR research and documented the factors such as corruption, weak stakeholder activism and lack of government controls as main constraints. On the other hand, existing studies reported that religious traditions, historical background, globalization, and government institutional voids are the main drivers of CSR studies. Subsequent application of the framework to Kazakhstan shows that these constraints and motives are also true for the country.

Keywords: CSR, society, community, contribution, developing countries, Kazakhstan.

INTRODUCTION

Despite the relative novelty of CSR term, the discussions regarding the role of business in society could be traced back to ancient thinkers such as Cicero who stressed the significance of moral behaviour in business practices. Since then, these debates were evolving, putting greater pressure on the moral image of entrepreneurs, as demonstrated by the boycotts of firms accused in using slave labour. More recently, sustainability issues are gaining global outlook founded on the aspects of environment, development, and human rights [1]. CSR concept is still progressing, with no consensus neither on the exact definition of CSR, nor on the responsibilities of firms in the sustainability framework. It is suggested to view CSR as an “umbrella” term uniting various practices and theories on three grounds: firm’s impact on society beyond legal requirements, its obligations towards different groups of stakeholders, and its interaction with wider society [2].

As focus of CSR is firm’s interplay with other actors of the environment and context where CSR is implemented. Face of CSR changes in different societal settings, due to inherent differences between societies themselves [3]. While Anglo-Saxon approaches to CSR dominate in publicity due to more prominent division between social and economic issues in Western countries, CSR can appear in other forms of social contract and carry different meaning in developing parts of the world [2]. In particular, CSR should be studied under unique prism in developing countries due to the several factors as summarized by Visser [4]. Firstly, developing economies are represented by countries having the highest growth potential. Secondly, these economies are facing acute social and environmental issues. Thirdly, impact from investment, globalization, and eco-

conomic growth in developing countries can have dramatic consequences, both negative and positive, on their society and environment. Finally, challenges to CSR agenda in developing world are different from the ones faced in developed economies. These emerging economies have divergent socio-economic environment from western countries. Therefore, the CSR developed by western countries have failed to show its effectiveness in developing countries. It arises the need to develop the CSR framework by looking into the unique environment of emerging economies. The socio-economic factors should also be integrated into the CSR framework to increase its effectiveness and compliance. Locally developed CSR conceptions are believed to better address regional social and environmental problems compared to the ones imported from the West, as they address specific pressing issues for the country, such as poverty, education, and healthcare, while Western approaches focus more on consumer protection, fair trade, and socially responsible investment [5].

The aim of this systematic review is to develop CSR framework which is applicable to developing economies, by highlighting motives and constraints of CSR implementation in developing countries' context covered in existing literature. The study shows that developing countries possess unique set of factors which ultimately shape their face of CSR. In addition, the applicability of this framework is tested on the example of transitional economy, Kazakhstan. This study contributes to existing CSR literature by presenting a general framework which summarizes motives and constraints of implementing CSR in developing countries, which represent a largely neglected spot in CSR literature.

MAIN PART

Methodology. This study utilized content-analysis approach for conducting systematic review. In particular, the relevant studies were initially identified by searching the key words in either paper's title or abstract, as summarized in Table 1. Initially, we collected 65 articles which satisfied key words criteria. Subsequent careful reading of abstracts of selected papers resulted in the exclusion of 15 papers, which lacked relevant discussion of the issues of CSR inherent to developing countries. The studies written during the period spanning from 1962 to 2020 were included into the review. In formulating the CSR framework, this systematic review focused on the drivers and limitations suggested by the scholars on CSR topic covering various developing countries around the globe. To reduce bias errors, quality of papers was also checked by including the ones published in peer-reviewed journals, (e.g., Scopus, Emerald insight, ScienceDirect, SAGE) books and conference proceedings.

Table 1 – Key words criteria

Research protocol	Description
Search fields	Titles and Abstracts
Databases	peer-reviewed journals, books, and conference proceedings, including Scopus, Emerald insight, ScienceDirect, SAGE.
Key words	CSR, developing country, emerging country, CSR problems, limitations, opportunities, benefits, Latin America, Africa, India, post-communist countries, religion, tradition, philanthropy, morality, business, social responsibility, context, society, community
Note – compiled by the authors	

Literature review

CSR evolution

Early literature inspired by shareholder theory mainly viewed CSR as a wasteless activity which damages profits of firm's business owners [6]. Agency theorists also questioned value of CSR by arguing that social initiatives undertaken by firm could be impacted by agency conflict, with managers promoting their own social interests or stakeholder preferences under the mask of CSR [7]. However, later works exhibit support of CSR, by arguing that socially responsible activities can enhance value of the firm. For example, Baron [8] noted that CSR is used by the firm as a tool to increase product demand and reduce costs. In addition, literature commonly highlights positive role of CSR practices in creating competitive advantage (e.g. [9];[10]). Furthermore, many

authors demonstrate positive effect of CSR on financial performance (e.g. [11]; [12]), thereby providing additional arguments in favour of undertaking socially responsible initiatives by the firm.

This change of views in respect to CSR was significantly influenced by globalization, which modified the environment in which business operates and reviewed the role business plays in society. Shift of world production to regions with weaker legal and regulatory systems made public issues particularly acute [13]. Due to such blurred boundaries, single government lacks enforcement mechanisms to deal with cross-national social and environmental issues, thereby creating conditions for private actors to fill institutional voids and respond to matters of public concern [14]. Nowadays, growing number of multinational firms are voluntarily taking public functions that once were attributed to government's public agenda [15]. These contributions are made by firms through investing their resources in education, health, or human rights. Thus, in the globalized framework, firm's role is expanding from merely contributing to private, but also to public good, therefore making private business not only economic, but also a political player [16].

In addition to globalization, shift of political ideology and introduction of political reforms in many countries contributed to ennobling the significance and importance of CSR role. The capitalist model dominated in 1950s and 1960s which focused on profit maximization, entailed violation of labor rights, causing subsequent response in society calling for more responsible business practices [17]. In 1980s and 1990s, the consequences of human actions on environment, including the ones by corporate entities, started to receive greater attention from international bodies [18]. Massive privatization of public services, such as healthcare, transportation, telecommunications and other seen in last decade, also changed the way CSR is perceived by putting in hands of private firms' products of social significance [19].

CSR in developing countries

Despite growing recognition of the importance of CSR role, due to inherent institutional differences, expectations from socially responsible initiatives and their strategic value are not the same across countries [20]. CSR is traditionally viewed as a Western phenomenon, with developed countries taking the lead in the implementation of CSR practices, regulations, thus exhibiting higher demand from firms to address social issues. Higher CSR disclosure scores in developed countries compared to developing ones reported by Bhatia and Makkar [21], also confirm that firms in developed countries put great focus on CSR practices in their business agenda. Media also plays an important role in highlighting the importance of CSR and increase its awareness among stakeholders. It is not surprising that current state of CSR research is mainly concentrated on developed countries, largely neglecting parts of the world where environmental and social problems are particularly evident [22]. Recently, Pisani et al. [23] conducted a systematic review and examined the globality of CSR research conducted over the last 31 years period and showed that developing countries receive little coverage by international CSR research, thereby questioning global nature of CSR literature.

However, implementation of CSR practices has a special importance for developing countries in particular at least for the following reasons. Firstly, developing countries' settings are characterized by the presence of institutional gaps, which CSR has a potential to address [24]. Furthermore, it is argued that CSR practices in developing countries should be assessed through the prism of these gaps [25]. Secondly, increased cross-border investment witnessed in recent years raises the role of CSR in international business operations. For example, striking number of instances when multinational firms originated from Southern and Eastern regions are investing in Western economies, calls for adaption of the former to new environment distinguished by stronger stakeholder pressure [26]. On the other hand, investment in less developed regions makes multinational firms to deal with unstable and fragile environment [23].

The role of CSR in filling institutional gaps was demonstrated by El Ghouli et al. [27], who observed that CSR initiatives have greater value in countries characterized by weak market institutions. In particular, authors found that in countries with weak equity and credit markets, CSR can result in better access to financing. In addition, the study showed that in countries where business freedom is constrained, CSR can increase investment, while decreasing default probability. Finally, in countries with weaker legal institutions, authors observed positive role of CSR in extending trade credit period and improving sales prospects. These findings suggest that CSR reduces transaction costs which usually arise due to the presence of institutional gaps in the country.

In countries with weak market environment, which is common feature of developing economies, CSR can lead to increased transparency and reduced managerial discretion, thereby mitigating agency costs and informational asymmetry [28]. In addition, in countries with high state intervention in business matters which put a constraint on managerial investment, firms can gain a support from local communities for value-maximizing investments by demonstrating commitment to environmental and social matters [27]. CSR initiatives can build social capital by the means of relationships with stakeholders, which in turn lead to lower business risk [29]. In countries with weak legal environment, where enforcement of contracts lacks power, firm's commitment to CSR can boost confidence of suppliers and customers, reflecting in positive trade terms and sales [30].

Though, positive views of the impact of CSR in developing countries also face the critique that CSR is not a panacea. The following section presents arguments in favor and against of implementation of CSR in developing countries.

Benefits to firm from CSR Practices

CSR as a Win-Win Strategy

Contribution of firms to resolving acute social problems can make substantial difference in overall country's social well-being, allowing firms to benefit from more stable society and safer environment in the country of its operations. In this way, CSR can be viewed as a win-win strategy by building synergetic value [31]. The value could be created by engaging in activities which contribute to social needs, but at the same time are in line with firm's business objectives. Improved social living can result in the expansion of firm's customer base or workforce [32]. Though, Rekom et al. [33] argued that firm should focus on CSR activities which are in line with its core operations, as they are the ones which are expected to bring value and are less likely to be cut during the periods of downturn. They also noted that undertaking initiatives unrelated to main business may result in employees' demotivation due to the feeling of lack of expertise to resolve the issue, as well as meet less support from external and internal stakeholders.

Building Competitive Advantage

By implementing CSR practices, firms can build competitive advantage through differentiation, risks and costs reduction and brand loyalty. CSR can be viewed as a form of differentiation strategy, making firm to stand out from competitors [34]. In addition, it can strengthen firms' relationships with various groups of stakeholders [35] and attract investors which care about positive history of employee, environment, and corporate governance [36]. However, in order to build competitive advantage, CSR should be implemented carefully in alignment with firms' economic gains and social benefits [32]. In terms of risk reduction, CSR is argued to bring "insurance-like" protection to firms' shareholders [37]. CSR can also decrease costs through a reduction of firm's cost of capital, which was demonstrated by several studies, including on developing economies [38; 39; 27]. With regard to reputation, firms can make a statement regarding their corporate values and enhance reputation by engaging in socially responsible activities. For example, in Brazil, firms which pass certification from Abrinq Foundation receive a logo for fighting child labour, which is later used by firms to communicate their values to young generation [40].

Improving bottom-line through CSR

The relationship of the level of CSR and corporate financial performance has been standing among the top issues of CSR research agenda for both developed and developing economies. Some proponents of the positive link between the two argued that CSR has a value-enhancing effect on firm's reputation, which in turn results in higher investment trust, open market opportunities and positive reaction of capital market, reflected in the improved financial performance [41]. Supporting example of positive relationship in developing countries was demonstrated by Uadiale and Fagbemi [42] on the basis on quoted Nigerian firms, finding positive significant relationship between CSR and financial performance measures, namely Return on Assets (ROA) and Return on Equity (ROE). Similarly, positive relationship between the variables was documented by Akben-Selcuk [43] on a sample of non-financial public firms in Turkey. In Chinese context, Chen and Wang [44] reported that CSR activities in current year can have positive effect on firm's financial performance in the next reporting period. Direct benefits from CSR include reputation, lower employee turnover and higher employee satisfaction, thereby improving overall financial performance [45].

Criticism on CSR

Despite opportunities which CSR opens to business and socio-economic issues it addresses, evidence regarding its impact on developing countries is inconclusive. The main unanswered question remains is whether CSR can actually contribute to development? Mainstream CSR practices were criticized for overemphasis on corporate reputation, which distracts the focus from actual problems falling under the scope of CSR [46]. In addition, CSR can lead to bias towards the interests of firm's primary stakeholders, overlooking other social groups that can also be indirectly impacted by firm's operations [47]. Newell's [48] argument that "CSR can work, for some people, in some places, on some issues, some of the time", supports the view that applying one model of CSR is not appropriate in global outlook.

Classical critique by Friedman [49] that business is responsible only for maximizing profits of shareholders, with social matters left to the hands of government, is under question in the case of developing countries due to their weak institutional framework that is not able to resolve all acute social issues. On the other hand, argument that involvement of firms in the activities unrelated to business can result in the dilution of its main business objective [50], can be applied to firms in both developing and developed countries.

Built on these contrasting views regarding the value of CSR to developing nations, this study proposes the framework for CSR in developing countries to enhance the understanding of CSR to such countries in general, and review motives and limitations of its implementation argued in previous literature. Next, this study tests the application of this framework on transitional economy, Kazakhstan. But prior to creating the framework, this study discusses CSR in developing countries through the prism of Carroll's CSR pyramid in the section that follows.

Carroll's CSR Pyramid in Developing Country

Society's expectations from organizations are commonly viewed by applying Carroll's [51] pyramid which is comprised of the four responsibility layers imposed on firm by society: economic, legal, ethical, and philanthropic. Economic responsibility is a foundation of the pyramid and represents a baseline requirement from a business to be able to sustain itself by generating profits, creating workplaces, and producing goods and services the society needs and desires [52]. Going to the second layer, firms are constrained by various laws and regulations which reflect society's view of fair business. Thus, firms are expected to operate in consistency with government's legal requirements, comply with laws and regulations at all levels of authority, fulfil legal obligations to other stakeholders and provide goods and services which meet legal requirements. On the third level of the pyramid, society expects business to demonstrate ethical behaviour even if formal regulation is absent. In this way, firms voluntarily undertake ethical activities, guided by the principles of morality and justice while conducting their business affairs. Finally, top of the pyramid is held by philanthropic layer which represents expectation from the firm to make community contribution on voluntarily or discretionally basis. Firms are expected to act as a good citizen, like individuals.

When applying Carroll's pyramid to the context of developing countries, some modifications are needed. In particular, Visser [4] suggested different order of the layers in the pyramid, still putting economic responsibilities the bottom, followed by philanthropy, legal and ethical dimensions. Economic contribution was named as a main requirement from firm by society in developing countries, where it has special relevance due to country's facing different economic challenges, such as poverty or unemployment. In contrast to the classical pyramid, philanthropic rather than legal layer goes after economic one. Author argued that in developing countries, philanthropic tradition is strong in nature and in many ways is expected as a norm. In addition, firms are motivated to engage in philanthropy to contribute to the well-being of society where they conduct business. Legal responsibility was given lower priority than the one in original pyramid, due to the argument that in developing countries, legal environment lacks regulation and enforcement and control mechanisms to ensure good business conduct. Finally, ethical responsibilities were put at the top of the pyramid, reflecting weak ethical environment for business operations, including corruption and lack of transparency present in developing economies.

Motives of CSR in Developing Countries

The following section presents the discussion of the forces that can explain CSR initiation in developing countries found in prior literature, including religion, historical background, local governments, and globalization.

Religion

While CSR term originates from the West, the tradition for charity, altruism and community involvement is not a novel one for developing countries, though the applied philanthropic approach is less systematic. Religion was named among major motivators of this longstanding philanthropic tradition [53]. Indeed, Buddhism, Hinduism, Christianity, and Islam religions, which are widespread in developing world, are based on a notion that people uphold responsibilities to others, in this sense having an alignment with principles of CSR. Particularly, by advocating interconnection between everything in life, religion discourages people's negative social and environmental impacts [54]. In addition, religion is argued to result in a lower risk undertaken by people, and thereby, more socially conscious practices [55]. The religious atmosphere in the region imposes an effect on firm's social behaviour as well, despite religion beliefs of individual manager, due to the preference of organizations to align with social norms of local community [56]. Caring about the environment also presents an important aspect of most religious doctrines, consistently with CSR. The idea of ecological balance has long been addressed in religions, outpacing the emergence of government's environmental regulations [57].

Prior works examining impact of religion on social responsibility mostly demonstrated the support of the positive impact of religious aspect on CSR in developing countries. For example, India, despite having lowest gross national product among a sample of Asian countries examined by the study by Chapple and Moon [58], had the most developed CSR, which was attributed to philanthropic doctrines coming from Hinduism. In Latin America, region's Catholic background was argued to serve as a main driver of altruism and solidarity in private sector [59]. In particular, in Brazil, strong Catholic tradition led to creation of Christian Association of Business Executives, which made significant contribution to raising country's social consciousness [60]. Consistently, Su [61] showed the importance of religious atmosphere based on China, with higher CSR levels observed in more religious areas, which author explained by firm's less selfish behaviour and higher care about other stakeholders. Cross-country analysis conducted by Williams et al. [62] agreed that religion plays an important role in shaping attitudes towards CSR, however, authors demonstrated high variation in these attitudes among religions. They also raised a concern that people tend to exhibit different attitudes towards others depending on their religious background.

Historical Heritage

While religious component is strong enough to encourage social consciousness in many developing countries, in some other developing regions where weaker link between business and religion is traced, historical rather than religious background can explain more regarding the country's state of CSR. For example, in South Africa, apartheid past resulted in a raise of active civil society, which encouraged social justice and adoption of CSR practices in post-apartheid era [63]. However, in sub-Saharan African countries, where civil society lacks power, state of CSR is poor and requires external support [64].

Post-socialist developing countries which experienced the transition from socialism to capitalism also present an interesting case for CSR discussion. This paradigm shift was not an easy one both for people and the economies, with the effects of "socialist heritage" still echoed today. During socialism, firms did not bear responsibility for sustainable and efficient production, however, they accomplished many functions which benefited society, such as education, medicine, and sports. With privatization led by transfer to market economy, this social burden was taken away. However, the legacy of central planning and perception of firms as social entrepreneurs is still echoed in the present, motivating firms to continue undertaking social initiatives [65].

Government

Government should play an important role in enforcing and motivating of CSR, as well as creating enabling environment by incorporating CSR principles and practices in government institutions themselves [66]. However, environment which encourages CSR in developing countries is either lacking, inefficient or underdeveloped [67]. Many developing countries face with the problem of weak governance system and corruption, discussed in later section of this review, which undermines government's power to fulfil need for various social services, such as building infrastructure, improving education and healthcare. In addition, they include countries with strong dependence on natural resources, such as oil and gas, which cause governments' over-spending due to overreliance on resource richness, and neglect of non-mineral sectors of the economy, combined with widespread corruption and social inequality [68]. For example, it is argued that in Azerbaijan polit-

ical system is organized in such a manner which encourages short-term gains and rents, rather than country's long-term development [69]. In Mexico, the adoption of neo-liberal policies also hindered CSR practices [70].

CSR in developing countries can act as an alternative to government and have relevance by fulfilling government gaps in provision of social services [2]. This could be accomplished by the means of privatization, welfare reform or citizenship improvement [15]. In Latin America, private firms, despite the absence of governmental rewards, such as tax breaks, engage in community investment activities to create safe society base where they can operate more effectively [59].

Globalization

Globalization accompanied with expansion of international operations, put firms' sustainability practices under the spotlight. Multinational firms are feeling greater pressure from stakeholders, such as international organizations, non-governmental organizations, and civil society, to rethink their attitudes to CSR in developing countries where they conduct business. As a result, vertically integrated firms are introducing similar social and environmental standards in both developed and developing economies, or in case of dependency on suppliers from developing economies, firms are accounted to be responsible for their suppliers' social and environmental behaviour [71]. Though, CSR initiatives by multinational firms in developing countries are mainly implemented on a micro-level, via provision of basic services which host country's government is not able to offer. This could be driven by the relative benefit of micro-level activities to both firm itself and host country, and unwillingness of firms to engage in macro-level initiatives, such as tackling corruption, to the discontent of local authorities. However, the focus to macro-level CSR activities should be shifted, calling for greater contribution towards social and economic development of the host country of operations [69].

For local firms, CSR can be viewed as a way of accessing markets of developed world. For example, the study by Baskin [72] revealed that CSR in Central and Eastern Europe and Asia is highly motivated by gaining competitive advantage on an international arena. In addition, regional firms which are expanding to international operations, are faced with stringent international standards which encourages increased disclosure, including sustainability practices. United Nations (UN) 2030 sustainability agenda [73] which set 17 goals for sustainable development for both developed and developing countries, in many respects address solving problems which are relevant to developing world, such as poverty alleviation, no hunger, improvement of health and well-being, education and eliminating inequality. The initiative is argued to transform the world by calling for action by developed and developing countries in a global collaboration.

Limitations for CSR in Developing Countries

Main holding factors of CSR in developing countries found in prior literature include corruption, weak government enforcement and poor activism of civil society discussed below.

Corruption

Corruption represents one of the crucial factors which hinders undertaking CSR initiatives by firms in developing countries. The high level of corruption undermines firm's desire to establish long-standing relationships with stakeholders other than government officials, as their business continuity heavily depends on the ability to win tenders or licenses rather than customers, employees, or local community. Corruption can have various effects inconsistent with sustainability practices, such as violation of employees' rights and inadequate working conditions, overlooked environmental damage or poor product quality. In addition, resources allocated specifically for ecological and social needs could be misused for private interests. Corruption was named as one of the limitations for CSR practices in the studies of different countries, not only developing, but also developed ones. For example, Poland was characterized by widespread corruption, as indicated by the number of corrupt cases disclosed in the study by Lewicka-Strzalecka [74], though it was also mentioned that increasing persecution is also taking place. In Azerbaijan, corruption reflected in unequal allocation of oil revenues, also was identified as a factor constraining country's social and economic prosperity [69].

Other way round, CSR can be viewed as a tool for mitigating corruption risk. However, positive impact of CSR on corruption was mainly demonstrated in countries with strong institutions, effective regulation and high property and investment protection, which are characteristics of developed, rather than developing regions [75]. Effect of CSR on mitigating corruption in developing countries which do not share these characteristics, is less pronounced [76].

Lack of Regulation and Stakeholder Activism

The role of government in the enforcement of CSR practices cannot be underestimated. In the developed world, the growth of CSR was significantly motivated by legislation, with initial emphasis on responsible business operations, not community contribution [59]. Over time, regulation has been evolving by demanding businesses to operate responsibly in various spheres by the means of acts and reforms. Trade unions and social groups represent one of the main factors which facilitated introduction of changes in social regulation in developed world and formation of responsible business and labour practices. However, in developing countries, regulation of businesses in terms of responsible practices is less commonly observed. For example, in Turkey government focuses on economic, rather than social issues, with firms required to present only a disclosure of CSR activities, without obligation to follow a set of defined principles [77]. In addition, weak stakeholder activism fails to put pressure on governments, which in turn is not eager to impose additional standards at the cost of powerful and wealthy firms. In addition, while consumers in developing countries can exhibit sympathy to environmental issues, their buying decisions are mainly led by price rather than environmental concerns, with avoidance of purchasing environmentally friendly products due to their higher price tag [78].

Thus, review of prior literature helped this study to create general framework which summarizes motives and limitations of CSR initiation and implementation in developing countries, as demonstrated in Figure 1.

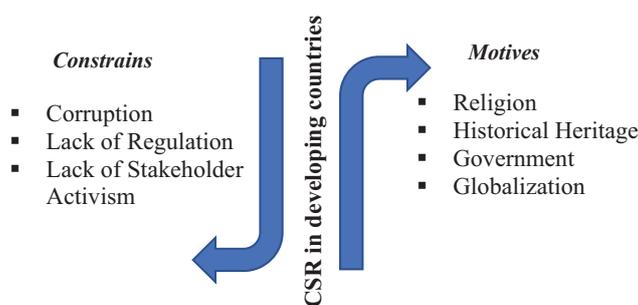

Figure 1 – Framework for CSR in developing countries.
Note – compiled by the authors

CSR in the Context of Kazakhstan

Basis of previous discussion regarding CSR in developing countries helps us to create the ground for the analysis of CSR in the context of Kazakhstan. Though considered a transitional economy rather than developing one, it shares a lot of peculiarities of CSR present in developing countries, as demonstrated below by applying CSR framework proposed by this study.

Motives of CSR in Kazakhstan

Religion

Regarding religion, unlike other developing parts of the world such as India or Latin America, where firm's philanthropical eagerness is highly influenced by religious beliefs, as described in prior sections of this review, in Kazakhstan this effect is less prominent. Kazakhstan presents a country of diverse national backgrounds, with Islam as the most practiced religion, followed by Christianity and other religions. However, religion suppression during times of communism, seriously weakened power of Muslim institutions [79]. Though in recent times, the revival of Muslim practices is witnessed in Central Asia, partly in a response to ineffective government which fails to satisfy social and economic needs of its population [80]. This observation presents an opportunity to investigate whether re-vitalization of religion had any impact on the improvement of the country's overall social well-being.

Historical Heritage

Post-Soviet background of Kazakhstan is echoed in people's attitudes and perceptions of social contribution. Similar to other countries with soviet heritage, Kazakhstan witnessed a variation of CSR, though not

labelled as such. During Soviet times, firms carried not only productive, but also social and political functions, making provision of social assets mandatory. Survey by Crotty [81] based on Russian Federation argued that Soviet legacy still plays an important role in motivating managers to undertake social initiatives in present times. This presents an interesting avenue for further research on whether such motivation is relevant for Kazakhstani firms, given its common background with Russia in terms of centralized economy.

Government

Recent steps undertaken towards more sustainable business practices in Kazakhstan cannot be denied. The strategy for development of the Republic of Kazakhstan “Kazakhstan-2050” Strategy” [82], defined citizens, government and business as three social pillars, cooperation of which is aimed to improve quality of life. According to this model of development, businesses are expected to take more responsibility with regards to social issues, society to increase its civic responsibility and state to ensure minimum social guarantees. In addition, United Nations Agenda for Sustainable Development established a framework for cooperation with Kazakhstan which focus on social, economic, and environmental aspects of global sustainable development [83]. All these efforts are targeted to improve social well-being and increase the role of business in delivering social good.

It is also important to note that several large firms in Kazakhstan are fully or partially owned by government with presence in different vital sectors of the economy. Government involvement implies that in addition to profit generation, social goals should be pursued, putting higher pressure on such firms in terms of public expectations of public goods and services. In the neighbour country, China, which is characterized by strong state involvement and control, CSR was found to be positively associated with state-ownership [84]. Also, firms with government participation were observed to provide higher CSR disclosure [85]. Further research could be conducted based on Kazakhstan to explore attitudes of population in terms of the expectations of social goods and services from state-owned firms, as well as to examine whether firms with state participation pay more attention to CSR initiatives.

Globalization

Since its independence, Kazakhstan has been undergoing through reforms targeted at the improvement of country’s investment climate and attraction of foreign investment. Joining World Trade Organization in 2015, becoming an associated member of the Organization for Economic Co-operation and Development in 2017, opening Astana International Financial Centre in 2018, establishing the Coordination Council for Attracting Foreign Investment in 2018, demonstrate eagerness of Kazakhstan to boost foreign investment and enhance external dialogue. In addition, government has been undertaking privatization projects, including offering institutional investors a stake in country’s largest national firms through initial public offerings. However, issues which hold back inflow of foreign investment still remain, such as corruption, lack of transparency and enforcement mechanisms. In this case, CSR implementation and disclosure by Kazakhstani firms can contribute to improving transparency and attractiveness of local firms to foreign investors.

Limitations for CSR in Kazakhstan

Corruption

Corruption is another challenge that hinders development of CSR in Kazakhstan. The land of this country is full of natural resources, including oil reserves. However, Kazakhstan is also a country which fell under resource curse, a paradox when countries rich with natural resources are lagging behind in terms of economic development, political stability and economic prosperity [86]. In Kazakhstan, incomes from natural resources are managed by a sovereign wealth fund, the National Fund of the Republic of Kazakhstan. However, its establishment and the way it functions represent an example of low transparency of the whole system of revenue allocation from exports of raw materials [87]. Like in Azerbaijan mentioned in prior sections of this review, population discontent is felt regarding unfairness of resource allocation and inconsistent standards of living in an oil-rich country. According to opinion poll conducted in 2010, 63 % of the Kazakhstani population agreed that spending of National Fund is inefficient [88]. Standards of living of many households in the regions of West of Kazakhstan, where production of 70 % of the country’s oil takes place, are far below average [89]. One of the striking examples of people’s discontent are protests in Zhanaozen in 2011, which were driven by labor conflict based on dissatisfaction with the level of wage by employees of the subsidiaries of the national state-owned company, KazMunaiGas (KMG).

Lack of Regulation

Weak control mechanisms also do not contribute to the widespread application of CSR practices in Kazakhstan. The disclosure of CSR practices is more voluntary in nature. Though, big national firms such as National Atomic Company Kazatomprom JSC and KMG publish sustainability reports in accordance with global standards for sustainability reporting, disclosing main principles and actions undertaken [90]. This presents an opportunity for further research of whether CSR contributions claimed by national giants are actually felt by general population. In addition, firms lack government incentives in terms of favorable tax treatment which could enchain charitable activities by the organizations. For the purposes tax or audit avoidance, firms choose not to include charitable contributions as part of their budgets [91].

Lack of stakeholder activism

Zhanaozen conflict noted previously, demonstrated low power of independent labor unions as they were neglected by state oil firms, who recognized only official Federation of Labor Unions of Kazakhstan. The latter was untrusted by strikers due to its tendency to support government side [89]. The lack of inefficient mechanisms which could have resolved labor conflict, led to the raise of informal trade unions and escalation of protest moods [87].

RESEARCH RESULTS (CONCLUSION)

This systematic review presented the framework for the analysis of CSR in developing countries by presenting discussion of main factors which shape their face of CSR. In particular, this study demonstrated that such factors as corruption, weak stakeholder activism and lack of government controls present common limitations for undertaking CSR initiatives in developing countries quoted in prior literature. In particular, corruption undermines willingness of firms to develop relationships with different groups of stakeholders, due to their dependency on the decisions of government officials, which in turn can be influenced through bribes. In addition, it can lead to misallocation of resources, inadequate working conditions and violation of workers' rights. The power of stakeholders, such as trade unions, is also weak in developing countries, and fails to enforce government to undertake initiatives targeted at social well-being. In addition, control and monitoring of CSR practices by government lacks established mechanisms.

On the other hand, existing studies reported that religious traditions, historical trends, globalization, stakeholders' pressures and evolving awareness of CSR benefits for the society are the main drivers of CSR studies. In addition, by undertaking CSR initiatives, firms can achieve such benefits as improving overall social well-being, creating competitive advantage improving financials. The study also sheds lights on CSR role and importance for Kazakhstan.

By undertaking CSR practices, at least the following benefits could be achieved by firms. Firstly, CSR can be utilized as a win-win strategy when by improving overall social well-being, firms create better social environment where it can operate and sell its products and services. Secondly, firms can create competitive advantage through CSR, as well as improved reputation. Finally, there is an evidence that CSR reflects positively on firms' financial results, though this result is inconclusive, due to different findings presented by various authors.

Having defined factors which are relevant in discussion of CSR in the context of developing countries, the suggested framework was applied to the context of transitional economy, Kazakhstan. This review argues that a lot of characteristics inherent to CSR in developing countries can also be found in Kazakhstan. This country faces the limitations of corruption, weak power of stakeholder groups and undeveloped government controls which hinder undertaking of CSR by firms. Though, major national firms present sustainability reports and overall country's development, including social well-being, are addressed in the strategy of future development, including the assistance of international organizations.

Still, CSR in Kazakhstan is only gaining popularity and understanding, suggesting opportunities for further research. Specifically, it is suggested to conduct an up-to-date opinion poll among population and firms regarding their view of CSR in Kazakhstan. In addition, it would be interesting to analyse social activities undertaken by different Kazakhstani firms and evaluate the awareness of population regarding these initiatives, as well as perceived importance of CSR contribution to overall standards of living. Does society perceive

this contribution enough and fair in the country where spending of incomes from natural resources is not that transparent? Due to limited research on CSR in Kazakhstan, there are a lot of unanswered questions for further consideration.

REFERENCES

1. Fabig H., Boele R. The changing nature of NGO activity in a globalising world: pushing the corporate responsibility agenda // *IDS Bulletin* – 1999. – Vol.30 – No. 3 – P. 58-67.
2. Blowfield M., Frynas J. G. Setting new agendas: critical perspectives on corporate social responsibility in the developing world // *International Affairs* – 2005. – Vol.81 – No. 3 – P. 499-513.
3. Halme M., Roome N., Dobers P. Corporate responsibility: reflections on context and consequences // *Scandinavian Journal of Management* – 2009. – Vol.25 – No. 1. – P. 1-9.
4. Visser W. Corporate social responsibility in developing countries. / In Crane, A., McWilliams, A., Matten, D., Moon, J. & Siegel, D. (Ed.) // *The Oxford handbook of corporate social responsibility*. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 473–79.
5. Amaeshi K., Adi B., Ogbegie C., Amao O. Corporate social responsibility in Nigeria: western mimicry or indigenous influences? // *The Journal of Corporate Citizenship*. – 2006. – Vol. 24. – P. 83-99.
6. Friedman M. *Capitalism and Freedom*. – Chicago: University of Chicago Press, 1962. – 230 p.
7. Jensen M. C., Meckling, W. H. Theory of the firm: Managerial behavior, agency costs and ownership structure // *Journal of Finance Economics* – 1976. – Vol. 3 – P. 305–360.
8. Baron D. P. Private politics, corporate social responsibility and integrated strategy // *Journal of Economics and Management Strategy* – 2001. – Vol. 10 – No. 1 – P. 7–45.
9. Porter M. E., Kramer M. R. The competitive advantage of corporate philanthropy // *Harvard Business Review* – 2002. – Vol. 80 – No. 12 – P. 56–68.
10. Doh J. P., Lawton T. C., Rajwani T. Advancing nonmarket strategy research: Institutional perspectives in a changing world // *Academy of Management Perspectives* – 2012. – Vol. 26 – No. 3 – P. 22–39.
11. Waddock S., Graves S. The corporate social performance financial performance link // *Strategic Management Journal* – 1997. – Vol. 18 – No. 4 – P. 303–319.
12. Pava M. L., Krausz J. The association between corporate social responsibility and financial performance: The paradox of social cost // *Journal of Business Ethics* – 1996. – Vol. 15, – No. 3 – P. 321–357.
13. Scherer A. G., Palazzo G. The new political role of business in a globalized world: A review of a new perspective on CSR and its implications for the firm, governance, and democracy // *Journal of Management Studies* – 2011 – Vol. 48 – P. 899-931.
14. Teegen H., Doh J. P., Vachani S. The importance of nongovernmental organizations (NGOs) in global governance and value creation: An international business research agenda // *Journal of International Business Studies* – 2004. – Vol. 35 – P. 463-483.
15. Matten D., Crane A. Corporate Citizenship: Toward and Extended Theoretical Conceptualisation // *Academy of Management Review* – 2005. – Vol. 30 – No. 1 – P. 166-179.
16. Scherer A. G., Palazzo G., Matten D. The Business Firm as a Political Actor // *Business & Society* – 2013. – Vol. 53 – No. 2 – P. 143–156.
17. Gomez-Carrasco P., Guillamon-Saorin E., Osma B. G. The illusion of CSR: Drawing the line between core and supplementary CSR // *Sustainability Accounting, Management and Policy Journal* – 2016 – Vol. 7 – P. 125–151.
18. Salvioli Fabian O. Los derechos Humanos en las convenciones internacionales de la última década del Siglo XX. In *Las grandes conferencias Mundiales de la década de los 90. Programa de las Naciones Unidas para el Desarrollo, Tomo I. La Plata: IRI, 2000* – P. 11–81.
19. Crouch C. Modelling the firm in its market and organizational environment: Methodologies for studying corporate social responsibility. *Organization Studies*. – 2006. – Vol. 27, P. 1533-1551.
20. Rodriguez P., Siegel D. S., Hillman A., Eden L. Three lenses on the multinational enterprise: Politics, corruption, and corporate social responsibility // *Journal of International Business Studies* – 2006. – Vol. 37 – No. 6 – P. 733–746.

21. Bhatia A., Makkar B. CSR disclosure in developing and developed countries: a comparative study // *Journal of Global Responsibility* – 2020. – Vol. 11 – No. 1 – P. 1-26.
22. Egri C. P., Ralston D. A. Corporate responsibility: A review of international management research from 1998 to 2007 // *Journal of International Management* – 2008. – Vol. 14 – No. 4 – P. 319–339.
23. Pisani N., Kourula A., Kolk A., Meijer R. How global is international CSR research? Insights and recommendations from a systematic review // *Journal of World Business* – 2017. – Vol. 52 – No. 5 – P. 591–614.
24. Kolk A. The social responsibility of international business: From ethics and the environment to CSR and sustainable development // *Journal of World Business* – 2016. – Vol. 51 – No. 1 – P. 23–34.
25. Mol M. J., Stadler C., Ariño A. Africa: The new frontier for global strategy scholars // *Global Strategy Journal* – 2017. – Vol. 7 – No. 1 – P. 3–9.
26. Kolk A. Social and sustainability dimensions of regionalization and (semi)globalization // *Multinational Business Review* – 2010. – Vol. 18 – No. 1 – P. 51–72.
27. Ghoul S., Guedhami O., Kim Y. Country-level institutions, firm value, and the role of corporate social responsibility initiatives // *Journal of International Business Studies* – 2017. – Vol. 48 – P. 360–385.
28. Cheng B., Ioannou I., Serafeim G. Corporate social responsibility and access to finance // *Strategic Management Journal* – 2014. – Vol. 35 – No. 1 – P. 1-23.
29. Miller D., Lee J., Chang S., Le Breton-Miller I. Filling the institutional void: The social behavior and performance of family vs non-family technology firms in emerging markets // *Journal of International Business Studies* – 2009. – Vol. 40 – No. 5 – P. 802–817.
30. Brammer S. J., Pavelin S. Corporate reputation and social performance: the importance of fit // *Journal of Management Studies* – 2006. – Vol. 43 – No. 3 – P. 435–455.
31. Carroll A. B., Shabana K. M. The business case for corporate social responsibility: a review of concepts, research and practice // *International Journal of Management Reviews*. – 2010. – Vol. 12. – P. 85-105.
32. Porter M. E., Kramer M. R. The competitive advantage of corporate philanthropy. // *Harvard business review*. – 2002. – Vol.80. – P. 56-68.
33. Rekom J., Berens G., Halderen M. Corporate social responsibility: playing to win, or playing not to lose? Doing good by increasing the social benefits of a company's core activities // *Journal of Brand Management*. – 2013. – Vol. 20. – P. 800–814.
34. Smith N. C. Corporate social responsibility: not whether, but how // *California Management Review*. – 2003. – Vol. 45. – No. 4. – P. 52-76.
35. Pearce J. A. II, Doh J. P. The high impact of collaborative social initiatives // *MIT Sloan Management Review*. – 2005. – Vol. 46. – No. 3. – P. 29-39.
36. Smith T. Institutional and social investors find common ground // *The Journal of Investing*. – 2005. – Vol. 14. – P. 57-65.
37. Godfrey P. C. The relationship between corporate philanthropy and shareholder wealth: a risk management perspective // *Academy of Management Review*. – 2005. – Vol. 30. – P. 777-798.
38. Chava S. Environmental externalities and cost of capital // *Management Science*. – 2014. – Vol. 60. – No. 9. – P. 2223-2247.
39. Dhaliwal D., Li O., Zhang A., Yang Y. Voluntary nonfinancial disclosure and the cost of equity capital: the initiations of corporate social responsibility reporting // *Accounting Review*. – 2011. – Vol. 86. – No.1. – P. 59-100.
40. Grayson D., Hodges A. Everybody's business: managing risks and opportunities in today's global society. – DK Publishing, Inc, New York, 2002. – 320 p.
41. Roberts P., Dowling G. Corporate reputation and sustained superior financial performance // *Strategic Management Journal*. – 2002. – Vol. 23. – No. 12. – P. 1077-1093.
42. Uadiale O. M., Fagbemi T. O. Corporate social responsibility and financial performance in developing economies: The Nigerian experience // *Journal of Economics and Sustainable Development*. – 2012. – Vol. 3. – No. 4. – P. 92-112.
43. Akben-Selcuk E. Corporate social responsibility and financial performance: the moderating role of ownership concentration in Turkey // *Sustainability, MDPI, Open Access Journal*. – 2019. – Vol. 11. – No. 13. – P. 1-10.

44. Chen H., Wang X. Corporate social responsibility and corporate financial performance in China: an empirical research from Chinese firms // *Corporate Governance*. – 2011. – Vol.11. – P. 361-370.
45. Galbreath J., Shum P. Do customer satisfaction and reputation mediate the CSR–FP link? Evidence from Australia // *Australian Journal of Management*. – 2012. – Vol. 37. – P. 211-229.
46. Frynas J. G. The false developmental promise of corporate social responsibility: evidence from multinational oil companies // *International Affairs*, 2005. – Vol. 81. – P. 581-598.
47. Pedersen E. R. Making corporate social responsibility (CSR) operable: how companies translate stakeholder dialogue into practice. // *Business and society review*. – 2006. – Vol. 111. – No. 2. – P. 137-163.
48. Newell P. Citizenship, accountability and community: the limits of the CSR agenda // *International Affairs*. – Vol. 81 – No. 3. – P. 541-557.
49. Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profits [Electronic resource]. // *The New York Times Magazine*. – 1970. – URL: <http://umich.edu/~thecore/doc/Friedman.pdf> (accessed 10.04.2021).
50. Hayek F. A. The corporation in a democratic society: in whose interest ought it and will it be run? // *Studies in philosophy, politics and economics*. – Routledge & Kegan Paul, London, 1967. – P. 300-312.
51. Carroll A. B. The pyramid of corporate social responsibility: toward the moral management of organizational stakeholders. // *Business Horizons*. – 1991. – Vol. 34 – No. 4. – P. 39–48.
52. Carroll A. B. Carroll’s pyramid of CSR: taking another look. // *International Journal of Corporate Social Responsibility*. – 2016. – Vol. 1. – No. 3. – P. 1-8 – DOI: <https://doi.org/10.1186/s40991-016-0004-6>
53. Vives A. Social and environmental responsibility in small and medium enterprises in Latin America. // *Journal of Corporate Citizenship*. – 2006. – Vol. 21. – P. 39-50.
54. Marques J. Consciousness at work: a review of some important values, discussed from a Buddhist perspective // *Journal of Business Ethics*. – 2012. – Vol.105 – No. 1 – P. 27–40. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-011-0932-8>
55. Dyreng S. D., Mayew W. J., Williams C. D. Religious social norms and corporate financial reporting // *Journal of Business Finance and Accounting*. – 2012. – Vol. 39. – P. 845–875. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5957.2012.02295.x>
56. Ghoul S., Guedhami O., Kwok C., Mishra D. Does corporate social responsibility affect the cost of capital? // *Journal of Banking & Finance*. – 2011. – Vol.35. – No. 9. – P. 2388-2406.
57. Du X., Jian W., Du Y., Feng W., Zeng Q. Religion, the nature of ultimate owner, and corporate philanthropic giving: Evidence from China // *Journal of Business Ethics*. – 2014. – Vol.123. – No. 2. – P. 235-256. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-013-1804-1>
58. Chapple W., Moon J. Corporate social responsibility (CSR) in Asia: a seven country study of CSR website reporting // *Business and Society*. – 2005. – Vol. 44. – No. 4. – P. 415-441.
59. Gutierrez R., Jones A. Corporate Social Responsibility in Latin America: An Overview of Its Characteristics and Effects on Local Communities [Electronic resource]. – 2007. – URL: [SSRN-id1018674%20\(1\).pdf](https://ssrn.com/abstract=1018674) (accessed 15.04.2021).
60. Cappelin P., Giuliani G. M. The political economy of corporate responsibility in Brazil: social and environmental dimensions [Electronic resource]. // *UNRISD programme papers on technology, business and society*. – 2004. – URL: <https://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9> (accessed 15.04.2021)
61. Su K. Does religion benefit corporate social responsibility (CSR)? Evidence from China // *Corporate social responsibility and environmental management*. – 2019. – Vol. 26. – No. 6. – P. 1-16.
62. Williams G., Brammer S., Zinkin J. Religion and Attitudes to Corporate Social Responsibility in a Large Cross-Country Sample // *Journal of Business Ethics*. – 2007. – Vol. 71. – No. 3. – P. 229-243.
63. Bond P. Social movement and corporate social responsibility in South Africa // *Development and Change*. – 2008. – Vol. 39. – P. 1037-1052.
64. Idemudia U. Corporate social responsibility and developing countries moving the critical CSR research agenda in Africa forward // *Progress in Development Studies*. – 2011. – Vol. 11. – P. 1-18.
65. Koleva P., Rodet-Kroichvili N., David P., Marasova J. Is corporate social responsibility the privilege of developed market economies? Some evidence from Central and Eastern Europe // *The International Journal of Human Resource Management* – 2010. – Vol. 21 – No. 2 – P. 274–293.

66. Hamann R., Kapelns P., Sonnenberg D., Mackenzie A., Hollesen P. Local governance as a complex system: lessons from mining in South Africa, Mali and Zambia // *Journal of Corporate Citizenship*. – 2005. – Vol. 18. – P. 61–73.
67. Ite U. E. Multinationals and corporate social responsibility in developing countries: a case study of Nigeria // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. – 2004. – Vol. 11 – No.1. – P. 1-11.
68. Gelb A. H. *Oil windfalls: blessing or curse?* – Oxford University Press, Oxford, 1988. – 357 p.
69. Gulbrandsen L. H., Moe A. (2007), “BP in Azerbaijan: a test case of the potential and limits of the CSR agenda? // *Business, Poverty and Social Justice*. – 2007. – Vol. 28. – No. 4. – P. 813-830.
70. Utting P. Corporate social responsibility and development: towards a new agenda? // report presented at the UNRISD Conference, 17-18 November, Geneva, 2003. – URL: [https://www.unrisd.org/80256b3c005bccf9/\(httpauxpages\)/5fe3ffae56e19a50c1256f1100518fc5/\\$file/confsum.pdf](https://www.unrisd.org/80256b3c005bccf9/(httpauxpages)/5fe3ffae56e19a50c1256f1100518fc5/$file/confsum.pdf) (accessed on 15.04.2021).
71. Blowfield M. Corporate social responsibility: reinventing the meaning of development? // *International Affairs*. – 2005. – Vol. 81 – No. 3. – P. 515-524.
72. Baskin J. Corporate responsibility in emerging markets // *Journal of Corporate Citizenship*. – 2006. – Vol. 24. – P. 29–47.
73. The 2030 agenda for sustainable development // United Nations. – 2015. – URL: <https://sdgs.un.org/goals> (accessed 20.04.2021).
74. Lewicka-Strzalecka A. Opportunities and limitations of CSR in the post-communist countries: Polish case // *Corporate Governance International Journal of Business in Society*. – 2006. – Vol. 6. – No. 4. – P. 440-448.
75. Lu J., Ren L., Qiao J., Yao S., Strielkowski W., Streimikis J. Corporate social responsibility and corruption: implications for the sustainable energy sector // *Sustainability*. – 2019. – Vol.11, No.15. – P. 1-20.
76. Kim Y., Li H., Li S. Corporate social responsibility and stock price crash risk // *Journal of Banking and Finance*. – 2014. – Vol. 43. – P. 1-13.
77. Kiliç M. Online corporate social responsibility (CSR) disclosure in the banking industry: evidence from Turkey // *International Journal of Banking and Marketing*. – 2016. – Vol. 34. – P. 550–569.
78. Manrique S., Marti-Ballester C. P. Analyzing the effect of corporate environmental performance on corporate financial performance in developed and developing countries // *Sustainability*. – 2017. – Vol. 9 – No. 11. – P.1-30.
79. Hunter S. *Islam in Russia: The politics of identity and security*. – Routledge, 2004. – 592 p.
80. Khalid A. *Islam after communism: religion and politics in Central Asia*. – University of California Press, Oakland, CA, 2014. – 253 p.
81. Crotty, J. Corporate Social Responsibility in the Russian Federation // *Business & Society* – 2014. – Vol. 55 – No. 6 – P. 825–853.
82. Nazarbayev N. “Kazakhstan-2050” Strategy”, strategy for development of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource] – 2012. – URL: https://www.akorda.kz/en/addresses/addresses_of_president/address-by-the-president-of-the-republic-of-kazakhstan-leader-of-the-nation-nazarbayev-strategy-kazakhstan-2050-new-political-course-of-the-established-state (accessed 20.04.2021).
83. United Nations Sustainable Development Cooperation Framework 2021-2025 // United Nations – 2020. – URL: <https://kazakhstan.un.org/en/89567-un-sustainable-development-cooperation-framework-2021-2025> (accessed 20.04.2021).
84. Xu, B., Zeng, T. Profitability, state ownership, tax reporting and corporate social responsibility: evidence from Chinese listed firms // *Social Responsibility Journal* – 2016. – Vol. 12. – No. 1. – P. 23-31.
85. Ghazali, N.A.M. Ownership structure and corporate social responsibility disclosure: some Malaysian evidence // *Corporate Governance: the International Journal of Business in Society* – 2007. – Vol. 7 – No. 3 – P. 251-266.
86. Heinrich A. Introduction: political challenges of a resource boom. / In Heinrich, A. & Pleines, H. (Eds.) // *Challenges of the Caspian resource boom: domestic elites and policy-making*. – Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2012. – P. 1-20.
87. Satpayev D., Umbetaliyeva T. The protests in Zhanaozen and the Kazakh oil sector: conflicting interests in a rentier state // *Journal of Eurasian Studies*, 2015. – Vol. 6 – No. 2. – P. 122-129.

88. Умбеталиева Т. Социо-экономическая и общественно-политическая ситуация в стране: позиция гражданина Казахстана (на основе социологического исследования) // Годовой отчет о развитии общества и государства. – Алматы: Альянс Аналитических организаций, 2012.
89. Khamidov A. Kazakhstan: Labor unrest denting Astana's economic image [Electronic resource]. – 2011. – URL: <http://www.eurasianet.org/node/64077> (accessed 10.04.21).
90. Brauweiler C., Yerimpasheva A. CSR and CSRR in Kazakhstan: state and prospects // Research papers of Wroclaw university of economics. – 2019. –Vol. 63 – No. 5. – P. 105-122.
91. Mikhaylova O. V., Chmykhaloa A. Yu., Shefer Y. Corporate Social Responsibility in Kazakhstan: challenges and prospects [Electronic resource] // Journal of Economics and Social Sciences, 2017. – URL: <http://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/45572/1/jess-60-261.pdf> (accessed 10.04.2021).

REFERENCES

1. Fabig, H. & Boele, R. (1999). The changing nature of NGO activity in a globalising world: pushing the corporate responsibility agenda. *IDS Bulletin*, 30, 58–67.
2. Blowfield, M. & Frynas, J. G. (2005). Setting new agendas: critical perspectives on corporate social responsibility in the developing world. *International Affairs*, 81, 499–513.
3. Halme, M., Roome, N. & Dobers, P. P. (2009). Corporate responsibility: reflections on context and consequences. *Scandinavian Journal of Management*, 25, 1–9.
4. Visser, W. (2008). Corporate social responsibility in developing countries. *The Oxford handbook of corporate social responsibility*, Oxford: Oxford University Press, 473–479.
5. Amaeshi, K., Adi, B., Ogbechie, C. & Amao, O. (2006). Corporate social responsibility in Nigeria: western mimicry or indigenous influences?. *The Journal of Corporate Citizenship*, 24, 83–99.
6. Friedman, M. (1962). *Capitalism and Freedom*, Chicago: University of Chicago Press, 230 p.
7. Jensen, M. C. & Meckling, W. H. (1976). Theory of the firm: Managerial behavior, agency costs and ownership structure. *Journal of Finance Economics*, 3, 305–360.
8. Baron, D. P. (2001). Private politics, corporate social responsibility and integrated strategy. *Journal of Economics and Management Strategy*, 10, 7–45.
9. Porter, M. E. & Kramer, M. R. (2002). The competitive advantage of corporate philanthropy. *Harvard Business Review*, 80, 56–68.
10. Doh, J. P., Lawton, T. C. & Rajwani, T. (2012). Advancing nonmarket strategy research: Institutional perspectives in a changing world. *Academy of Management Perspectives*, 26, 22–39.
11. Waddock, S. & Graves, S. (1997). The corporate social performance financial performance link. *Strategic Management Journal*, 18, 303–319.
12. Pava, M. L. & Krausz, J. (1996). The association between corporate social responsibility and financial performance: The paradox of social cost. *Journal of Business Ethics*, 15, 321–357.
13. Scherer, A. G. & Palazzo, G. (2011). The new political role of business in a globalized world: A review of a new perspective on CSR and its implications for the firm, governance, and democracy. *Journal of Management Studies*, 48, 899-931.
14. Teegen, H., Doh, J. P. & Vachani, S. (2004). The importance of nongovernmental organizations (NGOs) in global governance and value creation: An international business research agenda. *Journal of International Business Studies*, 35, 463–483.
15. Matten, D. & Crane, A. (2005). Corporate Citizenship: Toward and Extended Theoretical Conceptualisation. *Academy of Management Review*, 30, 166–179.
16. Scherer, A. G., Palazzo, G. & Matten, D. (2013). The Business Firm as a Political Actor. *Business & Society*, 53, 143–156.
17. Gomez-Carrasco, P., Guillamon-Saorin, E. & Osma, B. G. (2016). The illusion of CSR: Drawing the line between core and supplementary CSR. *Sustainability Accounting, Management and Policy Journal*, 7, 125–151.
18. Salvioli, Fabian O. (2000). Los derechos Humanos en las convenciones internacionales de la última

década del Siglo XX. In *Las grandes conferencias Mundiales de la década de los 90*. Programa de las Naciones Unidas para el Desarrollo, Tomo I. La Plata: IRI, 11–81.

19. Crouch, C. (2006). Modelling the firm in its market and organizational environment: Methodologies for studying corporate social responsibility. *Organization Studies*, 27, 1533-1551.

20. Rodriguez, P., Siegel, D. S., Hillman, A. & Eden, L. (2006). Three lenses on the multinational enterprise: Politics, corruption, and corporate social responsibility. *Journal of International Business Studies*, 37, 733–746.

21. Bhatia, A. & Makkar, B. (2020). CSR disclosure in developing and developed countries: a comparative study. *Journal of Global Responsibility*, 11, 1–26.

22. Egri, C. P. & Ralston, D. A. (2008). Corporate responsibility: A review of international management research from 1998 to 2007. *Journal of International Management*, 14, 319–339.

23. Pisani, N., Kourula, A., Kolk, A. & Meijer, R. (2017). How global is international CSR research? Insights and recommendations from a systematic review. *Journal of World Business*, 52, 591–614.

24. Kolk, A. (2016), “The social responsibility of international business: From ethics and the environment to CSR and sustainable development”, *Journal of World Business*, Vol. 51, P. 23–34.

25. Mol, M. J., Stadler, C. & Ariño, A. (2017). Africa: The new frontier for global strategy scholars. *Global Strategy Journal*, 7, 3–9.

26. Kolk, A. (2010). Social and sustainability dimensions of regionalization and (semi)globalization. *Multinational Business Review*, 18, 51–72.

27. Ghoul, S., Guedhami, O. & Kim, Y. (2017). Country-level institutions, firm value, and the role of corporate social responsibility initiatives. *Journal of International Business Studies*, 48, 360–385.

28. Cheng, B., Ioannou, I., & Serafeim, G. (2014). Corporate social responsibility and access to finance. *Strategic Management Journal*, 35(1), 1–23.

29. Miller, D., Lee, J., Chang, S. & Le Breton-Miller, I. (2009). Filling the institutional void: The social behavior and performance of family vs non-family technology firms in emerging markets. *Journal of International Business Studies*, 40, 802–817.

30. Brammer, S. J. & Pavelin, S. (2006). Corporate reputation and social performance: the importance of fit. *Journal of Management Studies*, 43, 435–455.

31. Carroll, A. B. & Shabana, K. M. (2010). The business case for corporate social responsibility: a review of concepts, research and practice. *International Journal of Management Reviews*, 12, 85–105.

32. Porter, M. E. & Kramer, M. R. (2002). The competitive advantage of corporate philanthropy. *Harvard business review*, 80, 56–68.

33. Rekom, J., Berens, G. & Halderen, M. (2013). Corporate social responsibility: playing to win, or playing not to lose? Doing good by increasing the social benefits of a company’s core activities. *Journal of Brand Management*, 20, 800–814.

34. Smith, N. C. (2003). Corporate social responsibility: not whether, but how. *California Management Review*, 45, 52–76.

35. Pearce, J. A. II & Doh, J. PP. (2005). The high impact of collaborative social initiatives. *MIT Sloan Management Review*, 46, 29–39.

36. Smith, T. (2005). Institutional and social investors find common ground. *The Journal of Investing*, 14, 57–65.

37. Godfrey, P. C. (2005). The relationship between corporate philanthropy and shareholder wealth: a risk management perspective. *Academy of Management Review*, 30, 777-798.

38. Chava, S. (2014). Environmental externalities and cost of capital. *Management Science*, 60, 2223–2247.

39. Dhaliwal, D., Li, O., Zhang, A. & Yang, Y. (2011). Voluntary nonfinancial disclosure and the cost of equity capital: the initiations of corporate social responsibility reporting. *Accounting Review*, 86, 59–100.

40. Grayson, D. & Hodges, A. (2002). *Everybody’s business: managing risks and opportunities in today’s global society*, DK Publishing, Inc, New York, 320 p.

41. Roberts, P. & Dowling, G. (2002). Corporate reputation and sustained superior financial performance. *Strategic Management Journal*, 23, 1077–1093.

42. Uadiale, O. M. & Fagbemi, T. O. (2012). Corporate social responsibility and financial performance in developing economies: The Nigerian experience. *Journal of Economics and Sustainable Development*, 3, 92–112.
43. Akben-Selcuk, E. (2019). Corporate social responsibility and financial performance: the moderating role of ownership concentration in Turkey. *Sustainability, MDPI, Open Access Journal*, 11, 1–10.
44. Chen, H. & Wang, X. (2011). Corporate social responsibility and corporate financial performance in China: an empirical research from Chinese firms. *Corporate Governance*, 11, 361–370.
45. Galbreath, J. & Shum, P. P. (2012). Do customer satisfaction and reputation mediate the CSR–FP link? Evidence from Australia. *Australian Journal of Management*, 37, 211–229.
46. Frynas, J. G. (2005). The false developmental promise of corporate social responsibility: evidence from multinational oil companies. *International Affairs*, 81, 581–598.
47. Pedersen, E. R. (2006). Making corporate social responsibility (CSR) operable: how companies translate stakeholder dialogue into practice. *Business and society review*, 111, 137–163.
48. Newell, P. (2005). Citizenship, accountability and community: the limits of the CSR agenda. *International Affairs*, 81, 541–557.
49. Friedman, M. (1970). The social responsibility of business is to increase its profits. *The New York Times Magazine*. Retrieved April 10, 2021, from <http://umich.edu/~thecore/doc/Friedman.pdf>.
50. Hayek, F. A. (1967). *The corporation in a democratic society: in whose interest ought it and will it be run?* Studies in philosophy, politics and economics, Routledge & Kegan Paul, London, 300–312.
51. Carroll, A. B. (1991). The pyramid of corporate social responsibility: toward the moral management of organizational stakeholders. *Business Horizons*, 34, 39–48.
52. Carroll, A. B. (2016). Carroll’s pyramid of CSR: taking another look. *International Journal of Corporate Social Responsibility*, 1, 1–8.
53. Vives, A. (2006). Social and environmental responsibility in small and medium enterprises in Latin America. *Journal of Corporate Citizenship*, 21, 39–50.
54. Marques, J. (2012). Consciousness at work: a review of some important values, discussed from a Buddhist perspective. *Journal of Business Ethics*, 105, 27–40.
55. Dyreng, S. D., Mayew, W. J. & Williams, C. D. (2012). Religious social norms and corporate financial reporting. *Journal of Business Finance and Accounting*, 39, 845–875.
56. Ghoul, S., Guedhami, O., Kwok, C. & Mishra, D. (2011). Does corporate social responsibility affect the cost of capital? *Journal of Banking & Finance*, 35, 2388–2406.
57. Du, X., Jian, W., Du, Y., Feng, W. & Zeng, Q. (2014). Religion, the nature of ultimate owner, and corporate philanthropic giving: Evidence from China. *Journal of Business Ethics*, 123, 235–256.
58. Chapple, W. & Moon, J. (2005). Corporate social responsibility (CSR) in Asia: a seven country study of CSR website reporting. *Business and Society*, 44, 415–441.
59. Gutierrez, R. & Jones, A. (2007). *Corporate Social Responsibility in Latin America: An Overview of Its Characteristics and Effects on Local Communities*. Retrieved April 15, 2021, from SSRN-id1018674%20(1).pdf.
60. Cappelin, P. & Giuliani, G. M. (2004). The political economy of corporate responsibility in Brazil: social and environmental dimensions. UNRISD programme papers on technology, business and society, Retrieved April 15, 2021, from <https://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9>.
61. Su, K. (2019). Does religion benefit corporate social responsibility (CSR)? Evidence from China. *Corporate social responsibility and environmental management*, 26, 1–16.
62. Williams, G., Brammer, S. & Zinkin, J. (2007). Religion and Attitudes to Corporate Social Responsibility in a Large Cross-Country Sample. *Journal of Business Ethics*, 71, 229–243.
63. Bond, P. (2008). Social movement and corporate social responsibility in South Africa. *Development and Change*, 39, 1037–1052.
64. Idemudia, U. (2011). Corporate social responsibility and developing countries moving the critical CSR research agenda in Africa forward. *Progress in Development Studies*, 11, 1–18.

65. Koleva, P., Rodet-Kroichvili, N., David, P. & Marasova, J. (2010). Is corporate social responsibility the privilege of developed market economies? Some evidence from Central and Eastern Europe. *The International Journal of Human Resource Management*, 21, 274–293.

66. Hamann, R., Kapelns, P., Sonnenberg, D., Mackenzie, A. & Hollesen, P. (2005). Local governance as a complex system: lessons from mining in South Africa, Mali and Zambia. *Journal of Corporate Citizenship*, 18, 61–73.

67. Ite, U. E. (2004). Multinationals and corporate social responsibility in developing countries: a case study of Nigeria. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 11, 1–11.

68. Gelb, A. H. (1988). *Oil windfalls: blessing or curse?*, Oxford University Press, Oxford, 357 p.

69. Gulbrandsen, L. H. & Moe, A. (2007). BP in Azerbaijan: a test case of the potential and limits of the CSR agenda? *Business, Poverty and Social Justice*, 28, 813–830.

70. Utting, P. (November 17-18, 2003). Corporate social responsibility and development: towards a new agenda? report presented at the UNRISD Conference, Geneva, Retrieved April 15, 2021, from [https://www.unrisd.org/80256b3c005bccf9/\(httpauxpages\)/5fe3ffae56e19a50c1256f1100518fc5/\\$file/confsum.pdf](https://www.unrisd.org/80256b3c005bccf9/(httpauxpages)/5fe3ffae56e19a50c1256f1100518fc5/$file/confsum.pdf).

71. Blowfield, M. (2005). Corporate social responsibility: reinventing the meaning of development? *International Affairs*, 81, 515–524.

72. Baskin, J. (2006). Corporate responsibility in emerging markets. *Journal of Corporate Citizenship*, 24, 29–47.

73. United Nations (2015). *The 2030 agenda for sustainable development*, Retrieved April 20, 2021, from <https://sdgs.un.org/goals>.

74. Lewicka-Strzalecka, A. (2006). Opportunities and limitations of CSR in the post-communist countries: Polish case. *Corporate Governance International Journal of Business in Society*, 6, 440–448.

75. Lu, J., Ren, L., Qiao, J., Yao, S., Strielkowski, W. & Streimikis, J. (2019). Corporate social responsibility and corruption: implications for the sustainable energy sector. *Sustainability*, 11, 1–20.

76. Kim, Y., Li, H. & Li, S. (2014). Corporate social responsibility and stock price crash risk. *Journal of Banking and Finance*, 43, 1–13.

77. Kiliç, M. (2016). Online corporate social responsibility (CSR) disclosure in the banking industry: evidence from Turkey. *International Journal of Banking and Marketing*, 34, 550–569.

78. Manrique, S. & Marti-Ballester, C. P. (2017). Analyzing the effect of corporate environmental performance on corporate financial performance in developed and developing countries. *Sustainability*, 9, 1–30.

79. Hunter, S. (2004). *Islam in Russia: The politics of identity and security*, Routledge, 592 p.

80. Khalid, A. (2014). *Islam after communism: religion and politics in Central Asia*, University of California Press, Oakland, CA, 253 p.

81. Crotty, J. (2014). Corporate Social Responsibility in the Russian Federation. *Business & Society*, 55, 825–853.

82. Nazarbayev, N. (2012). “Kazakhstan-2050” Strategy”, strategy for development of the Republic of Kazakhstan, Retrieved April 20, 2021, from https://www.akorda.kz/en/addresses/addresses_of_president/address-by-the-president-of-the-republic-of-kazakhstan-leader-of-the-nation-nazarbayev-strategy-kazakhstan-2050-new-political-course-of-the-established-state.

83. United Nations (2020). *United Nations Sustainable Development Cooperation Framework 2021-2025*, Retrieved April 20, 2021, from <https://kazakhstan.un.org/en/89567-un-sustainable-development-cooperation-framework-2021-2025>.

84. Xu, B. & Zeng, T. (2016). Profitability, state ownership, tax reporting and corporate social responsibility: evidence from Chinese listed firms. *Social Responsibility Journal*, 12, 23–31.

85. Ghazali, N. A. M. (2007). Ownership structure and corporate social responsibility disclosure: some Malaysian evidence. *Corporate Governance: the International Journal of Business in Society*, 7, 251–266.

86. Heinrich, A. (2012). Introduction: political challenges of a resource boom. *Challenges of the Caspian resource boom: domestic elites and policy-making*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 1–20.

87. Satpayev, D. & Umbetaliyeva, T. (2015). The protests in Zhanaozen and the Kazakh oil sector: conflicting interests in a rentier state. *Journal of Eurasian Studies*, 6, 122–129.

88. Umbetaliyeva, T. (2010). Sotsio-ekonomicheskaya i obshchestvennopoliticheskaya situatsiya v strane: pozitsiya grazhdan Kazakhstana (na osnove sotsiologicheskogo issledovaniya). In Al'yans Analiticheskikh Organizatsiy (Eds.), Godovoy otchet o razvitii obshchestva i gosudarstva, Al'yans Analiticheskikh Organizatsiy, Almaty (In Russian).

89. Khamidov, A. (2011). Kazakhstan: Labor unrest denting Astana's economic image. Retrieved April 10, 2021, from <http://www.eurasianet.org/node/64077>.

90. Brauweiler, C. & Yerimpasheva, A. (2019). CSR and CSRR in Kazakhstan: state and prospects. Research papers of Wroclaw university of economics, 63, 105–122.

91. Mikhaylova, O. V., Chmykhaloa, A. Yu. & Shefer, Y. (2017). Corporate Social Responsibility in Kazakhstan: challenges and prospects. Journal of Economics and Social Sciences, Retrieved April 10, 2021, from <http://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/45572/1/jess-60-261.pdf>.

ДАМЫП ЖАТҚАН ЕЛДЕР ҮШІН КОРПОРАТИВТІ ӘЛЕУМЕТТІК ЖАУАПКЕРШІЛІК КЕСІБІН ДАМУ: ҚАЗАҚСТАН МЫСАЛЫНДА

А. Оразаева^{1*}, М. Арслан¹

¹КИМЭП Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Осы жүйелі шолудың мақсаты дамушы экономикалардағы корпоративті әлеуметтік жауапкершілікті (КӘЖ) талдауға қолданылатын жалпы негіздерді жасау болып табылады. Бұл негіз Қазақстан сияқты өтпелі экономикаға қолданылады.

Әдіснамасы. Бұл зерттеу дамушы елдердегі КӘЖ туралы қолданыстағы әдебиеттерге жүйелік шолу болып табылады, осы елдердегі КӘЖ-нің келбетін қалыптастыратын ұқсастықтарды, қиындықтар мен мүмкіндіктерді көрсетеді.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Біз бар зерттеулердің көпшілігінде КӘЖ зерттеулерін жүргізуде кездесетін кедергілер туралы айтылғанын және сыбайлас жемқорлық, мүдделі тараптардың әлсіз белсенділігі және негізгі кедергілер ретінде мемлекеттік бақылаудың болмауы сияқты факторларды құжатталғанын анықтадық. Екінші жағынан, қолданыстағы зерттеулер діни дәстүрлер, тарихи тенденциялар, жаһандану, мүдделі тараптардың қысымы және КӘЖ-нің қоғамға тигізетін пайдасы туралы хабардар болу КӘЖ зерттеулерінің негізгі драйвері болып табылады деп хабарлады. Сонымен қатар, КӘЖ бастамаларын қолдана отырып, фирмалар жалпы әлеуметтік әл-ауқатты жақсарту, қаржылық жағдайды жақсарту үшін бәсекеге қабілетті артықшылықтар жасау сияқты артықшылықтарға қол жеткізе алады. Зерттеу сонымен қатар КӘЖ-нің Қазақстан үшін маңызы мен маңыздылығы туралы түсінік береді.

Зерттеу нәтижелері. Дамыған елдерге және шектеулі зерттеулерге бағытталған қолданыстағы зерттеулердің көпшілігі әлсіз институционалды ортамен сипатталатын және әр түрлі әлеуметтік-экономикалық факторларға ие дамушы елдердің контекстінде жүргізілуде.

Түйін сөздер: КӘЖ, қоғам, қоғамдастық, үлес, дамушы елдер, Қазақстан.

**РАЗРАБОТКА РАМКИ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДЛЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН НА ПРИМЕРЕ
КАЗАХСТАНА**

А. Оразаева^{1*}, М. Арслан¹

¹Университет КИМЭП, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Целью этого систематического обзора является разработка общей рамки, которая применима для анализа корпоративной социальной ответственности (КСО) в развивающихся странах. Эта структура в дальнейшем применяется к переходной экономике на примере Казахстана.

Методология. Это исследование представляет собой систематический обзор существующей литературы по КСО в развивающихся странах, подчеркивая сходства, проблемы и возможности, которые формируют лицо КСО в этих странах.

Результаты исследования. Мы определили, что в большинстве существующих исследований упоминались препятствия на пути проведения исследования КСО и задокументированы такие факторы, как коррупция, слабая активность заинтересованных сторон и отсутствие государственного контроля в качестве основных препятствий. С другой стороны, существующие исследования показали, что религиозные традиции, историческое наследие, глобализация, давление заинтересованных сторон и растущее понимание преимуществ КСО для общества являются основными движущими силами исследований КСО.

Оригинальность / ценность исследования. Большинство существующих исследований направлено на развитые страны, и ограниченное количество исследований проводится в контексте развивающихся стран, которые характеризуются слабой институциональной средой и имеют другие социально-экономические факторы. Исследование добавляет ценность существующей литературе по КСО, развивая структуру, которая обобщает сходства, проблемы и возможности практик КСО в контексте развивающихся стран. В этом исследовании также разъясняется применимость концепции для стран с переходной экономикой, таких как Казахстан.

Ключевые слова. КСО, общество, сообщество, вклад, развивающиеся страны, Казахстан.

ABOUT THE AUTHORS

Orazayeva Assem – PhD candidate, Bang Business College, KIMEP University, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: assem.orazayeva@kimep.kz*

Arslan Muhammad – PhD, Research Professor, Bang Business College, KIMEP University, Almaty, Republic of Kazakhstan

MPHTI 06.81.25

JEL Classification: M21, O32

<https://doi.org/10.52821/2224-5561-2021-3-40-52>

ВНЕДРЕНИЕ ИННОВАЦИЙ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ

Р. Д. Досжан^{1*}, А. К. Кожаметова¹, Е. Б. Бекенов¹

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – анализ зарубежного опыта применения устойчивых инноваций на основе успешных бизнес-кейсов для адаптации на отечественном рынке.

Методология. В ходе исследования были использованы общенаучные методы: анализ и синтез на стадии ознакомления с объектом исследования, сравнение, систематический обзор литературы, метод кейс-стади и моделирование для адаптации зарубежного опыта перехода на устойчивые инновации.

Оригинальность / ценность исследования. Внедрение устойчивых инновационных практик в Казахстане позволит расширить вопросы их применения в контексте бизнеса, так как таковой опыт отечественных компаний еще не изучен. В связи с этим, анализ опыта успешных мировых компаний-лидеров в области устойчивых инноваций для адаптации на отечественном рынке является очень актуальным.

Результаты исследования. В результате систематического литературного обзора были выявлены основные тенденции мирового рынка, которые необходимо учитывать при ведении устойчивого бизнеса. А также, после изучения кейсов успешных зарубежных компаний, ориентированных на устойчивые инновации, была предложена адаптированная модель по переходу отечественных предприятий на устойчивое развитие, были определены основные драйверы устойчивых инноваций, такие как наличие развитой инфраструктуры на рынке, включение устойчивого развития в миссию компании, коллаборация с компаниями из различных отраслей и стран, сильная взаимосвязь науки и бизнес-среды.

Ключевые слова: устойчивое развитие, инновации устойчивого развития, зарубежный опыт, бизнес-кейсы, Швейцария, Канада, Китай, Россия.

Благодарности: Данные для публикации были собраны при финансовой поддержке проекта грантового финансирования для молодых ученых на реализацию научных исследований по научным и (или) научно-техническим проектам, AP08053346 «Исследование инноваций устойчивого развития с позиции их экономической целесообразности и построения эффективного управления предприятием в Республике Казахстан».

ВВЕДЕНИЕ

Мировой рынок развивается в условиях жесткой конкуренции, где инновации воспринимаются ключевым фактором. Однако, на сегодняшний день недостаточно только внедрять инновации: другое немаловажное требование — это устойчивое развитие. В широком смысле это может быть истолковано как потребность общества в обеспечении непрерывного процветания человека, не подвергая природу деградации природных ресурсов, накоплению отходов или материалов, таких как тяжелые металлы и снижение выбросов CO₂, минимизации и нагрузки на окружающую среду [1]. В контексте глобального рынка, устойчивое развитие — это тема, которая открывает возможности для новаторов, наращивая конкурентное преимущество тем, кто принимает более устойчивые методы управления бизнес-процессов [2], и тем, кто предлагает более экологичные продукты своим клиентам [3].

Примечательно, что в Казахстане исследования в области устойчивых инноваций незначительны несмотря на то, что наблюдается значительный прогресс по созданию предпосылок для развития инноваций устойчивого развития. Инициатива идет со стороны государственных органов. Так по инициативе Елбасы Н. А. Назарбаева 30 мая 2013 года была разработана и подписана Концепция по переходу к «зеленой» экономике [4]. Тем не менее, несмотря на ряд инициатив со стороны государства, исследований устойчивых инноваций со стороны ученых не значительна. В связи с этим нами будут взяты материалы зарубежных источников, внесших значительный вклад в развитие данного научного направления.

В зарубежных источниках инновации, которые приводят к повышению устойчивости, могут быть описаны как «инновации, ориентированные на устойчивое развитие» (SOI) – термин, впервые введенный Е. Хансеном и др. [5]. В последние десятилетия публикуется все больше описательных и предписывающих работ, в которых основное внимание уделяется этим видам инновационных процессов [6-7]. Инновации, ориентированные на устойчивое развитие, получили признание в качестве приоритетной области эмпирических исследований [8]. Современные исследователи стремятся восполнить пробел между исследованиями и действиями, существующий в этой области, и улучшить довольно скудную и весьма разнообразную литературу [6-8]. Рассмотрим основные важные работы по устойчивым инновациям.

Одно из определений инноваций, ориентированных на устойчивое развитие описано в Руководстве Осло [9], где устойчивые инновации определяются как «производство, ассимиляцию или использование продукта, производственного процесса, услуги, управления или бизнес-метода, являющихся новыми для общества, организации (разрабатывающую или внедряющую ее), которые приводит на протяжении всего жизненного цикла к снижению экологического риска, загрязнения и других негативных воздействий использования ресурсов (включая использование энергии) по сравнению с другими альтернативами».

Далее многие авторы развивают данную идею, делая акцент на оценке воздействия инноваций на окружающую среду в целом на долгосрочную перспективу, а не только ориентируясь на краткосрочные выгоды. Тем не менее, социальный аспект не рассматривается в определении Р. Кемпа и П. Пирсона, хотя они включают в свое обсуждение многочисленные ссылки на экономические, социальные и экологические аспекты устойчивости [10]. Кроме того, некоторые авторы утверждают, что сосредоточение внимания на экологической эффективности не решает основную проблему отделения экономического роста от воздействия на окружающую среду [11].

Внедрение устойчивых инновационных практик в Казахстане позволит расширить вопросы их применения в контексте бизнеса. Несмотря на то, что в некоторыми отечественными исследователями и проводился анализ сущности устойчивых инноваций, практика применения в компаниях еще не изучена, в связи с чем, все еще остаются пробелы в показателях деятельности компаний, мало информации о конкретных кейсах использования устойчивых инноваций и об эффекте после их внедрения. Поэтому, следующий раздел исследования посвящен анализу мировых тенденций и практик в вышеуказанной области.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мировые тенденции в области устойчивых инноваций. Современное развитие мирового рынка выявило необходимость пересмотра политики экономического роста и глобализации в сторону поиска новых устойчивых моделей развития, способных противостоять внешним угрозам и изменениям. Для достижения этой цели многие развитые страны переходят на реализацию стратегий устойчивого развития, а также на производство устойчивых инноваций. Таким образом, на сегодняшний день наблюдаются следующие мировые тенденции в области развития устойчивых инноваций:

1. В условиях пандемии, связанной с распространением вируса COVID-19, наблюдается рост спроса на устойчивые инновации в области медицины, что, в свою очередь, увеличивает объем инвестиций, вливаемых в медицинские инновации, а также влияет на скорость и качество обмена знаниями в области создания устойчивых инноваций.

2. Растет финансирование устойчивых инноваций в развитых странах, что приводит к увеличению объема производимой наукоемкой продукции. К примеру, прогнозируется, что к концу 2020 года развитыми странами будет произведено в два раза больше устойчивых инноваций [12]. Более того, это внесет существенный вклад в развитие устойчивых инноваций во всем мире.

3. Увеличение объема финансирования устойчивых инноваций приводит к активному росту компаний, вовлеченных в их производство. К примеру, за последние два года количество компаний, занимающихся производством таких инноваций в мире выросло на 25 % [12]. На сегодняшний день устойчивая деятельность многих компаний, создающих революционные инновации, сосредоточена в промышленной области [13].

4. Производимые устойчивые инновации по-прежнему сосредоточены в немногих странах-лидерах, то есть, до сих пор сохраняется глобальный инновационный разрыв между странами с различным уровнем экономического развития. Также стоит отметить, что некоторые страны получают большую отдачу от своих инновационных инвестиций, чем другие.

5. Имеет место смещение акцента с количества инноваций на их качество. Качество устойчивых инноваций становится приоритетом во многих странах и рейтингах. Активно изучаются и разрабатываются новые методы качественной оценки устойчивых инноваций.

6. Происходит всеобщая интеграция и коллаборация научных групп, организаций и стран в области производства и выпуска устойчивых инноваций. Внедряются и используются бизнес-модели, подразумевающие тесное сотрудничество различных организаций из разных отраслей, в виду того, что во всем мире созревает понимание важности и необходимости кооперации в области устойчивого развития.

7. Источники финансирования устойчивых инноваций отличаются в разных странах. К примеру, эффективная интеграция науки и бизнеса, а также зрелая инновационная инфраструктура в развитых странах являются одними из главных причин того, что в этих странах финансирование устойчивых инноваций в основном осуществляется со стороны бизнес-среды, в то время как в развивающихся странах основным источником финансирования устойчивых инноваций является государство [14].

8. Несмотря на сдерживающие факторы, в развивающихся странах растет объем выпускаемых устойчивых инноваций. Так как эти страны начали активно применять зарубежный опыт по созданию устойчивых инноваций, а также развивать науку и технологии. Среди этих стран можно отметить Китай, Россию и Республику Беларусь [15].

Бизнес-кейсы зарубежных стран. Что касается развитых стран, преуспевших в производстве и распространении устойчивых инноваций, стоит отметить, что лидерами в данной области являются Швейцария, США, Япония, Германия, Южная Корея, Канада. К примеру, большинство ведущих научно-технических кластеров находятся в Швейцарии, США, Китае и Германии, Бразилии, Индии, Иране и в Российской Федерации. Поэтому, лидирующие позиции и богатый опыт вышеуказанных стран, в частности Швейцарии, Китая, Канады, России и Республики Беларусь, послужили поводом для изучения их феномена успеха в данном проекте. Далее будет проанализирован опыт каждой страны в области создания и распространения устойчивых инноваций.

Швейцария. Согласно Глобальному индексу инноваций (ГИ), Швейцария лидирует в рейтинге самых инновационных стран в мире девятый год подряд [16]. Более того, она претендует на первое место в области научно-исследовательского обмена знаниями между промышленностью и университетами [17], что позволяет активно развивать устойчивые инновации. Секрет успеха местных компаний в данной области кроется в высокой концентрации на получении качественного результата во благо населения.

На рисунке 1 изображены основные направления политики по развитию устойчивых инноваций в Швейцарских компаниях.

Согласно рисунку, Швейцарские компании, производящие устойчивые инновации, защищены правовыми нормами и ориентированы на высокотехнологичное производство. Более того, в основном сами же компании являются инициаторами и спонсорами производства устойчивых инноваций, так как обладают большим опытом в этой сфере и понимают насколько высока отдача от вложений в данную сферу. Известно, что Швейцария превосходит другие страны по своим высококлассным правилам

в области патентов и интеллектуальной собственности [17], что позволяет владельцам патентов быть заинтересованными в разработке качественных устойчивых инноваций с целью получения материальных выгод и нематериальных благ для общества в целом.

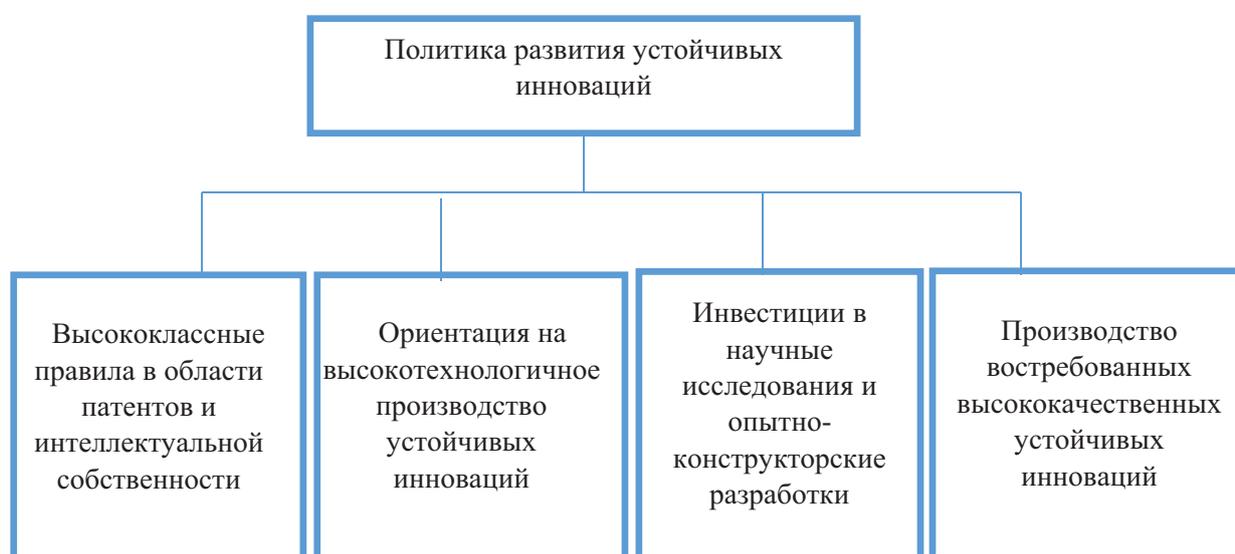

Рисунок 1 – Направления политики развития устойчивых инноваций в Швейцарских компаниях
Примечание – составлено на основе источника [17]

Несмотря на то, что эта страна является маленькой, в Швейцарии очень высокое количество устойчивых инноваций на душу населения. Стоит отметить, что качество этих инноваций превосходит Японские изобретения, что объясняется высоким уровнем вложений в НИОКР и качественным образованием в высших учебных заведениях. Не только университеты, промышленные организации, бизнес-среда и государство заинтересовано в создании и поддержании устойчивых инноваций в Швейцарии, но и общество в целом. Устоявшаяся идеология и общественное сознание способствует развитию устойчивых инноваций в этой стране.

Канада. Канада является одним из лидеров в Северной Америке после США по эффективности созданных устойчивых инноваций и несмотря на то, что страна занимает второе место в мире по запасам нефти, она активно осваивает альтернативные источники энергии, тем самым используя собственные чистые энерготехнологии [16]. Массовое внедрение устойчивых инноваций и новых технологий позволило провести радикальную модернизацию сырьевых отраслей. К примеру, инновации местных компаний, созданные для защиты окружающей среды, не только позволили достигнуть целей устойчивого развития, но и создали существенные экономические возможности для Канады. Особенно преуспели инновационные компании в сфере биотехнологий, деятельность которых обеспечила экономию водных ресурсов до 50 % и позволила снизить уровень выбросов CO₂. Такие результаты были достигнуты с помощью интенсивного финансирования исследований и разработок в ключевых отраслях, что позволило снизить стоимость самих технологий. А также, позитивное влияние на развитие устойчивых инноваций оказало использование сетевого партнерства, которое помогло создать новые возможности для всех компаний из различных отраслей. Сетевые сообщества, созданные при объединении Канадских инновационных компаний, позволили выйти на новый уровень развития. В добавок, высокое качество и зрелость информационных технологий и телекоммуникаций, инновационной инфраструктуры по сей день является драйвером устойчивых инноваций в стране.

Стоит отметить роль государства в поддержке национальных инновационных компаний, так как правительство выделило наиболее перспективные для Канады направления науки и технологий,

которые тесно взаимосвязаны, прогресс в одном из них ведет к развитию остальных [18]. Помощь государства выражается в виде финансирования, институциональной и правовой поддержки. В результате инновационные компании Канады активно производят устойчивые инновации, развивающие социальную сферу и окружающую среду, тем самым, обеспечивая устойчивое развитие страны.

В отчете Network for Business Sustainability было изучено 38 кейсов Канадских инновационных компаний [19]. Кейсы презентовали опыт ведущих организаций, больших и малых, которые активно ищут новые способы создания устойчивых инноваций. В ходе исследования было выявлено 38 практик, которые содержат методические указания начиная от разработки целей, применения инструментов до получения конечного результата в виде инновационной продукции.

Ниже описана практика лучших инновационных компаний Канады, которые смогли создать успешные устойчивые инновации. К примеру, Канадский глобальный производитель химических веществ *LANXESS* применил метод поощрения новаторства и позволил сотрудникам по всему миру предложить пути улучшения экономических и экологических индикаторов, а также показателей безопасности компании. В итоге, в 2009 году компания получила около 1800 предложений, треть из которых была реализована за тот же период, что принесло компании общую экономию в размере 1,6 миллиона евро [19]. Другая интересная практика была применена Канадским производителем одежды *Patagonia*. Компания провела анализ жизненного цикла своей продукции и пришла к выводу, что на рубашки, сделанные из обычного хлопка, расходуется в три раза больше нефтепродукта, чем на рубашки, сделанные из синтетического волокна (из-за удобрений, используемых для выращивания хлопка, и дополнительных усилий, необходимых для поддержания одежды в чистоте). Признавая, что широкое использование этих химических веществ наносит вред воде, почве и здоровью сельскохозяйственных рабочих, компания перевела свои линии спортивной одежды на 100-процентный органический хлопок, который требует меньшего количества химикатов, и изобрела новый вид продукции. Таким образом, компания проявила высокую ответственность перед обществом и окружающей средой.

Производитель уникальной мебели *Keilhauer* использовал метод под названием “дизайн для окружающей среды”. Вооруженный потребностями клиентов, президент Keilhauer Майк Кейлхауэр подготовил краткое описание дизайна, которое включает в себя экологические, эргономические, функциональные и эстетические характеристики его продукции. Спецификации устойчивости включают сырье, поступающее из возобновляемых источников, потенциал разборки для переработки в конце срока службы, как долго будет длиться продукт, сколько переработанного содержимого включает готовый продукт и какие сертификаты третьих сторон он должен получить [18]. В итоге, вся новая продукция данной компании соответствует требованиям, предъявляемым к устойчивым инновациям.

Китай. В последние десятилетия в Китае огромное внимание уделяется инновациям, благодаря которым, стало возможным интенсивное развитие национальной экономики, опережающей весь мир своими темпами [19]. Китай разработал 10 демонстрационных зон по всей стране для содействия устойчивому росту с помощью инновационных методов к 2020 году. Деятельность вышеуказанных кластерных зон направлена на создание устойчивых инноваций в разных отраслях, жизненно важных сферах деятельности. Бурно развивающаяся экономика совместного использования-одно из ярких проявлений инновационной устойчивой практики Китая. Объем сделок на рынке устойчивых инноваций вырос более чем на 40 процентов и превысил 2,9 трлн. юаней (около 412,6 млрд. долларов США) в 2018 году [20].

Китай пишет историю устойчивого и творческого роста, поскольку местные компании стремятся к качественному росту с помощью активного внедрения инноваций. К примеру, на сегодняшний день местные компании преуспевают не только в развитии солнечной энергетики, но и лидируют в мире по железнодорожному транспорту, который экономит на воздушном и автомобильном транспорте и сокращает выбросы углекислого газа [20]. Что касается опыта местных компаний в области устойчивых инноваций, стоит выделить кейсы нескольких лидирующих организаций, которые могут послужить примером для других. Одна из Китайских компаний под названием *Baosteel Group Corporation*, занимающаяся производством и переработкой стали, являются наглядным примером приверженца

охраны окружающей среды. Известно, что деятельность компаний данной промышленности отличается энергозатратностью и высокозагрязняющим производственным процессом.

Понимая ответственность перед окружающей средой, в 2009 году корпорация предложила стратегию экологического менеджмента и перешла на зеленое производство. В 2011 году Baosteel также выпустила “зеленый манифест”, указав, что зеленое развитие направлено на конечную обработку выбросов загрязняющих веществ и управление процессами зеленого производства. Большие затраты по переходу к зеленому производству оправдали ожидания компании и позволили увеличить прибыль на 40 % [21]. Более того, корпорация Baosteel старается прививать всем сотрудникам чувство новаторства, тем самым выстраивая “кадровую инновационную базу” для персонала как платформу обмена знаниями, опытом и методами обучения.

Новаторы могут даже получать до 10 % от доходов от экономии затрат в качестве вознаграждения. Под влиянием такой культуры корпорация создает в среднем четыре патента каждый день, 48 % из которых разрабатывается передовыми рабочими.

Стоит отметить компанию *General Electric*, которая одной из первых приняла стратегию зеленых инноваций, обеспечивших компании устойчивое развитие. С момента своего основания в 2005 году компания стремится удовлетворить потребности клиентов в более энергоэффективных продуктах и способствовать стабильному росту зеленых технологий. Прибыль компании от зеленых инновационных продуктов выросла до 85 млрд. долларов США за пять лет. Также были снижены уровень выбросов парниковых газов, потребление воды и общее потребление энергии в год. Совокупная экономия энергии до сих пор составляла 0,13 миллиарда долларов США в течение пяти лет [21]. Такие колоссальные результаты были достигнуты с помощью активной разработки продуктовых инноваций, на создание которых были привлечены лучшие умы Китайских высших учебных заведений и научных организаций.

Следующая интересная практика была использована компанией *Zhongkun Investment Group*, которая является лидером в сегменте туристической недвижимости. Она прорвалась через традиционную модель конкуренции и объединила туризм с недвижимостью. Историческая модель направлена на защиту культуры деревень и на развитие инновационных услуг в данной области. Эта модель защищает местное историко-культурное наследие, а затем развивает периферийную недвижимость под предлогом защиты интересов местных жителей.

По мере развития туризма определенная часть доходов компании направляется на охрану и развитие историко-культурного наследия. Миссия компании является социально-ориентированной, и рассматривает не только свои интересы, но и нужды потребителей и общества. *Zhongkun Investment Group* придерживается принципа “никогда не наносить ущерба интересам местного населения. Поэтому, компания служит ярким примером лидера в области устойчивого развития.

Россия. В настоящее время в России ведутся активные работы по продвижению идеологии устойчивого развития и по повышению инновационной активности предприятий. Россия входит в десятку стран по объему вложений в НИОКР, которые составляют \$40,3 млрд по паритету покупательной способности [22], что позитивно влияет на количество и качество устойчивых инноваций в местных компаниях.

Согласно проведенной оценке Института исследований развивающихся рынков бизнес-школы Сколково, на российском рынке было выявлено 30 бизнес-кейсов, в состав которых вошли как отечественные, так и зарубежные компании, осуществляющие свою устойчивую деятельность в России. В Таблице 1 описаны стратегии зарубежных филиалов, разрабатывающих устойчивые инновации на российском рынке.

Согласно таблице, зарубежные компании, филиалы которых расположены в России, активно внедряют и поддерживают устойчивые инновации, внося вклад в развитие страны. Что касается отечественных производителей, разрабатывающих устойчивые инновации, то к ним можно отнести одну из компаний под названием «*Российские железные дороги*», образовавшуюся в 2009 году. Она заключила с Siemens контракт по разработке пассажирских моторвагонных дизельпоездов и электропоездов [23]. Благодаря гибкой конструкции, которую можно адаптировать к различным географическим и инфраструктурным условиям, этот крайне популярный устойчивый продукт стал широко применяться в европейских городах. Платформа *Desiro* обеспечивает высокий уровень безопасности, надежности, энергоэффективности

и качества в сочетании с оптимизацией затрат. В эту деятельность также вовлечена российская компания «Уральские локомотивы», созданная в 2013 году. Компания производит поезда под названием «Ласточка» и работает более чем со 100 российскими производственными поставщиками, пропагандируя использование устойчивого сырья. В добавок компания занимается разработкой энергоэффективного оборудования, используемого электровозами. Успешное применение асинхронного тягового привода Siemens позволяет достичь высокой силы тяги — с расчетными показателями энергозатрат на 15–20 % ниже, чем у последних отечественных моделей поездов, и с пятикратным увеличением межремонтных пробегов [24]. Перевозка пассажиров на таких поездах сокращает выбросы парниковых газов, в результате локализации производства создаются новые рабочие места, более того, осуществляется поддержка около ста местных поставщиков устойчивого сырья.

Таблица 1 – Стратегия устойчивого развития зарубежных компаний, действующих на российском рынке

Тема	Название компании	Передовая практика
Изменение климата и энергоэффективность	Coca-cola	Реализация программы энергосбережения Top 10 Energy savers; совместные программы с российскими поставщиками, направленные на уменьшение веса упаковки; поддержка местных проектов в области устойчивого развития.
	Heineken	Базовая модель минимизации углеродного следа; присоединение к инновационной глобальной платформе EcoVadis, ориентированной на оценку и улучшение социальных и экологических показателей поставщиков.
	Lafarge	Применение альтернативных видов топлива на российском заводе.
	IKEA	Установка котла на биотопливе на российском заводе; организация сбора использованных батареек и энергосберегающих ламп для их дальнейшей утилизации и переработки.
Операционная эффективность	Unilever	Применение принципа «ноль отходов на захоронение» на всех производственных площадках, расположенных в России; организация учебных курсов для поставщиков по вопросам устойчивого сельского хозяйства.
	Saint-Gobain	Завод по производству гипсокартона, расположенный в России, одним из первых в мире получил сертификат CARE4 (Действия компании по снижению энергопотребления в 4 раза).
	PepsiCo	Завод по производству продуктов питания стал первым предприятием, сертифицированным по стандарту LEED (Лидерство в энергетическом и экологическом проектировании); поддержка производителей сельскохозяйственной продукции в рамках программы «Агро».
Примечание – составлено авторами		

Сегмент отходов — один из самых проблематичных в России. Это единственный российский сектор, где количество выбросов, составляющих 3 % от общего объема выброса парниковых газов в России, на данный момент превышает уровень 1990 года [25]. Оптимизация управления отходами — прежде всего путем переработки — помогла бы более чем на 80 % снизить уровень выбросов, связанных с отходами.

Продукция компании *Tetra Pak* сама по себе тесно связана с устойчивым развитием, поскольку 76 % сырья, которое используется в картонных упаковках, производится из возобновляемых природных ресурсов. Почти на всех картонных упаковках, произведенных в России и на Украине, можно обнаружить знак сертификации Лесного попечительского совета (FSC). Действуя в соответствии с принципами расширенной ответственности производителей, компания определила свою приоритетную цель — минимизировать воздействие продукции на окружающую среду, причем это произошло еще до вступления в силу нового закона об отходах потребления. У Tetra Pak уже был опыт успешного внедрения подобных инициатив, включая кампанию по сбору и утилизации упаковок от жидких продуктов на территориях розничных магазинов X5 и в офисных помещениях таких компаний, как Yandex, Deutsche Bank и Danone [22].

В 2011 году российский завод «Пларус» и компания Coca-Cola занялись реализацией самостоятельной переработки отходов. «Пларус» — это инновационная производственная площадка,

первый и единственный в России завод, осуществляющий экологически чистую переработку использованных пластиковых бутылок по технологии «бутылка в бутылку», то есть «новая бутылка из каждой использованной». Во время проекта в Солнечногорске установили около 80-ти контейнеров. Применяемые на заводе европейские технологии позволяют перерабатывать бывшие в употреблении пластиковые бутылки в сырье — гранулированный полиэтилентерефталат, который используется для производства упаковочных материалов. Этот флагманский проект, реализуемый при активном участии властей города, представителей перерабатывающей отрасли и одного из крупнейших мировых производителей безалкогольных напитков, стал первым в России успешным примером государственно-частного партнерства в области сбора и переработки пластиковой упаковки.

Систематизация и обобщение результатов анализа кейсов зарубежных стран помогло создать понимание вокруг модели устойчивого развития для отечественных предприятий. Казахской практике устойчивости еще предстоит борьба с современными вызовами и реалиями экономического развития страны. Чтобы глобальная повестка отразилась в решениях локальных задач, мировой тренд на устойчивость и разумное потребление ресурсов стало обычной практикой наших предприятий. Следует адаптировать успешные модели устойчивости, ориентированной на инновации. Такая модель, основанная на подходе Адамса для отечественных предприятий предложена и описана ниже в таблице 2.

Таблица 2 – Модель перехода на устойчивое развитие отечественных предприятий

Название	1. Операционная оптимизация	2. Организационная трансформация	3. Создание систем
Цели и принципы	Цели эффективности, Политика, Цели в области устойчивого развития с учетом спецификации	Амбиции, чистые благие цели, Спецификации продуктов движущие УР	
Лидерство и управление	Направление опытных сотрудников Использование организационного развития		
		Пересмотренная бизнес-модель	Честное отношение к людям, прибыли и планете
Внутреннее сотрудничество	Межфирменное сотрудничество		
Внешнее сотрудничество	Сотрудничество с научными центрами		
	Понимание потребностей потребителей	Расширение связей, Несвязанные отрасли, Долгосрочные взаимовыгодные связи	
			Передовой институциональный диалог
Управление системой поставок	Более зеленая система снабжения	Долгосрочные отношения с поставщиками	Меры приводящие к мобилизации и изменениям
Организационные структуры	Мониторинг производительности процесса Мониторинг производительности продукта Соответствующие системы вознаграждения, стимулы Прозрачная интегрированная отчетность в области устойчивого развития		
Управление знаниями	Существующие инновационные возможности Целенаправленные внутренние коммуникации Обучение, рекрутинг и импорт экспертов		
		Отказ от устаревших знаний Изучение незнакомых сфер	
Инструменты и платформы	Существующие возможности Инструменты EMS (Системы экологического менеджмента) и LCA (анализ жизненного цикла)		
	Использовать меньше ресурсов, меньше энергии сохраняя функциональность	Замкнутое производство, C2C (система регенерации), ретроспективный анализ, Biomimicry (учится у природы), сертификация продукции, бережливые и обратные инновационные платформы, рынки на дне пирамиды, Обучение у местных фирм, Зеленые цели на ранних стадиях.	
Примечание – составлено авторами			

Согласно разработанной в результате исследования модели, компании могут группировать свои инновации согласно трем параметрам. Это такие параметры как, сосредоточенность инновации на технологии или на потребностях общества, оценка компании по ее отношению к обществу, и степень распространения инновации внутри компании. Предприятия могут использовать эту модель для оценки инновационных продуктов и технологий, а также в текущей деятельности с учетом отдельных разработок или организации в целом. Модель устойчивого развития состоит из трех этапов. На первом этапе предприятие вносит в свою бизнес модель небольшие корректировки с уклоном на социальные и экологические вопросы, тем самым, сокращая вредное влияние окружающей среде в результате своей деятельности. Второй этап предполагает разработку новых продуктов и технологий для потребностей общества или для пользы окружающей среды, подходящий под описание модели «добрых дел». Третий этап устойчивых предприятий будучи частью экосистемы, решает вопросы системного характера, тем самым, принося пользу и меняя общество в лучшую сторону [26].

ВЫВОДЫ

В целом, можно сделать выводы о том, что вышеперечисленные практики зарубежных компаний, вовлеченных в разработку устойчивых инноваций, вполне могут быть адаптированы и применены в казахстанских компаниях. Как показали бизнес-кейсы зарубежных лидеров, основными драйверами устойчивых инноваций являются: наличие развитой инфраструктуры на рынке, включение устойчивого развития в миссию компании, коллаборация с компаниями из различных отраслей и стран, сильная взаимосвязь науки и бизнес-среды. Также стоит отметить, что в этих странах финансирование устойчивых инноваций в основном осуществляется со стороны бизнес-среды, в то время как в развивающихся странах основным источником финансирования устойчивых инноваций является государство. Адаптация вышеперечисленного опыта и применение предложенной модели окажет существенное воздействие на отечественный рынок устойчивых инноваций, как показал анализ зарубежной передовой практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Robèrt K.-H., Daly H., Hawken P., Holmberg J. A compass for sustainable development // *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*. – 1997. – Vol. 4. – № 2. – P. 79-92.
2. Konar S., Cohen M. A. Does the market value environmental performance? // *Review of Economics and Statistics*. – 2001. – Vol. 83. – № 2. – P. 281-289.
3. Nicholls A., Opal C. *Fair Trade: Market-Driven Ethical Consumption*. – Sage Publications Ltd. – 2005. – 220 p.
4. Указ Президента Республики Казахстан О Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике» (с изменениями от 10.09.2019 г.) [Электронный ресурс]. // Юрист – Параграф Online [web-портал]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31399596 (дата обращения: 05.05.2021).
5. Hansen E. G., Grosse-Dunker F., Reichwald R. Sustainability innovation cube—a framework to evaluate sustainability-oriented innovations // *International Journal of Innovation*. – 2009. – № 13. – P. 683-713.
6. Adams R., Bessant J., Jeanrenaud S., Overy P., Denyer D. Innovating for sustainability: a systematic review of the body of knowledge [Электронный ресурс]. // *Network for Business Sustainability* [web-сайт]. – 2012. – 107 p. – URL: <http://nbs.net/wp-content/uploads/NBS-Systematic-Review-Innovation1.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).
7. Schiederig T., Tietze F., Herstatt C. Green innovation in technology and innovation management-an exploratory literature review // *R&D Management*. – 2012. – № 42. – P. 180–192.
8. Bansal P., Bertels S., Ewart T., Macconnachie P., O'brien J. Bridging the research–practice gap // *Academy of Management Perspectives*. – 2012. – № 26. – P. 73-92.
9. Organisation for Economic Cooperation and Development. OECD. *Oslo Manual-Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data*. 3rd Edition. – 2005. – 166 p. – DOI:10.1787/9789264013100-en.

10. Kemp R., Pearson P. Final Report MEI Project About Measuring Eco-innovation. – UM Merit, Maastricht, – 2007. – 323 p.
11. Jorgenson A. K., Clark B. Are the economy and the environment decoupling? A comparative international study, 1960–2005. // *American Journal of Sociology*. – 2012. – Vol. 118. – № 1. – P. 1-44.
12. Bloomberg data, Capital IQ data, Strategy & Analysis [Электронный ресурс] // Bloomberg [web-сайт]. – URL: <https://www.bloomberg.com/research/stocks/private/snapshot.aspx?privcapId=587124> (дата обращения: 06.05.2021).
13. State Indicators [Электронный ресурс] // National Science Board [web-портал]. – 2016. – URL: <https://www.nsf.gov/statistics/2016/nsb20161/#/stateind> (дата обращения: 06.05.2021).
14. Ушакова С. Е. Стимулирование развития сферы использования национального интеллектуального капитала: обзор зарубежного опыта // *Наука. Инновации. Образование*. – 2016. – № 4 (22). – С. 7-29.
15. Шадиева Д. Анализ мировых тенденций финансирования инновационной деятельности. // *Мировое и национальное хозяйство*. – 2016. – № 2 (37). – С. 6-12.
16. Dutta S., Escalona R., Garanasvili A., Vincent S., León L., Hardman C., Guadagno F. Creating Healthy Lives – The Future of Medical Innovation. // *Global Innovation Index 2019: Creating Healthy Lives – The Future of Medical Innovation*. – Ithaca, Fontainebleau, and Geneva: Cornell University, INSEAD, and WIPO. – 2019. – P. 41-58.
17. Агг С. Устойчивые позиции: Швейцария по-прежнему сохраняет статус наиболее инновационной страны в мире [Электронный ресурс]. // *Switzerland Global Enterprise* [web-сайт]. – 2018. – URL: <https://www.s-ge.com/ru/article/poslednie-novosti/20183-ranking-gii> (дата обращения: 05.05.2021).
18. Биккулов А. С., Салазкин М. Г. В Канаде: два уровня // *Форсайт*. – 2007. – № 2 (2). – С. 68–77.
19. Innovating for sustainability: A Guide for Executives [Электронный ресурс]. // *Network for Business Sustainability report* [web-сайт]. – 2012. – 22 p. – URL: <https://ore.exeter.ac.uk/repository/bitstream/handle/10036/4105/NBS%202012-SOI%20Executive%20Report.pdf?sequence=7&isAllowed=y> (дата обращения: 05.05.2021).
20. Красова Е., Чэн Я, Инновации как основа устойчивого развития национальных экономик развивающихся стран (на примере Китая) // *Тренды и управление*. – 2017. – № 4. – P. 23-35.
21. 2012 China Top 100 Green Companies Report. – 2012. – 65 p.
22. Белкина А. Как развиваются инновации в России и где крупнейший бизнес ищет новые технологии [Электронный ресурс]. // *Ведомости* [web-сайт]. – 2019. – URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/10/09/813027-razvivayutsya-innovatsii> (дата обращения: 16.05.2021).
23. Циглер В., Манглер Р. Компания Siemens Desiro RUS – перспективный пригородный электропоезд [Электронный ресурс]. // *Железные дороги мира*. – 2016. – № 4. – URL: http://www.rzd-expo.ru/innovation/stock/railcar_rolling_stock/Desiro%20RUS.pdf (дата обращения: 16.05.2021).
24. Уральские Локомотивы [Электронный ресурс] // Siemens [web-сайт]. – URL: http://w3.siemens.ru/about_us/projects_in_regions/urals_federal_district/40344.html (дата обращения: 16 октября 2020).
25. Global Footprint Network Ecological Footprint – Ecological Sustainability [Электронный ресурс] // *Global Footprint Network* [web-сайт]. – URL: <http://www.footprintnetwork.org/en/index.php/GFN/> (дата обращения: 16.10.2020).
26. Adams R., Jeanrenaud S., Bessant J. Sustainability oriented innovation: a systematic review // *Network for Business Sustainability*. – Ottawa, 2013. – 234 p.

REFERENCES

1. Robèrt, K.-H., Daly, H., Hawken, P. and Holmberg, J. (1997). A compass for sustainable development. *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*, 4(2), 79-92.
2. Konar, S. and Cohen, M. A. (2001). Does the market value environmental performance?. *Review of Economics and Statistics*, 83, 281–289.
3. Nicholls, A. and Opal, C. (2005). *Fair Trade: Market-Driven Ethical Consumption*. Sage Publications Ltd., 220 p.

4. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan O Konceptii po perekhodu Respubliki Kazahstan k «zelenoj ekonomike» (s izmeneniyami ot 10.09.2019 g.) (2019). Jurist-Paragraph. Retrieved May 5, 2021, from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31399596.
5. Hansen, E. G., Grosse-Dunker, F. and Reichwald, R. (2009). Sustainability innovation cube—a framework to evaluate sustainability-oriented innovations. *International Journal of Innovation*, 13, 683–713.
6. Adams, R., Bessant, J., Jeanrenaud, S., Overy, P. and Denyer, D. (2012). Innovating for sustainability: a systematic review of the body of knowledge. *Network for Business Sustainability*, 107 p., Retrieved May 5, 2021, from <http://nbs.net/wp-content/uploads/NBS-Systematic-Review-Innovation1.pdf>.
7. Schiederig, T., Tietze, F. and Herstatt, C. (2012). Green innovation in technology and innovation management—an exploratory literature review. *R&D Management*, 42, 180–192.
8. Bansal, P., Bertels, S., Ewart, T., Macconnachie, P. and O’Brien, J. (2012). Bridging the research–practice gap. *Academy of Management Perspectives*, 26, 73–92.
9. OECD (2005). *Oslo Manual-Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data*. 3rd Edition. Organisation for Economic Cooperation and Development. 166 p., DOI:10.1787/9789264013100-en.
10. Kemp, R. and Pearson, P. (2007). *Final Report MEI Project About Measuring Eco-innovation*. UM Merit, Maastricht, 323 p.
11. Jorgenson, A. K. and Clark, B. (2012). Are the economy and the environment decoupling? A comparative international study, 1960–2005. *American Journal of Sociology*, 118(1), 1–44.
12. Bloomberg data, Capital IQ data, Strategy & Analysis (n.d.) Bloomberg. Retrieved May 6, 2021, from <https://www.bloomberg.com/research/stocks/private/snapshot.aspx?privcapId=587124>.
13. State Indicators (2016). National Science Board, Retrieved May 6, 2021, from <https://www.nsf.gov/statistics/2016/nsb20161/#/stateind>.
14. Ushakova, S. E. (2016). Stimulirovanie razvitiya sfery ispol'zovaniya nacional'nogo intellektual'nogo kapitala: obzor zarubezhnogo opyta. *Nauka. Innovacii. Obrazovanie*, 4(22), 7–29 (In Russian).
15. Shadieva, D. (2016). Analiz mirovyyh tendenciy finansirovaniya innovacionnoj deyatel'nosti. *Mirovoe i nacional'noe hozyajstvo*, 2(37), 6–12. (In Russian).
16. Dutta, S., Escalona, R., Garanasvili, A., Vincent, S., León, L., Hardman, C. and Guadagno, F. (2019). *Creating Healthy Lives – The Future of Medical Innovation*. Global Innovation Index 2019: Creating Healthy Lives – The Future of Medical Innovation, Ithaca, Fontainebleau, and Geneva: Cornell University, INSEAD, and WIPO, 41-58.
17. Ari, C. (2018). Ustojchivye pozicii: SHvejcariya po-prezhnemu sohranyaet status naibolee innovacionnoj strany v mire. *Switzerland Global Enterprise*, Retrieved May 5, 2021, from <https://www.s-ge.com/ru/article/poslednie-novosti/20183-ranking-gii>.
18. Bikkulov, A. C. & Salazkin, M. G. (2007), “V Kanade: dva urovnya”, *Forsajt*, No. 2 (2), P. 68-77.
19. “Innovating for sustainability: A Guide for Executives” (2012), Network for Business Sustainability report, 22 p. Retrieved May 5, 2021, from <https://ore.exeter.ac.uk/repository/bitstream/handle/10036/4105/NBS%202012-SOI%20Executive%20Report.pdf?sequence=7&isAllowed=y>
20. Krasova, E. and Chen, Ya. (2017). Innovacii kak osnova ustojchivogo razvitiya nacional'nyh ekonomik razvivayushchihnya stran (na primere Kitaya). *Trendy i upravlenie*, 4, 23–35.
21. 2012 China Top 100 Green Companies Report (2012), 65 p.
22. Belkina, A. (2019). Kak razvivayutsya innovacii v Rossii i gde krupnejshij biznes ishchet novye tekhnologii. *Vedomosti*. Retrieved May 5, 2021, from <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/10/09/813027-razvivayutsya-innovatsii>.
23. Cigler, V. and Mangler, R. (2016). Kompaniya Siemens Desiro RUS – perspektivnyj prigorodnyj elektropoezd. *Zheleznnye dorogi mira*, 4, Retrieved May 16, 2021, from http://www.rzd-expo.ru/innovation/stock/railcar_rolling_stock/Desiro%20RUS.pdf.
24. Ural'skie Lokomotivy (n.d.). Siemens. Retrieved October 16, 2020, from http://w3.siemens.ru/about_us/projects_in_regions/urals_federal_district/40344.html

25. Global Footprint Network Ecological Footprint – Ecological Sustainability. (n.d.). Retrieved October 16, 2020, from <http://www.footprintnetwork.org/en/index.php/GFN/>.

26. Adams, R., Jeanrenaud, S. and Bessant, J. (2013). Sustainability oriented innovation: a systematic review. Network for Business Sustainability, Ottawa, 234 p.

IMPLEMENTATION OF INNOVATIONS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT: GLOBAL TRENDS AND KAZAKHSTAN'S MODEL

R. D. Doszhan^{1*}, A. K. Kozhakhmetova¹, E. B. Bekenov¹

¹Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the research is analysis of foreign experience of application of sustainable innovation at the heart of a successful business case for adaptation in the domestic market.

Methodology. In the course of the research, general scientific methods were used: analysis and synthesis at the stage of familiarization with the object of research, comparison, systematic review of the literature, the case study method and modeling to adapt foreign experience of the transition to sustainable innovations.

Originality / value of research. The introduction of sustainable innovative practices in Kazakhstan will expand the issues of their application in the business context. Despite the fact that some domestic researchers have analyzed the essence of sustainable innovations, the practice of applying them in companies has not yet been studied. It is important to emphasize the importance of research that provides more and more evidence of a positive relationship between sustainable innovation and organizational performance [36]. In this regard, the study of the experience of successful global leading companies in the field of sustainable innovations for adaptation in the domestic market is very relevant.

Findings. As a result of a systematic literature review, the main trends of the global market that need to be taken into account when conducting a sustainable business were identified. And also, after studying the cases of successful foreign companies focused on sustainable innovation, an adapted model was proposed for the transition of domestic enterprises to sustainable development, the main drivers of sustainable innovation were identified, such as the presence of a developed infrastructure in the market, the inclusion of sustainable development in the company's mission, collaboration with companies from various industries and countries, a strong relationship between science and the business environment.

Keywords: sustainable development, innovations of sustainable development, foreign experience, business cases, Switzerland, Canada, China, Russia.

Acknowledgments: The data for the publication were collected with the financial support of the project of grant funding for young scientists for the implementation of scientific research on scientific and (or) scientific and technical projects, AP08053346 "Research of sustainable development innovations from the point of view of their economic feasibility and building effective enterprise management in the Republic of Kazakhstan".

**ТҰРАҚТЫ ДАМУ ИННОВАЦИЯЛАРЫН ЕНГІЗУ:
ӘЛЕМДІК ҮРДІСТЕР ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ МОДЕЛЬ**

Р. Д. Досжан¹*, А. Қ. Қожахметова¹, Е. Б. Бекенов¹

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Алматы, Қазақстан Республикасы

АҢДАТПА

Зерттеу мақсаты – отандық нарыққа бейімдеу үшін сәтті бизнес-кейстер негізінде тұрақты инновацияларды қолданудың шетелдік тәжірибесін талдау.

Әдіснамасы. Зерттеу барысында келесі жалпы ғылыми әдістер қолданылды: зерттеу объектісін сипаттау үшін талдау және синтез, оған қоса салыстыру, әдебиеттерді жүйелі түрде шолу, тұрақты инновацияларға көшудің шетелдік тәжірибесін бейімдеу үшін кейс-стади әдісі және модельдеу.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Қазақстанда тұрақты инновациялық даму тәжірибелерін енгізу оларды бизнес контекстінде қолдану мәселелерін кеңейтуге мүмкіндік береді. Кейбір отандық зерттеушілер тұрақты инновациялардың мәнін талдағанына қарамастан, оларды компанияларда қолдану тәжірибесі әлі зерттелген жоқ. Тұрақты инновациялар мен ұйымның өнімділігі арасындағы оң байланыс туралы көбірек дәлелдер келтіретін зерттеулердің маңыздылығын атап өткен жөн [36]. Осыған байланысты, отандық нарыққа бейімдеу үшін тұрақты инновациялар саласындағы табысты әлемдік көшбасшы компаниялардың тәжірибесін зерделеу өте өзекті болып табылады.

Зерттеу нәтижелері. Жүйелі әдеби шолу нәтижесінде тұрақты бизнесті жүргізу кезінде ескерілуі керек әлемдік нарықтың негізгі тенденциялары анықталды. Сондай-ақ, тұрақты инновацияларға бағдарланған табысты шетелдік компаниялардың кейстерін зерделегеннен кейін отандық кәсіпорындардың тұрақты дамуға көшуі бойынша бейімделген модель ұсынылды, сонымен қатар нарықта дамыған инфрақұрылымның болуы, орнықты дамуды компания миссиясына қосу, түрлі салалар мен елдердің компанияларымен коллаборация, ғылым мен бизнес-ортаның өзара күшті байланысы сияқты тұрақты инновациялардың негізгі драйверлері айқындалды.

Түйін сөздер: тұрақты даму, тұрақты даму инновациялары, шетелдік тәжірибе, бизнес-кейстер, Швейцария, Канада, Қытай, Ресей.

Алғыс: Жарияланымға арналған деректер AP08053346 "Тұрақты даму инновацияларын олардың экономикалық орындылығы және Қазақстан Республикасында кәсіпорынды тиімді басқаруды құру тұрғысынан зерттеу" жас ғалымдардың ғылыми және (немесе) ғылыми-техникалық жобалар бойынша ғылыми зерттеулерді іске асыруға арналған гранттық қаржыландыру жобасының қаржылық қолдауымен жинақталды.

ОБ АВТОРАХ

Досжан Райгүл Дукенбайқызы – Ph.D., и.о. доцента, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: rdd2011@mail.ru*

Қожахметова Асель Кошербаевна – Ph.D., старший преподаватель, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: aselekdream@gmail.com

Бекенов Ерлан Болатұлы – магистрант 1-курса, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: bekenov_eb1@gmail.com

МРПТИ: 06.52.17

JEL Classification: O10, O40, O50

<https://doi.org/10.52821/2224-5561-2021-3-53-65>

ECONOMIC SECURITY OF KAZAKHSTAN: APPLYING FOREIGN EXPERIENCE

A. Nurgaliuly^{1*}, L. A. Kazbekova¹

¹Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the research is to identify the conceptual foundations of economic security and analyze the best practices and experience of developed countries in Europe, North America and Asia in ensuring the country's economic security.

Methodology – legislative acts, decrees of the President of the Republic of Kazakhstan, data from the Department of the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan, the World Bank, the British Ministry of Defense, scientific works of foreign scientists are used as a theoretical and methodological basis for research. Methods such as analytical, statistical, historical review, and search are used in the research process. The received information was analyzed and structured.

Originality (value) of the research – understanding the conceptual foundations of the functioning of the economic security system will allow in the long term to achieve sustainable economic growth and increase the competitiveness of the country and each region.

Findings – the article describes the history of the emergence of the concept of "economic security", examines the content of the concept of economic security, opinions of economic scientists, internal and external risks of the economic security of the country. In addition, the main problems of stability of the economy of the country are presented. The foreign experience of ensuring economic security is analyzed, on the basis of which the ways of improving the system of economic security of the Republic of Kazakhstan are formulated.

Keywords: economic security, threat to economic security, economic growth, national security, diversification.

INTRODUCTION

The purpose of the research is to identify the foundations of the concept of economic security and aspects of foreign experience in achieving the country's economic security, on the basis of which recommendations will be developed to ensure sustainable economic growth of the Republic of Kazakhstan.

The economy of the Republic of Kazakhstan is actively developing. At the same time, the issues of strategic management are not sufficiently adapted to the ongoing processes due to the static nature of the planning system and the fragmented activities of potential participants.

In modern conditions of deepening the processes of globalization of the world economy with an active impact on the economy of scientific and technological progress and the spread of these processes to the formation of a security system, it is legitimate to talk about improving national regulators. In situations of uncertainty, during the COVID-19 pandemic, the questions of overcoming the economic crisis, improving the living standards of the population and, more importantly, achieving sustainable economic growth have become more acute than ever. The tasks and challenges faced by the Republic of Kazakhstan due to the pandemic, and the global shifts and changes that followed it, should be resolved thanks to a stably functioning, comprehensive system of ensuring economic security.

The participation of Kazakhstan in various economic, political and other associations determines the use of integrated assessment tools and ways to ensure the economic security of the Republic of Kazakhstan, which has unique natural, economic and strategic resources.

Kazakh and Russian scientists have written works devoted to the definition of the concept of "economic security", the issues of achieving sustainable development of regions, the specifics of ensuring the economic security of business structures and financial institutions abroad.

MAIN PART

This topic has been studied by a lot of economists, including those from the CIS, who interpretes the definition of the economic security in different ways. In addition, the study provides data from the official website of human development reports within the framework of the United Nations Development Program. Methods such as analytical, statistical, historical review, and search are used in the research process. The received information was analyzed and structured. Statistics on the human development index were provided.

Over the centuries, a great number of scientists, thinkers, researchers in the field of economic theory have tried to answer the question of achieving sustainable economic growth of both individual enterprises and the whole country or individual regions. The concept of "economic security" is directly related to this issue, since its main goal is the growth of the most important macroeconomic indicators and the stability of the economic system and society. Before moving on to the description of the term "economic security", it is necessary to trace the evolution of the theory of the economic growth. It will demonstrate visually the change in theories, views of various scientists and the formation of the modern economy.

Throughout the existence of the human society, until the first half of the XIX century, the so-called "Malthusian theory" dominated in economics, it was developed by Thomas Robert Malthus in his work "An Essay on the Population Law", which was published in 1798. It is the first study of the demography and population dynamics in the history of economics. He gave a rather bleak forecast about the race between the population growth and economic progress in the UK. It is known that all the countries were agrarian due to the underdevelopment of technologies and means of production at that time, Thomas Robert Malthus explained the economy balance by the equality of the birth and death rates. The intersection of the curves of fertility and mortality represented a living wage that did not depend on the technology and production capabilities of the society. The Malthusian cycle can be decomposed into the following points: with sufficient food production, the population also grows, since its growth rate is higher than the food growth rate; then the population density reaches a critical point where society ceases to have enough food; this, in its turn, leads to the Malthusian catastrophe, in which the number of inhabitants decreases, the population density is below the critical point; as a result, there is again enough food for everyone and the Malthusian cycle begins newly. According to Thomas Robert Malthus, in order to avoid the misfortunes that natural population constraints will bring to the society, it is necessary to regulate the birth rate.

On those days, such a concept as "economic security" did not exist, because it appeared only in the last third of the XX century. Nevertheless, describing the Malthusian theory, one can single out a number of ways to ensure the economic growth, which includes: rational use of natural resources, universal primary education, changing a system of the social protection of the poor. As we can see, they are still valid in the current economic situation.

Since about 1800 the Malthusian theory ceased to be valid in a number of countries. A steady increase in per capita income begins, which hasn't been fundamentally observed before. It was then that the first industrial revolution took place, marking the transition from the agrarian society to an industrial society. There was also a demographic transition – a decrease in the birth rate. Owners of the land and capital received more than half of the national income in agrarian societies. Their share in the total income was only a quarter in modern societies. Thus, the state of a long-term absence of the growth in per capita income transformed into the state of the sustainable economic growth.

During this period, modern economic trends have begun to form. An increase of the human capital role, which is of great importance in ensuring the economic security, can be considered as a key change. The human capital is the totality of knowledge, ability and professional skills of an individual or society as a whole. The rate of the technical progress growth depends positively on its level and on the population size, which gradually affects the human capital in the society and the rate of population growth. Parents can spend more money on upbringing their children, which leads to both an increase in the alternative upbringing costs and in the return investment of the younger generation. Initially, the income effect dominates: the population growth reduces the demand for the human capital. Further, the substitution effect dominates: the rate of the population

growth falls, but the education level rises. It increases the rate the technological progress growth and leads to an even greater increase in the demand for human capital.

By the end of the XIX century and at the beginning of the XX century classical and neoclassical schools of economic thought dominated, whose representatives opposed the state intervention in the market mechanism, and adhered to the assertion that the so-called "invisible hand" operates in the market, which levels out problems arising in the economy, such as an unemployment or falling prices. These doctrines and theories have shown their failure during the Great Depression, the global economic crisis of 1929-1933, which arose in the United States and then spread throughout the world. They were replaced by Keynesian theory and monetarism, highlighting the importance of the government regulation in the field of monetary and fiscal policy.

At that time, much attention was paid to the national security, the defense industry, while the term "economic security" itself had not appeared yet. They started talking about the protection of the country's economic interests after the adoption of the Law about "National Security" in the United States of America (the USA) in 1947 for the first time. In addition to the defense and foreign policies, issues of the economic policy were raised. Due to the planned structure of the economy, the issues of the economic security were not considered in the same Soviet Union (USSR).

Finally, this term was approved in the 1990s. The interpretation of the concept is quite different if we take into consideration certain scientists' opinions. The problem is that the economic security is a fairly broad concept that it is at the intersection of various sciences, such as economics, jurisprudence, political science, and social sciences. However, scientists and researchers have defined the economic security in different ways.

Below there is a table which lists the Russian scientists, as well as their definitions of this term (table 1).

Table 1 – Definitions of the concept «the economic security» defined by various researchers.

Researchers	Definition of the concept of "the economic security"
V. Pankov	"This is the state of the national economy, which is characterized by its stability, "immunity" to the effects of internal and external factors that disrupt the normal functioning of the social reproduction process, undermine the achieved living population standard, and thereby cause increased social tension in the society, as well as a threat to the existence of the state".
V. Rubanov	"This is the ability of the national economy to ensure the nation welfare and stability of the internal market, regardless of the action of external factors".
V. L. Tambovtsev	"Under the economic security of a particular system, one must understand the totality of the state properties of its subsystem production, which ensures the possibility of achieving the entire system goals".
L. I. Abalkin	"This is the state of the economic system, which allows it to develop dynamically, effectively and solve social problems, and in which the state has the ability to develop and implement an independent economic policy".
V. L. Savin	"Economic security is a system for protecting Russia's vital interests. The objects of protection can be: the national economy of the country as a whole, certain regions of the country, certain spheres and branches of the economy, legal entities and individuals as subjects of economic activity".

Note – compiled by the authors based on [1].

Sustainable development is a state of the economic system of a country or region in which economic agents, resident institutions are able to withstand external and internal threats to sovereignty, economy, ecology and other spheres of life. In fact, this is the main goal of economic security. Achieving a stable state of the economy of a country or region should be carried out at the level of state bodies, local governments, commercial and public organizations, etc.

Thus, it can be summarized that economic security is a set of conditions for the state of the economic system, under which its effective and dynamic growth is achieved, which allows satisfying the needs of an individual, citizens, the state, and protecting their interests.

When defining the concept of "economic security of a region", it is necessary to designate that a region is a limited area in the territory of the country or outside it, which differs from other areas in its own natural, geographic, economic, historical, demographic, and cultural characteristics.

The economic security of the region is a set of measures designed to achieve constant and sustainable development of the region's economy. On the territory of the region, processes may arise that pose a threat to

the economic security of the state. On the other hand, thanks to separate territories, the state implements and promotes its own economic policy, which affects the state of the country's economy.

The Republic of Kazakhstan is a democratic, legal, social, unitary state with a presidential form of government. Administratively, the country is divided into three cities of republican significance – Nur-Sultan, Almaty and Shymkent, 14 regions and a city with a special status, Baikonur, leased by Russia until 2050.

There are the following types of regions: donor - regions and recipient - regions in economic science. The first type includes territories rich in financial, economic, natural resources, with sufficient economic independence to manage the local budget for their own purposes, in particular, to stimulate small and medium-sized businesses. The recipient regions include underdeveloped regions that are almost or completely dependent on grants, subsidies and other payments to the budget from the state and richer regions. Achieving uniform development of regions is complicated by various geographical, historical, natural, economic, and cultural characteristics.

According to data for 2019, the GRP (Gross Regional Product) of the developed regions exceeds the GRP of subsidized ones by 15 times in the Republic of Kazakhstan [2].

At the same time, only four regions belong to the economy donors: the capital Nur-Sultan, Almaty, Atyrau and Mangystau regions. The remaining 13 regions are subsidized.

In modern conditions the development of globalization of the world economy, the introduction of innovative methods and technologies, with constantly changing economic and geopolitical situations, the question of ensuring the country's economic security and its individual regions is acute. Generally speaking, the economic security (in abbreviated form, ES) presents a situation of the state's economy, in which a stable long-term economic growth is achieved, the society's economic needs are effectively met, political stability and the state's interests in the international arena are ensured. It should be noted that the economic security is the material basis of the state national security and it does not only play an important role in the socio-economic development of unions between countries, but also the world as a whole. Thus, the economic security is closely interconnected with the defense, information, environmental and other types of the country security, as it is necessary to take into account the economic aspect of certain aspects of security. Summarizing all of the above, we can conclude that the economic security is a complex socio-economic state, which is realized through the coordination of various institutions within the country and abroad, which fulfills the task of creating the population's high living standard, ensuring the country's economic independence and an effective management at all economic levels.

The objects of the economic security include its economic system and individual elements: natural resources, production and non-production assets, a real estate, financial resources, economic structures, a family, individuals and etc. The subjects of the economic security include the state and its institutions, establishments, public and private departments of the economic sector.

Among the factors that influence the state of the economic security of the region include such interrelated categories as "risk", "threat", "challenge" and "danger". They should be viewed in the following order (Figure 1).

A distinction should be made between concepts such as "economic risk" and "economic threat".

Economic risk is the possibility of an unstable situation, leading to a decrease in economic stability. In other words, it is a probabilistic event that can potentially bring the economy from a normal state to a crisis one. Below are the options for defining the concept of "economic risk" (table 2).

Table 2 – Definitions of the concept «economic risk» defined by various researchers.

Researchers	Definition of the concept of "economic risk"
S. I. Ozhegov	"...the possibility of danger, failure; action for luck in the hope of a happy outcome";
M. V. Gracheva	"...the possibility of an unfavorable situation or unsuccessful outcome of the enterprise's activities, which manifests itself in the failure (incomplete achievement) of the goals and objectives";
V. V. Glushenko	"...the possibility of a positive (chance) or negative (damage, loss) deviation in the process of activity from the expected or planned values".
N. A. Rykhtikova	"economic risk is the objectively existing probability of the occurrence of unfavorable circumstances in the process of carrying out the financial and economic activities of the organization, caused by the influence of factors of the external and internal environment".
Note – compiled by the authors based on [4].	

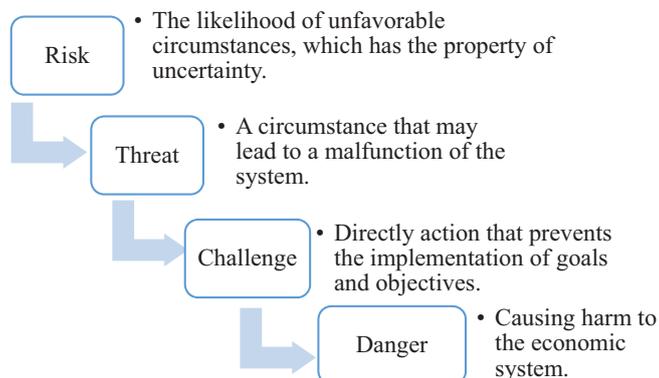

Figure 1 – Factors affecting the economic security of the region.

Note – compiled by the authors based on [3]

A threat to economic security is a phenomenon, process, situation that can have a direct or indirect negative impact on different parts of the national or regional socio-economic system in the short or long term. Threats impede the realization of goals and the solution of problems of ensuring economic security [3].

In Russia, the definition of a threat to security was first mentioned in the RF Law of March 5, 1992 No. 2446-1 "About security" [5]. According to the Law, a threat to security is a combination of conditions and factors that endanger the vital interests of an individual, society and the state.

According to the candidate of economic sciences and professor Gurov M.P., a threat to economic security is a direct or indirect possibility of causing damage to constitutional rights, freedoms, decent quality and standard of living of citizens, sovereignty and territorial integrity, sustainable development, defense and security of the state [6].

One of the inherent properties of a threat to economic security is uncertainty, which means, in a broad sense, inaccuracy or incompleteness of information. Measuring the likelihood of a threat is a difficult task. The most striking and recent examples of threats to economic security with a high level of uncertainty include the COVID-19 pandemic, the many negative consequences of which have increased instability in the global economy and in all spheres of human life.

There are internal and external risks to the economic security of the state. They are presented in the table below (table 3). They are related to each other, that is, the emergence of one risk leads to the emergence of several.

Table 3 – Internal and external risks to the country economic security

Internal risks	External risks
Corruption	External economic or geopolitical impact
Unfavorable political situation	Environmental problems
Unfair competition	Illegal financial transactions
Natural and man-made disasters	Macroeconomic disasters
Emergencies in countrywide	International emergencies.
Failure of information systems	The impact on the information system from the outside
Shadow Economy	Criminalization
Note – compiled by the authors	

Each structural element of economic security – economic, social, technological, production, defense, political, energy, informational, environmental - is characterized by indicators that are used to assess the level of economic security of a country or region. They can be absolute or relative.

When analyzing the economic security of individual countries or regions, it is necessary to rely on the main macroeconomic indicators that give an overall picture of the state of the economic system, its stability

and mobility. These include the growth rate of GDP (gross domestic product), the population's life level and quality, the rate of inflation, the unemployment rate, the economy structure, the society property stratification, the state technical base economy, R&D expenditures (research and development), competitiveness, import dependence, openness of the economy, the state's internal and external debts and others.

When determining the certain countries' level of the economic security, it is important to rely on the criteria that convey the real state of affairs most accurately. So, GDP cannot be the main criterion for calculating the economic security, due to its various disadvantages. This macroeconomic indicator does not take into account stocks of the human capital and natural resources, inequality in monetary income and etc. Many alternative indicators have been developed that take into account a wider range of data, including the number of years required to complete secondary education, the literacy rate among the population and other indicators of the human capital to solve this problem.

One can single out the Human Development Index (HDI) among such indicators, which assesses the country or region's human potential, a genuine progress indicator (GPI), which includes 26 (twenty-six) indicators and it is the main argument of the supporters' concept "unprofitable growth". However, there is no indicator that would ideally reflect the current economic and social situations of the country from different angles.

At present, an analysis of foreign experience demonstrates that there is no single approach to ensuring the economic security of a country. According to experts, the approach to the definition of the "economic security" is between the concept of economic science and the theory of international relations. Another reason is that this concept is relatively new both for Western countries, and, in particular, for the countries of the former CIS (Commonwealth of Independent States). Initially, in the 80s of the XX century, the term "national economic security" was used [7]. This term arose during the economic crisis in the United States in 1970, when the deflation problem, a characteristic of the economies of the early 20th century, was replaced by a decrease in the money supply and a drop in the general price level (you can recall the Great Depression of 1929-1933), the inflation problem came (an increase in the money supply, leading to the depreciation of the national currency and an increase in the general price level).

In the 1970s, the inflation rate in the United States reached 5.5 %, and over twenty years, from 1965 to 1985 it has quadrupled [8; 9; 10] (Figure 2). A similar trend was observed in Western European countries.

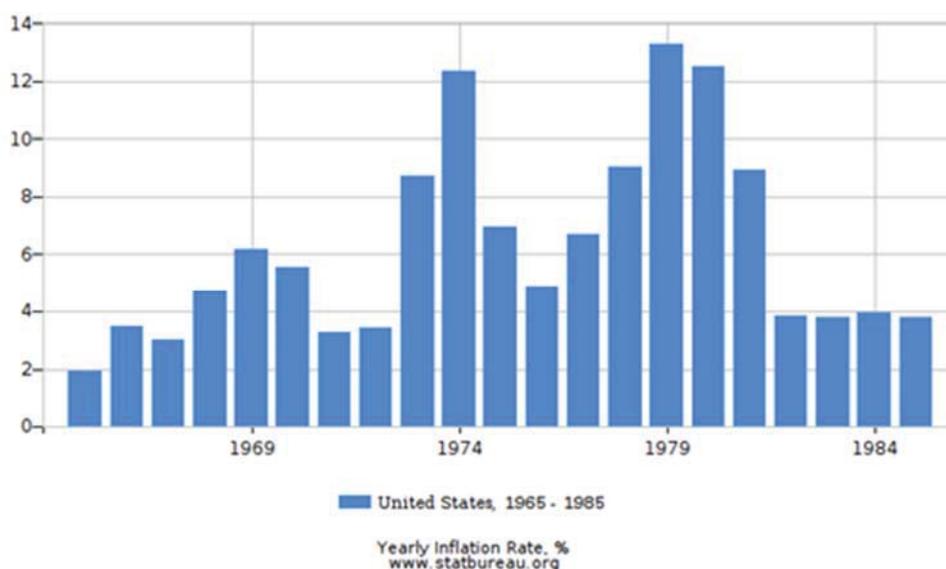

Figure 2 – Comparison of inflation rates in the United States in the period of 1965-1985.

Note – compiled by the authors based on [11]

In the conditions of the resulting stagflation, the economy has not had to face it yet, priority policy directions were developed to ensure the country's economic security in the United States. These include an increase

in the competitiveness of local produced goods, the development of cooperation in the trade and economic spheres, and a decrease in the number of foreign loans [12].

The 1990 memorandum can be called the first program in the United States aimed at ensuring the economic security. It reflected the defending position of the country's interests in the international arena and in technological areas. For coordinating policies to ensure the economic security, an Interdepartmental Working Group was created, which identified and assessed threats to the economic security and compiled a catalog on their basis. The experience of the United States in providing ES, taking into account all of the above, it is rather difficult to transfer to the Republic of Kazakhstan's realities, due to the differences in historical, geographical, political and social aspects. One of the key points is the protection of private property and competition, especially in small and medium-sized businesses. Small businesses are represented mainly in agriculture in Kazakhstan [13].

When analyzing the foreign experience of the economic security, one should pay attention to Japan, especially to the post-war period of the second half of the 20th century. At that time, the country was devastated economically by the world wars and a lack of minerals. The rapid growth of the economy of the Rising Sun Country, accompanied by the attraction of a large volume of foreign investment and the expansion of trade cooperation with other countries, would have been impossible without the adoption of doctrines, one of which was drawn up by the Prime Minister of Japan and a leader of the Liberal Party Yoshida, and the doctrine of Comprehensive National Security. Thus, Japan's ES was aimed at close cooperation with the United States and its allies in political, economic and military aspects. First, the security of the Japanese islands, political stability in the region were ensured, thanks to the support of US policy, and, as a result, a triangle was created between the US, Japan and Europe. Despite the lack of natural resources, the country's economy showed unprecedented growth throughout the second half of the 20th century. GDP growth rates reached 5.6 % [14].

When looking at European states, France's experience in ensuring economic security should be taken into account, which, as in the above countries, was based on the document. In this case, it is the National Security Act, passed in 1964. One of the criteria in the development of the Law was to reduce the dependence on external factors in priority sectors of the economy. This can be associated with the concept "diversification", which means the development of several industries, mainly knowledge-intensive, in order to increase production efficiency and sustainable economic growth achievement, independent of one specific industry. For example, the oil industry in Kazakhstan accounts for approximately 70 % of the country's entire economy. During the economic downturn that occurred in 2015-2016, many macroeconomic indicators, including the rate of GDP growth, decreased due to the national currency devaluation and the fall in oil prices. President Nursultan Nazarbayev noted the importance of diversifying the country's economy repeatedly in order to achieve social and economic well-being in his Messages.

When analyzing Western European states' experience in the field of ensuring ES, most of them (for example, France, Germany, Great Britain, Italy) pay much attention to the protection of entrepreneurial activity among the main criteria, including the competition development and monopoly restriction [15]. This is the main peculiarity of ensuring the economic security in the European Union (EU) countries. Since each country has a small territory individually and, accordingly, limited material and labor resources, the adopted laws and concepts of the economic security are aimed primarily at strengthening relations between EU members to achieve high competitiveness relatively to other developed countries and the United States. This decision is due to historical events in the XX century, namely, the decrease in the role of the Old World in the international arena because of two world wars and the economic crisis.

It is necessary to pay attention to the fact that among the considered EU members, only France and Spain have ES laws and concepts adopted at the legislative level. On the other hand, there are no such regulations (NLA) in the UK, Germany or Italy. The main provisions for ensuring the economic security are contained in the country's legislation itself in.

The Republic of Kazakhstan is the largest and most economically developed state in Central Asia. This region consists of five countries - Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, and Tajikistan [16]. More than half of the total GDP of the Central Asian region falls on Kazakhstan. At the same time, the dynamics of GDP growth is lower than in other countries of the region due to the higher comparison base.

The Republic of Kazakhstan possesses significant deposits of mineral and energy resources – out of 110 elements of the periodic table, 99 have been identified in the bowels of the country, 70 explored, more than 60 are used, including 8 % of the world's iron ore reserves and about 25 % of uranium. The country has one of the most powerful oil and gas potential in the Caspian zone - Kazakhstan accounts for about 3 % of world oil reserves and 1.2 % of natural gas, and the country continues to increase production and export of energy resources. Kazakhstan is also one of the main wheat producers in the region. In Central Asia, heavily dependent on commodity exports and remittances, GDP may contract 1.7 % in 2020 [17]. There are three main factors affecting the economic downturn. First, there are actions taken by governments in the region to save lives – closing borders, limiting travel and economic activity. Targeted fiscal support measures for households and businesses have only partially mitigated the impact of the pandemic. Despite the fact that most of the quarantine restrictions in the countries of the region were lifted by September, economic activity is still at a low level. In Kazakhstan, activity in the retail and entertainment sectors is still one-third lower than in January 2020, while retail sales fell by almost 12 %.

Kazakhstan system of ensuring the economic security should be based on the geopolitical position of the country, the current economic situation, world political and economic processes, the most successful foreign experience. It should be noted that as a result of COVID-19 pandemic, the question of strengthening the national economy and reducing its dependence on one specific raw material – oil has become acute. According to the Applied Economics (AERC) Research Center experts' forecast, during the collapse of oil prices in March 2020, the growth of the nominal cash income will be slowed down to 3.9 % along with nominal wages. In addition, real money income is expected to fall by 4.9 %, which is also because of the decrease in exports and imports and with similar processes taking place in Russia [18]. Thus, an urgent need arose not only for a more accelerated economy diversification, but also for the protection of the country's interests. Since economic agents are interconnected with each other, problems in one corner of the world will certainly affect the republic in the long term, even if it does not have trade or other agreements with the most distant states.

When reviewing foreign experience in ensuring economic security, there is a difference in approaches depending on the countries. For example, in the US, the authorities carry out regional policy by developing centralized nationwide programs. That is, the state is the initiator of the creation of programs in which the states participate, which are provided with monetary support. For example, coastal zone management programs. At the same time, regional authorities and interested groups of the population are actively involved in planning and coordination, which is combined with a centralized approach to solving problems. One of the main tasks of the state is to reduce inequality in the development of regions. Comprehensive programs are being developed, commissions are being created uniting several states, which coordinate regional development through forecasting and implementing indicative plans [19].

In the European Union (Denmark, Spain, Sweden), economic security consists in the development of national programs based on economic policy analysis. These programs are integrated into the national strategy. In addition, the EU member states cooperate with each other in the field of environmental and biosphere protection. Initially, in the EU countries, regional policy was implemented through regional programs approved by the governments of individual countries. However, as countries with less developed economies (Greece, Spain, Slovakia, etc.) joined the community, the need for more coordinated actions for the even development of regions and the elimination of differences between them increased.

A different approach is observed in countries such as Canada, Australia, New Zealand, where regional programs operate. Despite the fact that inequality among regions has decreased, this approach also has negative aspects, for example, excessive bureaucracy at the state and local levels, as well as the incentive to develop the region at its own expense [19].

In international practice and the scientific community, one of the most discussed alternatives to GDP is the GPI, which is a generalized indicator consisting of 26 different socio-economic and environmental parameters. The difficulties in using this integral indicator are the lack of statistical data, differences in methodological calculations, which complicates the comparison of GPI in different countries and regions. This indicator is used instead of GDP in Maryland and Oregon. On the territory of the countries of the former USSR, GPI did not receive distribution due to the above reasons [20].

If we analyze a foreign experience in ensuring the economic security, the geopolitical and economic situations in Kazakhstan, then we should focus our attention on the EU countries. It means that the formation the economic security should be unified for the participating countries, or agreed. It is necessary to highlight the main priorities in the further development of the national economy and identify the industries that require priority attention. In the republic context, it is the agro-industrial branch (AIB) and digitalization. The country's products should be competitive and delivered faster to final consumers, subject to the free trade between the participating countries in the EAEU. Agriculture has a great economic potential, which is not fully disclosed to this day in the republic. Its share in the structure of GDP by industry is 5.8 % for 2018. In addition, there has been a steady decline in the share of agriculture in the structure of GDP since 1990, after the collapse of the USSR (Table 4).

Table 4 – Change in the share of agriculture, forestry, fisheries in the structure of GDP from 1990 to 2019

Industry / year	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Agriculture, forestry, fisheries, % to the outcome	34.0	12.3	8.2	6.4	4.5	4.8	4.5
Note – compiled by the authors based on [21]							

Owing to the introduction of modern agricultural technologies, as well as improved communication between producers and consumers, Kazakhstan can become one of the leading countries not only within the EAEU, but also in Europe and Asia. It is also necessary to increase consumer confidence in the food industry, in particular, in the supply of final products and in the use of technologies. For example, the belief in openness and transparency of food producers is closely linked with consumers' confidence. It has been demonstrated in the research conducted in five European countries [22]. It affects directly on the production profitability. Thus, consumers' confidence is of great interest for the subjects of the food system and the state.

In addition, it is necessary to introduce widely digital technologies into various aspects of the society life in the current globalization context. It concerns easier access to the Internet and mobile communications throughout the country, the use of INOCR achievements in the production for increasing labor productivity, establishing communications between producers and consumers, and widening tools for promoting goods and services [23]. A lot of work has been done in the Republic of Kazakhstan to create and improve the e-government system. In the future, it is planned to use similar systems by enterprises for flexible and timely provision of goods and services. Of course, taking into account all the above, the role of science and education is increasing.

RESEARCH RESULTS (CONCLUSIONS)

Economic security is a complex, broad topic that affects various spheres of life: economic, political, social, demographic.

This research provides definitions of the concepts of "economic security", "economic security of the region", the differences between the concepts of "risk" and "threat", formulated by Kazakhstani and foreign scientists.

The foreign experience of achieving economic security in the United States of America, Canada, EU countries, Japan is analyzed, differences in approaches to ensuring stability and sustainable economic growth are shown. The Genuine Progress Indicator (GPI), used as an alternative to GDP, is considered. It is noted that in the US state of Maryland, an indicator of true progress is used, and in Oregon, based on the GPI calculations, a regional budget is drawn up.

Based on the results of a review of foreign experience in ensuring economic security, the experience of the United States and the EU in ensuring economic security and eliminating the uneven development of regions was taken into account.

It is also necessary to pay attention to the countries of Western Europe and identify priority sectors, the development of which will stimulate the diversification and strengthening of the country's economic position in the international arena.

Achieving sustainable economic growth in Kazakhstan will have a positive welfare impact on the Central Asian region, considering the fact that the economies of the countries of this region are closely interconnected with each other.

REFERENCES

1. Бугубаева Р. О., Айнабек К. С., Видрицкая Н. И., Сейтхожин Б. У. Экономическая безопасность и проблемы ее обеспечения в Республике Казахстан. – Караганда: Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, 2013. – 183 с.
2. Радионов В. Разница ВВП между регионами Казахстана достигает 15 раз – сенатор // КазТАГ [web-site]. – 2019. – URL: <https://kaztag.kz/ru/news/raznitsa-vrp-mezhdu-regionami-kazakhstana-dostigaet-15-raz-senator> (Accessed January 19, 2021)
3. Алиева М. З. Экономическая безопасность региона: подходы к определению // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 3(1) – С. 11-18.
4. Ерофеева Софья Сергеевна Понятие "риск" в экономической деятельности // Огарёв-Online. – 2018. – № 1(106). – С. 1-6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-risk-v-ekonomicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 10.05.2021).
5. О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Российская газета от 6 мая 1992 г. – № 103.
6. Угрозы экономической безопасности современной России / Под ред. М. П. Гурова; сост. Т. Ч. Ахметов, Л. В. Борина, Д. К. Лашина, А. М. Федорова, О. В. Фролова. — СПб.: СЗФ РПА Минюста России, 2013. — 32 с.
7. Колупаев В. А. Формирование концепции национальной экономической безопасности в зарубежных странах // Белорусская экономика: анализ, прогноз, регулирование. – Экономический бюллетень НИЭИ Минэкономики РБ. – Минск, 2002. – № 12. – С. 2-9.
8. Иванян Э. История США – М., 2008. – с. 498
9. International Financial Statistics. – IMF, Washington, 2020. – URL: <https://data.imf.org/?sk=4c514d48-b6ba-49ed-8ab9-52b0c1a0179b>
10. Кузовков Ю. Мировая история коррупции. – М., 2010. – 137 с.
11. Бюро статистики [Electronic resource] // Отдел Департамента Данных, AP [web-site]. – URL: <https://www.statbureau.org/ru> (дата обращения: 04.02.2021)
12. Никитенко П. Г., Булавко В. Г. Экономическая безопасность: теория, методология, практика. — Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2009. – 483 с.
13. Количество предприятий по регионам [Electronic resource] // ТОО «KazData» [web-site]. – URL: <https://marketingcenter.kz/20/rynok-selskoe-khoziaistvo-kazakhstan.html> (дата обращения: 14.05.2021).
14. Темпы роста ВВП Японии, Мировая экономика [Electronic resource] // Мировая экономика [web-site]. – URL: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=japan&table=ggecia&time=2> (дата обращения: 04.04.2021).
15. A Strong Britain in an Age of Uncertainty: The National Security Strategy. // UK Department of Defense. – URL: <http://www.official-documents.gov.uk> (Accessed March 16, 2021).
16. Britannica, The Editors of Encyclopaedia. Central Asia // Encyclopedia Britannica. – 2018. – <https://www.britannica.com/place/Central-Asia>. (Accessed May 4, 2021).
17. World Bank. “COVID-19 and Human Capital” Europe and Central Asia Economic Update (Fall). – Washington, DC: World Bank, 2020. – 180 p. – DOI: 10.1596/978-1-4648-1643-7.
18. Смайыл М. Курс доллара к тенге и падение доходов населения в 2020 году предсказали эксперты [Electronic resource] // Сетевое издание Tengrinews [web-site]. – 2020. – URL: <https://tengrinews.kz/markets/kurs-dollar-tenge-padenie-dohodov-naseleniya-2020-godu-400359> (дата обращения: 18.01.2021).
19. Ульченко М. В. Анализ зарубежного опыта обеспечения экономической безопасности прибрежных зон [Electronic resource] // Электронный научный журнал Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20385> (дата обращения: 30.04.2021).

20. Dr. Talbert J., Cobb C., Slattery N. The Genuine Progress Indicator 2006. A Tool for Sustainable Development // Redefining Progress. – 2006. – 33 p. – URL: <https://d3pcsg2wj9izr.cloudfront.net/files/24200/articles/12128/GPI202006.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).

21. Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан [Electronic resource] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам РК [web-site]. – URL: <https://stat.gov.kz> (дата обращения: 26.02.2021).

22. Macready A. L., Hieke S., Klimczuk-Kochańska M., Szumił S., Vranken L., Grunert K. G. Consumer trust in the food value chain and its impact on consumer confidence: A model for assessing consumer trust and evidence from a 5-country study in Europe // Food Policy. – Vol. 92. – 2020. – Article 101880. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2020.101880>.

23. Popov E., Semyachkov K. A. Problems of Economic Security for Digital Society in the Globalization Context // Economy of Region. – 2018. – No. 14. – P. 1088-1101. – DOI: 10.17059/2018-4-3.

REFERENCES

1. Bugubaeva, R. O., Ainabek, K. S., Vidritskaya, N. I. and Seithozhin, B. U. (2013). Ekonomicheskaya bezopasnost' i problemy ee obespecheniya v Respublike Kazahstan, Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz, Karaganda, 183 p. (in Russian).

2. Radionov, V. (2019). Raznica VRP mezhdu regionami Kazahstana dostigaet 15 raz – senator. KazTAG - Kazakh Telegraph Agency, Retrieved January 19, 2021, from <https://kaztag.kz/ru/news/raznitsa-vrp-mezhdu-regionami-kazahstana-dostigaet-15-raz-senator> (in Russian).

3. Alieva, M. Z. (2020). Ekonomicheskaya bezopasnost' regiona: podhody k opredeleniyu. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law, 3(1), 11-18 (in Russian).

4. Erofeeva S. S. (2018). Ponyatie "risk" v ekonomicheskoy deyatel'nosti. Ogarev-Online, 1(106), Retrieved May 10, 2021, from <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-risk-v-ekonomicheskoy-deyatelnosti> (in Russian).

5. O bezopasnosti Zakon RF ot 5 marta 1992 g. № 2446-1 (May 6, 1992). Russian newspaper, 103 (in Russian).

6. Ugrozyi ekonomicheskoy bezopasnosti sovremennoy Rossii (2013). Ed. M. P. Gurova; comp. T. Ch. Akhmetov, L. V. Borina, D. K. Lashina, A. M. Fedorova, O. V. Frolova., SPb.: SZF RPA Ministry of Justice of Russia, 32 p. (in Russian).

7. Kolupaev, V. A. (2002). Formirovanie kontseptsii natsionalnoy ekonomicheskoy bezopasnosti v zarubezhnykh stranah. Belarusian economy: analysis, forecast, regulation. Economic Bulletin of the NIEI of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus, 12, 2–9. (in Russian).

8. Ivanyan, E. (2008). Istoriya SSHA. Moscow, 498 p. (in Russian).

9. International Financial Statistics (2020). IMF, Washington, Retrieved February 26, 2021, from <https://data.imf.org/?sk=4c514d48-b6ba-49ed-8ab9-52b0c1a0179b>.

10. Kuzovkov, Yu. (2010). Mirovaya istoriya korruptsii, Moscow, 137 p. (in Russian).

11. Byuro statistiki (2020). Data Department Division, AR. Retrieved February 4, 2021 from <https://www.statbureau.org/ru> (in Russian).

12. Nikitenko, P. G. and Bulavko, V. G. (2009). Ekonomicheskaya bezopasnost': teoriya, metodologiya, praktika, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk: Law and Economics, 483 p. (in Russian).

13. Kolichestvo predpriyatiy po regionam (2021). TOO «KazData». Retrieved May 14, 2021, from <https://marketingcenter.kz/20/rynok-selskoe-khoziaistvo-kazahstan.html> (in Russian).

14. Tempy rosta VVP Yaponii (n.d.). World economy. Retrieved April 4, 2021, from <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=japan&table=ggecia&time=2> (in Russian).

15. A Strong Britain in an Age of Uncertainty: The National Security Strategy (n.d.). UK Department of Defense, Retrieved March 16, 2021, from <http://www.official-documents.gov.uk> (Accessed March 16, 2021)

16. Britannica, The Editors of Encyclopaedia (28 Dec. 2018). Central Asia. Encyclopedia Britannica. Retrieved May 4, 2021, from <https://www.britannica.com/place/Central-Asia>.

17. World Bank (2020). COVID-19 and Human Capital” Europe and Central Asia Economic Update (Fall), Washington, DC: World Bank, 180 p., DOI: 10.1596/978-1-4648-1643-7.

18. Smayl, M. (2020). Kurs dollara k tenge I padenie dohodov naseleniya v 2020 godu predskazali ekspertyi. Retrieved January 18, 2021, from <https://tengrinews.kz/markets/kurs-dollar-tenge-padenie-dohodov-naseleniya-2020-godu-400359> (in Russian).

19. Ulchenko, M. V. (2015). Analiz zarubezhnogo opyta obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti pribreznih zon. Modern problems of science and education, 2-1, Retrieved April 30, 2021, from <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20385> (in Russian).

20. Dr. Talbert, J., Cobb, C. and Slattery, N. (2006). The Genuine Progress Indicator 2006. A Tool for Sustainable Development. Redefining Progress, 33 p. Retrieved May 5, 2021, from <https://d3pcsg2wj9izr.cloudfront.net/files/24200/articles/12128/GPI202006.pdf>.

21. Osnovnye sotsial’no-ekonomicheskie pokazateli Respubliki Kazahstan (2020). Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Retrieved February 26, 2021, from <https://stat.gov.kz> (In Russian).

22. Macready, A. L., Hieke S., Klimczuk-Kochańska, M., Szumiał, S., Vranken, L. and Grunert, K. G. (2018). Consumer trust in the food value chain and its impact on consumer confidence: A model for assessing consumer trust and evidence from a 5-country study in Europe. Food Policy, 92, 101880, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2020.101880>.

23. Popov, E. and Semyachkov, K. A. (2018). Problems of Economic Security for Digital Society in the Globalization Context. Economy of Region, 14, 1088–1101, DOI: 10.17059/2018-4-3.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҚАУІПСІЗДІГІ: ШЕТЕЛДІК ТӘЖІРИБЕНІ ҚОЛДАҢУ

А. Нұрғалиұлы^{1*}, Л. А. Казбекова¹

¹Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті,
Қызылорда, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты – экономикалық қауіпсіздіктің тұжырымдамалық негіздерін анықтау және елдің экономикалық қауіпсіздігін қамтамасыз етудегі Еуропа, Солтүстік Америка және Азияның дамыған елдерінің үздік практикаларын мен тәжірибелерін талдау.

Әдіснамасы – зерттеулердің теориялық және әдіснамалық негізі ретінде заңнамалық актілер, Қазақстан Республикасы Президентінің Жарлықтары, Қазақстан Республикасының Стратегиялық жоспарлау және реформалар жөніндегі агенттігінің Ұлттық статистика бюросы департаментінің, Дүниежүзілік Банктің, Ұлыбритания Қорғаныс министрлігінің деректері, шетелдік ғалымдардың ғылыми еңбектері пайдаланылады. Зерттеу барысында аналитикалық, статистикалық, ретроспективті шолу және іздеу әдістері қолданылады. Алынған ақпарат талданып, құрылымдалған.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы – экономикалық қауіпсіздік жүйесінің жұмыс істеуінің тұжырымдамалық негіздерін түсіну ұзақ мерзімді перспективада орнықты экономикалық өсуге қол жеткізуге және елдің және әрбір өңірдің бәсекеге қабілеттілігін арттыруға мүмкіндік береді.

Зерттеудің нәтижелері – мақалада "экономикалық қауіпсіздік" ұғымының пайда болу тарихы, экономикалық қауіпсіздік тұжырымдамасының мазмұны, экономист ғалымдардың пікірлері, елдің экономикалық қауіпсіздігінің ішкі және сыртқы қауіптері сипатталған. Бұдан басқа, ел экономикасы тұрақтылығының негізгі проблемалары ұсынылған. Экономикалық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің шетелдік тәжірибесі талданып, оның негізінде Қазақстан Республикасының экономикалық қауіпсіздік жүйесін жетілдіру жолдары тұжырымдалды.

Түйін сөздер: экономикалық қауіпсіздік, экономикалық қауіпсіздікке қатер, экономикалық өсу, Ұлттық қауіпсіздік, әртараптандыру.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАЗАХСТАНА: ПРИМЕНЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

А. Нұрғалиұлы^{1*}, Л. А. Казбекова¹

¹Кызылординский университет имени КORKYT АТА,
Кызылорда, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – выявить концептуальные основы экономической безопасности и проанализировать лучшие практики и опыт развитых стран Европы, Северной Америки и Азии в обеспечении экономической безопасности страны.

Методология исследования – в качестве теоретической и методологической основы исследований используются законодательные акты, указы Президента Республики Казахстан, данные Департамента Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, Всемирного банка, Министерства обороны Великобритании, научные труды зарубежных учёных. В процессе исследования используются такие методы, как аналитический, статистический, ретроспективного обзора и поисковый. Полученная информация была проанализирована и структурирована.

Оригинальность / ценность исследования – понимание концептуальных основ функционирования системы экономической безопасности позволит в долгосрочной перспективе добиться устойчивого экономического роста и повысить конкурентоспособность страны и каждого региона.

Результаты исследования – в статье описывается история возникновения понятия «экономическая безопасность», исследуются содержание концепции экономической безопасности, мнения ученых-экономистов, внутренние и внешние риски экономической безопасности страны. Кроме того, представлены основные проблемы устойчивости экономики страны. Проанализирован зарубежный опыт обеспечения экономической безопасности, на основе которого сформулированы пути совершенствования системы экономической безопасности Республики Казахстан.

Ключевые слова: экономическая безопасность, угроза экономической безопасности, экономический рост, национальная безопасность, диверсификация.

ABOUT THE AUTHORS

Nurgaliuly Arys – master student, Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Republic of Kazakhstan, e-mail: arys-messi10@mail.ru*

Kazbekova Liman Aidarbekovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Republic of Kazakhstan, e-mail: limanka@mail.ru

MPHTI: 10.67.21; 06.75.02; 06.56.31

JEL Classification: C830, I0, Q180

<https://doi.org/10.52821/2224-5561-2021-3-66-77>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КАЗАХСТАНСКИЙ КЕЙС

Ш. А. Нургазы^{1*}, А. М. Сейтказиева¹, Ж. Симанавичене²

¹Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

²Университет Миколаса Рёмириса, Вильнюс, Литва

АННОТАЦИЯ

В статье проведено исследование оценки эффективности отдельных инструментов государственной поддержки по обеспечению продовольственной безопасности в Казахстане, базирующееся на показателях реализации государственных программ. Предоставлена информация о реализации стратегических целей и достижении целевых индикаторов во взаимосвязи с бюджетными средствами для формирования данной статьи.

Цель исследования – на основе предоставленной информации о реализации стратегических целей и достижении целевых индикаторов во взаимосвязи с бюджетными средствами необходимо проанализировать статистические данные по выполнению государственных программ, связанных с обеспечением продовольственной безопасности страны.

Методология исследования. В работе используется системный подход к отбору данных, методы количественного и качественного исследования действительности, методы экономического, статистического и сравнительного анализа как методологический инструмент решения задач.

Аналитическая часть работы основана на официальных статистических данных по сельскому хозяйству, опубликованных на сайте Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

Оригинальность исследования. Проблема продовольственной безопасности страны является ключевым приоритетом в стратегии экономической политики каждой страны, и ее эффективность зависит от социальной, политической и международной стабильности общества. В статье проведен обзор эффективности реализации государственных программ, нацеленных на обеспечение продовольственной безопасности, на основе которого предложен комплекс мер по совершенствованию государственного регулирования продовольственной безопасности.

Результаты исследования. Авторами разработана подсистема мер по противодействию внутренним и внешним угрозам продовольственной безопасности страны, а также была показана значимая роль государственного регулирования продовольственной безопасности в Республике Казахстан.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, государственное регулирование, роль государственного регулирования, регулирование продовольственной безопасности.

ВВЕДЕНИЕ

Продовольственная безопасность, в том числе агропромышленный комплекс – это состояние экономики, производство которого может обеспечить стабильное снабжение основными продуктами питания всего населения страны, доступность продуктов питания, количество и качество, необходимое для защиты и сохранения человеческой жизни и потенциала, полная или максимальная независимость государства от внешних источников продовольствия [1, с. 620].

В настоящее время в Республике Казахстан нет закона о продовольственной безопасности. При этом меры по обеспечению национальной продовольственной безопасности регулируются законами «О национальной безопасности в Республике Казахстан», «О государственном регулировании агро-

промышленного комплекса и развития села», «О зерне», «О мерах по защите внутреннего рынка в случае импортных товаров», «О государственных материальных ресурсах» и др.

В настоящее время, в связи с существенным ростом цен на сельскохозяйственное сырье и продукты его переработки произошло уменьшение экономической доступности продовольствия [2, с. 376], одной из важных причин недостаточного уровня продовольственной безопасности в Казахстане является необходимость усиления эффективности реализуемых государственных программ поддержки обеспечения продовольственной безопасности.

Потребление основных продуктов питания не соответствует физиологическим нормам. Удельный вес импортного продовольствия в общем объеме потребления на 37 % превышает рекомендованный Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО) пороговый уровень продовольственной безопасности [3; 4; 5].

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости проведения системных исследований с целью разработки рекомендаций по обеспечению продовольственной безопасности Казахстана на этапе перехода экономики республики к устойчивому развитию.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

С 1990-ого года Казахстан сосредоточил внимание на продовольственной безопасности. В период социально-экономических реформ возникла реальная угроза продовольственной безопасности государства. Были прерваны торговые, финансовые, экономические и производственно-экономические связи, что привело к сокращению производства сельскохозяйственного сырья и, как следствие, производства продуктов питания в стране. Это, в свою очередь, привело к зависимости от импорта и снижению потребления продуктов питания. Все это привело к ухудшению продовольственной безопасности в стране.

В настоящее время продовольственная безопасность в Казахстане не совсем удовлетворительна. Однако ситуация в сельском хозяйстве, которая направлена на создание всех необходимых условий для повышения продовольственной безопасности государства, в последнее время улучшилась, но, безусловно, недостаточно. Одна из основных задач государства – обеспечить эффективное развитие сельского хозяйства, поскольку продукция, производимая в аграрном секторе экономики, является основным источником средств к существованию. В этой связи мы считаем, что экономическая помощь этому важному стратегическому сектору экономики должна осуществляться на государственном уровне, как это показывает опыт развитых стран.

Объем сельскохозяйственного производства претерпел значительные изменения с момента обретения независимости. Если в 1993 году объем сельскохозяйственной продукции составлял 139,2 млрд. тенге, то в 2020 году он достиг 3,6 трлн. тенге. При этом наблюдается небольшое замедление роста валовой продукции животноводства по сравнению с ростом сельскохозяйственных культур. Причинами этого могут быть: сложности с производством кормов, качественные ветеринарные услуги, охрана здоровых пород и многое другое. Следует отметить, что в сельском хозяйстве относительно старая техника и технологии, все еще используют неквалифицированный персонал для выполнения сельскохозяйственных работ.

Агропромышленный комплекс Казахстана (АПК) имеет широкие возможности для обеспечения национальной продовольственной безопасности:

- площадь пастбищ составляет 85 % от общей площади земель;
- климатические условия республики благоприятны для выращивания зерновых и зернобобовых культур, картофеля, овощей и др. подходит для выращивания;
- 7,7 млн. человек проживают в сельской местности или более 42,0 % населения страны, из которых 1,3 млн., то есть, кто работает непосредственно в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, составляют 15,4 % от общего числа занятых в экономике.

В 2020 году государство выделило на обеспечение пищевой безопасности средства в сумме 353 626,0 тыс. тенге, исполнено 353 626,0 тыс. тенге, или 100 %.

Проведено 34,2 тыс. исследований безопасности пищевых продуктов (34,2 тыс. с планом мероприятий), в том числе: микробиологические исследования 4,7 тыс. исследований, определение предельно допустимых концентраций токсичных элементов (соли тяжелых металлов) – 1,2 тыс. исследований, определение количества предельно – допустимых концентраций токсических элементов (соли тяжелых металлов, диоксины и диоксина подобных веществ (ПХБ)) – 0,3 тыс. исследований, радиологические исследования – 1,5 тыс. исследований, определение остаточного количества загрязняющих веществ – 26,3 тыс. исследований, паразитологические – 0,2 тыс. исследований [6].

По итогам 2020 года были проведены 34,2 тыс. исследований:

- проведены мониторинговые мероприятия по исследованию животноводческой продукции, направленные на защиту граждан Казахстана и животного мира от особо опасных болезней;
- своевременно обнаружены недоброкачественные и опасные пищевые продукты и приняты соответствующие меры;
- внесен вклад в развитие экспортного потенциала страны, и повышение безопасности пищевой продукции в целом.

В 2020 году необходимо было достичь 15 целевых индикаторов по 4 стратегическим целям (Таблица 1). На достижение стратегических целей и целевых индикаторов использованы 394 117 818,0 тыс. тенге (99,97 %) из предусмотренных 394 223 557,0 тыс. тенге в рамках 8 бюджетных программ утвержденных приказами Министра сельского хозяйства Республики Казахстан от 20 декабря 2019 года, такие программы как: «Создание условий для развития животноводства и производства, реализации продукции животноводства», «Создание условий для развития производства, переработки, реализации продукции растениеводства», Увеличение уставного капитала АО «Национальный управляющий холдинг «КазАгро» для реализации государственной политики по стимулированию развития агропромышленного комплекса» и т.д.

Таблица 1 – Бюджетные средства, направленные на осуществление деятельности Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан за 2020 год

Наименование	План (скорректированный бюджет)	Факт	% исп.	отклонение
1	2	3	4	5
Стратегическое направление 1. Повышение эффективности производства АПК	394 223 557,0	394 117 818,0	99,97	-107 739,0
Цель 1. Насыщение внутреннего рынка и развитие экспортного потенциала отечественной продукции АПК (БП 249, 255)	54 300 465,0	54 300 026,1	100,0	- 438,9
Цель 2. Повышение эффективности использования финансовых мер государственной поддержки (БП 250, 258, 262, 264)	324 149 927,0	324 149 927,0	100,0	0,0
Цель 3. Научно-технологическое, кадровое и техническое обеспечение АПК (БП 267)	7 248 773,0	7 143 473,0	98,5	-105 300,0
Цель 4. Повышение доступности информации о земельных ресурсах (БП 259)	8 524 392,0	8 524 392,0	100,0	0,0
Бюджетные программы, направленные на обеспечение функций МСХ Республики Казахстан (БП 001)	13 001 040,0	12 999 005,5	100,0	- 2034,5
Распределяемые бюджетные программы (БП 101, 109, 116,131, 138)	16 191 626,2	16 191 593,7	100,0	-32,5
ИТОГО	423 416 223,2	423 308 417,3	99,97	-107 805,9
Примечание – составлено авторами на основе источника [6]				

Программа «Субсидирование заготовительным организациям в сфере агропромышленного комплекса суммы налога на добавленную стоимость».

В натуральном выражении в 2020 году произведено 598,5 тыс. тонн обработанного молока (рост по сравнению с 2019 годом на 4,9 %), 221,7 тыс. тонн кисломолочной продукции (рост на 4,8 %), 24,6 тыс. тонн сливочного масла (рост на 26,5 %), 32,6 тыс. тонн сыра и творога (на 4,5 %), 9,4 тыс. тонн сгущенного молока (рост на 26,0 %), 34,6 тыс. тонн мороженого (рост на 9,0 %).

Также увеличился объем переработки мяса на 32,6 % с 285,2 тыс. тонн в 2015 году до 378,3 тыс. тонн в 2019 году.

В натуральном выражении в 2020 году произведено 58,7 тыс. тонн колбасных изделий (на 8,2 %), 9,5 тыс. тонн мясных и мясорастительных консервов (рост на 11,0 %).

Кроме того, программы, которые реализует государство, дает эффект на продовольственную безопасность страны. Так, доля отечественного производства продуктов переработки животноводческой продукции во внутреннем потреблении в 2020 году по сравнению с 2015 годом увеличивается. В частности, увеличилась доля отечественного производства колбасных изделий с 54,5 % в 2015 году до 61,0 % в 2020 году, молока обработанного 91,7 % до 102,2 %, кисломолочных продуктов с 87,0 % до 89,0 %, масла сливочного с 77,0 % до 81,0 %. Данная поддержка также положительно влияет на социальные аспекты страны [6].

На субсидирование развития животноводства, повышения продуктивности и качества продукции животноводства из скорректированного бюджета выделено 10 500 000,0 тыс. тг, которые были переданы в общий региональный бюджет посредством текущих целевых трансфертов.

Исполнение на местном уровне составило 10 499 560,0 тыс. тенге или 99,9 %. Не освоение составило 439,8 тыс. тенге, из них:

- в Актыобинской области: 435,8 тыс. тенге из-за отсутствия заявок от производителей на субсидии на закупку импортного скота из-за коронавирусной инфекции;
- по Алматынской области: 4,0 тыс. тенге ввиду некорректного предоставления объема производства мяса птицы, указанных в заявке АО «Алель Агро».

Показатели прямых результатов достигнуты, а именно:

- количество голов племенного и товарного крупного рогатого скота, охваченных субсидиями на ведение селекционной и племенной работы — 129,5 тыс. голов, при плане 129,5 тыс. голов;
- количество голов племенных и товарных овец, охваченных субсидиями на ведение селекционной и племенной работы – 415,7 тыс. голов, при плане 415,7 тыс. голов;
- количество голов, охваченное субсидированием на приобретение отечественного и зарубежного племенного крупного рогатого скота – 13,8 тыс. голов, при плане 13,8 тыс. голов (Показатели в Бюджетной программе указаны с округлением в тыс. голов. В Актыобинской области запланированный показатель составил 4,0 тыс. голов или 3 987 голов, фактически просубсидировано 3 981 голов маточного поголовья (отклонение 6 голов). Причиной недостижения является отсутствие заявок от сельхозтоваропроизводителей (СХТП) по данному направлению субсидирования из-за карантинных условий в связи с распространением коронавирусной инфекции);
- количество голов, охваченное субсидированием на приобретение племенных овец – 9,9 тыс. голов, при плане 9,9 тыс. голов;
- количество реализованных бычков на откормочные площадки или мясоперерабатывающие предприятия, охваченных субсидированием – 3,7 тыс. тонн, при плане 3,7 тыс. тонн (Показатель в бюджетной программе указан с округлением в тыс. тонн. Перевыполнение по данному направлению составляет 4,6 тонн. Количество реализованных бычков на откормочные площадки в Актыобинской области составило 1 279,7 тонн, при плане 1 275,1 тонн или 1,3 тыс. тонн) [6].
- объем произведённого молока, охваченный субсидированием на удешевление стоимости производства – 63,4 тыс. тонн, при плане 63,4 тыс. тонн;
- объем произведённого мяса птицы, охваченный субсидированием на удешевление стоимости производства – 28,4 тыс. тонн, при плане 28,4 тыс. тонн;
- количество голов баранчиков, реализованных на откорм в откормочные площадки – 31,1 тыс. тонн, при плане 31,1 тыс. тонн.

- количество голов, используемых для обслуживания мясных и мясомолочных заводов, используемых для увеличения поголовья, составляет 0,4 тыс. голов при плане 0,4 тыс. голов.

По предварительным данным Бюро национальной статистики, поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 5,5 % до 7,8 млн., овец - на 4,9 % до 17,7 млн. [7].

Производство мяса во всех категориях хозяйства увеличилось на 4,1 % до 1 166,7 тыс. тонн, молока на 3,2 % и 6 004,2 тыс. тонн, в том числе производство мяса в сельскохозяйственных структурах увеличилось на 6,3 % до 563,6 тыс. тонн, коровье молоко увеличилось на 7,3 % до 1 693,3 тыс. тонн.

За счет увеличения поголовья сельскохозяйственных животных создано более 1000 новых рабочих мест.

За счет средств республиканского бюджета были предоставлены субсидии 2 481 сельхозпроизводителю.

По результатам государственного сортоиспытания в 2020 году и по протокольному решению Республиканской комиссии по вопросам сортоиспытания сельскохозяйственных растений было рекомендовано к внесению 115 сортов / гибридов сельскохозяйственных растений, имеющих особые хозяйственно-ценные признаки. Фактическое выполнение показателя конечного результата при плане 7,0 % составило 8,9 % (127,0 % выполнение показателя).

Превышение плана показателя конечного результата произошло за счет увеличения поступления заявок экономически мотивированных культур, рентабельность которых выше рентабельности зерновых. Это масличные, зернобобовые, картофель, овощные открытого и защищенного грунта.

На 2018 год поступило – 316 заявок, 2019 год – 155, 2020 год – 196 (средний показатель за десять лет 222 заявки), также в испытании находятся сорта многолетних трав и плодово-ягодных культур, сроки проведения испытания, которых более 6-12 лет. Также увеличению способствовало расширение зон испытаний сортов по природно-климатическим и хозяйственным особенностям.

В 2020 году в Республике Казахстан обследовано 3,5 млн. га площади пахотных земель сельскохозяйственного назначения на основные агрохимические показатели и микроэлементы (при плане 3,5 млн. га) [6].

Оказаны услуги по определению агрохимического состава почв в полном объеме – 3,5 млн. га. На основе результатов агрохимического мониторинга плодородия почв составлены агрохимические очерки, содержащие заключения по результатам агрохимических анализов почв и рекомендации по эффективному и рациональному использованию минеральных удобрений, сохранения и воспроизводства плодородия почв, отобрано 87 351 штук почвенных образцов [8, с. 15].

Полученные агрометеорологические данные способствовали своевременной подготовке к полевым работам, планированию затрат, уменьшению потерь при уборке и организации работ по применению передовых технологий. Использование агрометеорологических данных помогает решать вопросы формирования резервных фондов продовольствия страны, строить адекватную и эффективную политику внешней торговли, способствует само-обеспечению социально значимыми продовольственными товарами, стабильному повышению доходов сельских жителей и повышению производительности труда, что является одним из приоритетов в экономической политике Казахстана [9, с. 94].

На субсидирование стоимости пестицидов, биоагентов (энтомофагов), предназначенных для проведения обработки против вредных и особо опасных вредных организмов с численностью выше экономического порога вредоносности и карантинных объектов средства в сумме 7 670 065,0 тыс. тенге, которые целевыми текущими трансфертами перечислены областным бюджетам в полном объеме.

Исполнение на местном уровне составило 7 670 058,3 тыс. тенге или 100 % к полученным из республиканского бюджета средствам. Неисполнение составило 6,7 тыс. тенге – остаток неиспользованных средств.

Показатели прямого результата достигнуты, а именно:

- проведена химическая обработка против особо опасных организмов и карантинных объектов на площади 3 852,0 тыс. га (при плане 3852,0 тыс. га);
- дополнительно просубсидировано 3 790,5 тыс. литров пестицидов (при плане 3 790,5 тыс. га).

Согласно статистическим данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан в 2020 году собрано 36,5 млн. тонн сельскохозяйственных культур, что на 3,2 млн. тонн (или 9,0 %) больше 2019 года, в том числе 20,1 млн. тонн зерновых культур, что на 2,7 млн. тонн (или 13,4 %) больше 2019 года. Увеличилась урожайность зерновых культур с 11,8 % (2019 год) до 12,8 % (2020 год).

Субсидированием было охвачено 1 325 сельхозтоваропроизводителей.

Защита и карантин растений в сумме 3 688 427,5 тыс. тенге, исполнение составило 3 688 347,7 тыс. тенге или 100 % к плану, не исполнено 79,8 тыс. тенге, из них: 0,8 тыс. тенге – остаток за счет округления, 79,0 тыс. тенге-остаток недоиспользованных средств, сложившийся за счет изменения цен и натурального объема потребления.

Показатели прямого результата достигнуты:

- обеспечено функционирование 2 подведомственных учреждений Комитета государственной инспекции в агропромышленном комплексе Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан: РГУ "Республиканский методический центр фитосанитарной диагностики и прогнозов" и ГУ "Республиканский центр карантина растений" [10, с. 28].

- химическая обработка сельскохозяйственных культур и карантинных объектов от особо опасных вредителей и болезней проведена на 532,2 тыс. га (при плане 532,2 тыс. га);

- проведены мониторинговые мероприятия по защите и карантину растений, в том числе маршрутные обследования на площади 82,4 млн. га (при плане 82,4 млн. га), проведены систематические обследования в 571 базовых хозяйствах (при плане 571 базовое хозяйство).

Экономический эффект от реализации подпрограммы:

- предотвращены потери урожая от развития и распространения особо опасных вредных организмов и карантинных объектов. Отмечается снижение площадей распространения особо опасных вредных организмов и карантинных объектов с 2017 по 2020 годы, с 5 млн. га до 2,4 млн. га, в том числе саранчовых вредителей в 3,7 раза с 1,9 млн. га до 515 тыс. га, карантинных объектов в 2 раза с 135,83 тыс. га до 65,1 тыс. га.

- мониторинг и оценка мелиоративного состояния орошаемых земель в сумме 417 132,0 тыс. тенге, исполнение составило 417 129,7 тыс. тенге (100 %). Не исполнено 2,3 тыс. тенге, из них 0,5 тыс. тенге – экономия по фонду оплаты труда, 1,8 тыс. тенге – экономия средств по результатам государственных закупок.

Показатель прямого результата достигнут:

- проведен мониторинг орошаемых земель на площади 1 560,9 тыс. га (при плане – 1 560,9 тыс. га).

Было выполнено агро-мелиоративные исследования, гидрогеологические наблюдения уровня – солевой режим подземных вод, гидрологические наблюдения за стоком дренажных вод и наблюдения за химизмом оросительных и коллекторно-дренажных вод, почвенно-мелиоративные работы, лабораторные исследования за качеством воды и почв, разработаны отчеты с рекомендациями по улучшению мелиоративного состояния орошаемых земель [11, с. 28]

Результаты мониторинга и оценки мелиоративного состояния орошаемых земель переданы государственным, местным исполнительным органам и сельхоз товаропроизводителям для выполнения мероприятий по улучшению мелиоративного состояния, рационального использования водных и земельных ресурсов на орошаемых землях. Экономический эффект от реализации целевого индикатора способствует предотвращению засоления и деградации орошаемых земель и повышению их продуктивности и урожайности сельскохозяйственных культур.

Социально-экономическим эффектом от реализации программы форвардного закупа является:

- обеспечение продовольственной безопасности страны за счет формирования и освежения резервного запаса зерна в объеме 500 тыс. тонн;

- стабилизация цен на зерно и хлеб;

- обеспечение своевременной подготовки СХТП к посевной кампании (приобретение семян, нефтепродуктов, минеральных удобрений и т.д.) на площади 3,9 млн.га;

- гарантированный сбыт СХТП сельхозпродукции, улучшение финансового состояния порядка 322 субъектов АПК и сохранение действующих рабочих мест;

- экономия по выплате вознаграждения СХТП за счет получения беспроцентного финансирования в сумме порядка 920,6 млн. тенге (при ставке рефинансирования Национального банка Республики Казахстан – 9 % годовых).

Создано 252 новых рабочих мест и сохранено 4 097 действующих рабочих мест.

Динамика использования бюджетных средств по указанной программе за последние три года: в 2018 году – 17 880 000,0 тыс.тенге, в 2019 году – 30 000 000,0 тыс.тенге, в 2020 году – 34 550 000,0 тыс. тенге. Дебиторской и кредиторской задолженностей не имеется.

На реализацию бюджетной программы «Кредитование АО «Аграрная кредитная корпорация» для проведения мероприятий по поддержке субъектов агропромышленного комплекса» выделены средства в сумме 70 000 000,0 тыс.тенге, исполнение составило 70 000 000,0 тыс. тенге или 100 %.

В рамках бюджетной программы средства направлены на предоставление бюджетного кредита АО «Аграрная кредитная корпорация» для последующего фондирования финансовых организаций и прямого кредитования Корпорацией субъектов АПК на кредитование весенне-полевых и уборочных работ, со сроком кредитования на 1 год [12, с. 28].

Показатель прямого результата достигнут. Количество прокредитованных субъектов АПК и сельхозтоваропроизводителей (далее – СХТП) составило 2 401 единиц (при плане 2 400 ед.), из них 391 новых субъектов на общую сумму 70 001,1 млн. тенге (из них 1,1 млн. тенге за счет собственных средств АО «Аграрная кредитная корпорация») по следующим направлениям: прямое кредитование – 342 СХТП на сумму 13 246,3 млн. тенге; фондирование кредитных товариществ – 1 077 СХТП на 24 932,9 млн. тенге; фондирование микрокредитных финансовых организаций – 834 СХТП на 1 700,0 млн. тенге; фондирование региональных инвестиционных центров – 23 СХТП на 950,0 млн. тенге; фондирование банков второго уровня – 125 СХТП на 29 171,9 млн. тенге.

Перевыполнение показателя связано с тем, что плановый показатель был рассчитан исходя из средних фактических показателей за прошлые годы. А количество сельхозтоваропроизводителей выросло.

Указанные бюджетные средства направлены на обработку 3,7 млн. га сельскохозяйственных угодий (исполнение 123 %, при плане 3,0 млн. га).

При возделывании сельскохозяйственных культур заемщики Общества одновременно с заемными средствами используют и собственные средства. Расхождение фактических показателей с плановыми связано с увеличением собственной доли заемщиков в затратах на кредитование весенне-полевые и уборочные работы, что позволило охватить больше посевных площадей [13, с. 28].

Удовлетворение потребности в кредитных ресурсах в растениеводстве составило 5,0 % (при плане 5,0 %).

По состоянию на 31 декабря 2020 год средства освоены полностью, соответственно бюджетные средства, нацеленные на реализацию в 2020 год. На депозитных счетах отсутствуют.

Корпорацией согласно условиям Кредитного договора произведено полное и своевременное погашение основного долга и суммы вознаграждения по бюджетному кредиту перед республиканским бюджетом.

Социально-экономический эффект от реализации программы:

- создано 3 770 новых рабочих мест и сохранено 26 002 действующих рабочих мест.

Динамика использования бюджетных средств по указанной программе за последние три года: 2018 год – 60 000 000,0 тыс. тенге; 2019 год – 60 000 000,0 тыс. тенге; 2020 год – 70 000 000,0 тыс. тенге [14, с. 5].

Дебиторской и кредиторской задолженностей не имеется.

В целях повышения эффективности производства в АПК путем кредитования областных бюджетов на развитие продуктивной занятости и массового предпринимательства были предусмотрены средства на реализацию бюджетной программы 264 «Кредитование областным бюджетам на развитие продуктивной занятости и массового предпринимательства» в сумме 43 259 007 тыс. тенге, исполнение составило 43 259 007 тыс. тенге или 100 % к плану.

Кредиты/микрокредиты предоставляются на развитие бизнес-проектов в рамках Государственной программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017 - 2021 годы «Еңбек».

Исполнение на местном уровне составило 43 259 007,0 тыс. тенге, или 100 % к полученным из республиканского бюджета средствам.

Показатель прямого результата не достигнут:

- количество выданных микрокредитов на селе составило 11 118 ед. (98 %) при плане 11 294 ед. (100 %).

В соответствии со вторым направлением Госпрограммы «Еңбек» было предусмотрено кредитование с максимальной суммой займа до 8 000 МРП для участников якорной кооперации, и 2 500 МРП на займы других направлений. Плановая средняя сумма одного кредита в 2020 году составляла 3,8 млн. тенге, фактически средняя сумма варьировалась от запланированной и составила 3,9 млн. тенге, соответственно уменьшилось количество выданных кредитов/микрокредитов в 2020 году и составило 11 118 ед.

Показатель конечных результатов достигнут:

- доля профинансированного стартового бизнеса на селе составила 60 % при плане 40 %. Перевыполнение связано с высокой заинтересованностью участников Госпрограммы Еңбек на открытие стартового бизнеса. Таким образом, из выданных 11 118 микрокредитов – 6 718 микрокредитов приходится на развитие стартового бизнеса (60 %).

Социально-экономический эффект от реализации программы:

- бюджетная программа способствовала открытию микробизнеса, расширению деятельности предпринимателей, созданию сельскохозяйственных кооперативов и развитию деятельности участников якорной кооперации и др., что в итоге позволило увеличить количество субъектов на селе, занимающихся предпринимательством и снизить уровень безработицы. Так в 2020 году, создано порядка 12 тыс. новых рабочих мест и профинансировано 6 718 стартап проектов [15].

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Продовольственная безопасность в стране обеспечивается постоянным развитием компаний, занимающихся сельским хозяйством и переработкой сельхозпродукции. Так, по данным Минсельхоза, в 2020 году инвестиции в основной капитал в сельском хозяйстве увеличатся более чем на 41 % до 501,6 млрд. долларов.

Государство играет важную роль в поддержке предприятий отрасли. Например, в рамках Госпрограммы развития агропромышленного комплекса на 2017-2021 годы из республиканского и местных бюджетов планируется выделить около 2,77 трлн. тенге.

При этом крупнейшими кредиторами отрасли являются ее дочерние компании Аграрная кредитная корпорация, Фонд финансовой поддержки сельского хозяйства и КазАгроФинанс – национальный холдинг, оказывающий финансовую поддержку аграрному сектору – КазАгро. В 2020 году холдинг вложит в сельхозпредприятия 477 млрд. тенге. В долгосрочной перспективе только Аграрная кредитная корпорация инвестирует 1,28 трлн. долларов в сельскохозяйственный сектор Казахстана с 2001 по 2020 годы.

На фоне пандемии государство продолжает оказывать помощь сельскому хозяйству. В первую очередь – обеспечить горожан продуктами питания.

Правительство и Национальная палата предпринимателей «Атамекен» должны запустить пилотный проект в нескольких регионах по развитию сети сотрудничества «от поля к прилавку» в сельской местности. Они поддерживают более 1,7 млн. личных подсобных хозяйств, продукция которых официально не продается через розничных торговцев и не доставляется перерабатывающим предприятиям.

Кроме того, Президент подчеркнул важность создания системы регулярной торговли сельскохозяйственной продукцией, начала тренингов и повышения сельскохозяйственных возможностей участников. Все это, по мнению руководства страны, увеличит доходы около 2-х млн. жителей села, увеличит нагрузку на местные сельхозпредприятия до 70 % и, самое главное, снизит импорт социально значимой продукции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айтпаева А. А. Научное обоснование прогнозных сценариев обеспечения региональной продовольственной безопасности. Монография – М.: КноРус, 2016. – 620 с.
2. Бабенко Л. К., Быков В. А., Макаревич О. Б. Новые технологии электронного бизнеса и безопасности – М.: Радио и связь, 2014. – 376 с.
3. Методологические рекомендации по системе показателей для оценки состояния продовольственной безопасности в странах СНГ [Электронный ресурс] // Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств [web-портал]. – 2019. – URL: http://www.cisstat.com/gsagr/CIS_Agristat_Metodology_Recommendation_of_system_indicators_of_food_security_CIS_countries.pdf (Дата обращения 10.04.2021).
4. Мониторинг продовольственной безопасности ЕАЭС: 2014. [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия [web-портал]. – 2015. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/Мониторинг%20продовольственной%20безопасности%20Союза%202014.pdf (Дата обращения 10.04.2021).
5. Кайгородцев А., Кирдасинова К. Продовольственная безопасность Казахстана: оценка состояния и пути обеспечения // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2013. – №6(144) – С. 247-257.
6. Доля отечественного производства продуктов переработки животноводческой продукции [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства Республики Казахстан [web-портал]. – 2020. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/moa> (Дата обращения 10.04.2021).
7. поголовье крупного рогатого скота [Электронный ресурс] // Министерство национальной экономики Республики Казахстан [web-портал]. – 2020. – URL: gov.kz/memleket/entities/economy?lang=ru (Дата обращения 10.04.2021).
8. Байрамов Р.В. Продовольственная безопасность – составляющая экономической безопасности // Международный технико-экономический журнал. – 2016. – №2. – С. 14–18.
9. Денисова Н.И. Продовольственная безопасность в отрасли животноводства: региональный аспект // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2016. – №1 – С. 93-95.
10. Жиентаев С.М. Продовольственная безопасность Казахстана: аграрно-экономический аспект // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2017. – №1. – С. 27–35.
11. Кайгородцев А. А. Товаропроводящая система АПК как фактор продовольственной безопасности Казахстана // Современный научный вестник. – 2016. – № 2. – С. 28–32.
12. Сапарова А. А. Производство и рынок потребительских товаров на пути стабилизации и развития // Казахстан на пути к новой модели развития: тенденции, потенциал и императивы роста: Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 4. – Алматы, 2013. – 112 с.
13. Кайгородцев А. А. Экономическая и продовольственная безопасность Казахстана (Вопросы теории, методологии, практики): монография – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2016. – 384 с.
14. Покровская С.Ф. Продовольственная безопасность Казахстана: опыт и проблемы // Экономика сельского хозяйства: реферативный журнал. – 2016. – №1 – С. 5.
15. Постановление Правительства Республики Казахстан от 13 ноября 2018 года № 746 «Об утверждении Государственной программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017 – 2021 годы "Еңбек"» [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2018. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000746> (Дата обращения 10.04.2021).

REFERENCES

1. Aitpaeva, A. A. (2016). *Nauchnoe obosnovanie prognoznykh stsenariiev obespecheniia regionalnoi prodovol'stvennoi bezopasnosti. Monografiia*, KnoRus, Moscow, 620 p. (In Russian).
2. Babenko, L. K., Bykov, V. A. and Makarevich, O. B. (2014). *Novye tekhnologii elektronnoho biznesa i bezopasnosti*, Radio and communication, Moscow, 376 p. (In Russian).

3. Metodologicheskie rekomendatsii po sisteme pokazatelei dlia otsenki sostoiianiia prodovolstvennoi bezopasnosti v stranakh SNG. (2019). *International statistical committee of the Commonwealth of Independent States*, Retrieved April 10, 2021, from http://www.cisstat.com/gsagr/CIS_Agristat_Metodology_Recommendation_of_system_indicators_of_food_security_CIS_countries.pdf (In Russian).
4. Monitoring prodovolstvennoi bezopasnosti EAES: 2014. (2015). *Eurasian Economic Commission*, Retrieved April 10, 2021, from http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/Мониторинг%20продовольственной%20безопасности%20Союза%202014.pdf (In Russian).
5. Kaigorodtsev, A. and Kirdasinova, K. (2013). Prodovolstvennaya bezopasnost Kazakhstana: otsenka sostoyaniya i puti obespecheniya. *Bolshaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost, sotrudnichestvo*, 144(6), 247–257 (In Russian).
6. Dolia otechestvennogo proizvodstva produktov pererabotki zhivotnovodcheskoi produktsii (n.d.). *Ministry of Agriculture of the Republic of Kazakhstan*, Retrieved April 10, 2021, from <https://www.gov.kz/memleket/entities/moa> (In Russian).
7. Pogolove krupnogo rogatogo skota (n.d.). *Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan*, Retrieved April 10, 2021, from gov.kz/memleket/entities/economy?Lang=ru (In Russian).
8. Bayramov, R. V. (2016). Prodovolstvennaia bezopasnost – sostavliaiushchaia ekonomicheskoi bezopasnosti. *International technical and economic journal*, 2, 14–18 (In Russian).
9. Denisova, N. I. (2016). Prodovolstvennaia bezopasnost v otrasli zhivotnovodstva: regionalnyi aspekt. *Bulletin of the Moscow University. S.Yu. Witte. Series 1: Economics and Management*, 1, 93–95 (In Russian).
10. Zhientaev, S. M. (2017). Prodovolstvennaia bezopasnost Kazakhstana: agrarno-ekonomicheskii aspekt. *Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*, 1, 27–35 (In Russian).
11. Kaigorodtsev, A. A. (2016). Tovaroprovodiashchaia sistema APK kak faktor prodovolstvennoi bezopasnosti Kazakhstana. *Modern scientific bulletin*, 2, 28–32 (In Russian).
12. Saparova, A. A. (2013). Proizvodstvo i rynek potrebitelskikh tovarov na puti stabilizatsii i razvitiia. *Kazakhstan on the way to a new development model: trends, potential and imperatives for growth: Materials of the International Scientific and Practical Conference. Part 4*, Almaty, 112 (In Russian).
13. Kaigorodtsev, A. A. (2016). Ekonomicheskaiia i prodovolstvennaia bezopasnost Kazakhstana. *Questions of theory, methodology, practice: monograph*, Media-Alliance, Ust-Kamenogorsk, 384 p. (In Russian).
14. Pokrovskaya, S. F. (2016). Prodovolstvennaia bezopasnost Kazakhstana: opyt i problem. *Economy of agriculture: abstract journal*, 1, 5 (In Russian).
15. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated November 13, 2018 No. 746 “Ob utverzhdenii Gosudarstvennoi programmy razvitiia produktivnoi zaniatosti i massovogo predprinimatelstva na 2017 – 2021 gody "Enbek" (2018). *Adilet*, Retrieved April 10, 2021, from <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000746> (In Russian).

STATE SUPPORT FOR FOOD SECURITY: A KAZAKHSTAN CASE STUDY

Sh. A. Nurgazy^{1*}, A. M. Seitkazyeva¹, Ž. Simanavičienė²

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Mykolas Romeris University, Vilnius, Lithuania

ABSTRACT

The article presents a study of assessing the effectiveness of individual instruments of state support to ensure food security in Kazakhstan, based on the indicators of the implementation of state programs. Information is provided on the implementation of strategic goals and the achievement of target indicators in conjunction with budgetary funds for the formation of this article.

Purpose of the study. Based on the information provided on the implementation of strategic goals and the achievement of target indicators in conjunction with budgetary funds, it is necessary to analyze statistical data on the implementation of state programs related to ensuring the country's food security.

Research methodology. The work uses a systematic approach to data selection, methods of quantitative and qualitative research of reality, methods of economic, statistical and comparative analysis as a methodological tool for solving problems.

The analytical part of the work is based on official statistics on agriculture published on the website of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan.

Originality of research. The problem of food security of the country is a key priority in the strategy of economic policy of each country, and its effectiveness depends on the social, political and international stability of society. The article provides an overview of the effectiveness of the implementation of state programs aimed at ensuring food security, on the basis of which a set of measures is proposed to improve state regulation of food security.

Research results. The authors described the achievement of target indicators in relation to budgetary funds and the study of the role of state regulation of food security in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: food security, government regulation, the role of government regulation, food safety regulation.

АЗЫҚ-ТҮЛІК ҚАУІПСІЗДІГІН МЕМЛЕКЕТТІК ҚОЛДАУ: ҚАЗАҚСТАНДЫҚ КЕЙС

Ш. Ә. Нұрғазы^{1*}, А. М. Сейтказиева¹, Ж. Симанавичене²

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Миколас Рёмирис Университет3, Вильнюс, Литва

АНДАТПА

Мақалада мемлекеттік бағдарламаларды іске асыру индикаторларына негізделген Қазақстандағы азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз ету үшін мемлекеттік қолдаудың жеке құралдарының тиімділігін бағалауға арналған зерттеу ұсынылған. Стратегиялық мақсаттарды іске асыру және мақсатты индикаторларға қол жеткізу туралы ақпарат осы мақаланы қалыптастыру үшін бюджет қаражатымен бірге беріледі.

Зерттеу мақсаты – стратегиялық мақсаттарды іске асыру және бюджеттік қаражатпен бірлесіп мақсатты индикаторларға қол жеткізу туралы ұсынылған ақпаратқа сүйене отырып, елдің азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз етуге байланысты мемлекеттік бағдарламалардың іске асырылуы туралы статистикалық мәліметтерді талдау.

Әдіснамасы. Жұмыста мәліметтерді іріктеуге жүйелік тәсіл, шындықты сандық және сапалық зерттеу әдістері, экономикалық, статистикалық және салыстырмалы талдау әдістері мәселелерді шешудің әдіснамалық құралы ретінде қолданылады.

Жұмыстың аналитикалық бөлімі Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрлігінің сайтында жарияланған ауылшаруашылығы бойынша ресми статистикаға негізделген.

Зерттеудің бірегейлігі /құндылығы. Елдің азық-түлік қауіпсіздігі проблемасы әр елдің экономикалық саясатының басты басымдығы болып табылады және оның тиімділігі қоғамның әлеуметтік, саяси және халықаралық тұрақтылығына байланысты. Мақалада азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған мемлекеттік бағдарламаларды іске асырудың тиімділігіне шолу келтірілген, оның негізінде азық-түлік қауіпсіздігін мемлекеттік реттеуді жетілдіру бойынша шаралар кешені ұсынылған.

Зерттеу нәтижелері. Авторлар бюджеттік қаражатқа қатысты мақсатты индикаторларға қол жеткізуді және Қазақстан Республикасында азық-түлік қауіпсіздігін мемлекеттік реттеудің рөлін зерттеуді сипаттады.

Түйін сөздер: азық-түлік қауіпсіздігі, мемлекеттік реттеу, мемлекеттік реттеудің рөлі, тамақ қауіпсіздігін реттеу.

ОБ АВТОРАХ

Нұрғазы Шыңғыс Әскербекұлы – докторант Ph.D., Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: shynggys.nurgazy@narhoz.kz*

Сейтказиева Аружан Мукатаевна – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: aruzhan.seitkazieva@narhoz.kz

Симанавичене Жанетта – доктор экономических наук, профессор, Университет Миколаса Рёмеса, Вильнюс, Литва, e-mail: zasiman@mruni.eu

МРНТИ 06.71.03.

JEL Classification: H75

<https://doi.org/10.52821/2224-5561-2021-3-77-89>

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК САТЫП АЛУ НАРЫҒЫНЫҢ ТИІМДІЛІГІН АРТТЫРУ ЖОЛДАРЫ

Р. Қ. Елшібаев^{1*}, С. А. Кожабаяева², Б. Т. Бейсенғалиев²

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Қазақ экономика, қаржы және халықаралық сауда университеті,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты – Қазақстан Республикасында мемлекеттік сатып алу жүйесінің тиімділігін жоғарылату бойынша теориялық-әдістемелік әзірлемелер мен экономикалық негізделген ұсыныстар әзірлеу.

Зерттеу әдіснамасы. Зерттеу жүргізу барысында жалпы ғылыми танымның әртүрлі әдістері, салыстырмалы талдау, экономика-статистикалық талдау әдістері қолданылды.

Зерттеудің бірегейлігі/құндылығы. Зерттеу нәтижелері әлеуметтік-экономикалық дамудың өңірлік мақсатты бағдарламаларын әзірлеу, мемлекеттік сатып алу қызметін реттейтін заңнамалық және нормативтік актілерге өзгерістер мен толықтырулар енгізу кезінде қолданылуы мүмкін.

Зерттеу нәтижелері. Зерттеу жүргізу әдістерін қолдану арқылы мемлекеттік сатып алу нарығының концептуалдық негіздері ашылды, Қазақстан Республикасында мемлекеттік сатып алу жүйесінің эволюциясы көрсетілді, қазақстандық және шетелдік тәжірибелерге салыстырмалы талдау жасалды, мемлекеттік сатып алу нарығының негізгі проблемалары айқындалды және оның тиімділігін жоғарылату бойынша экономикалық негізделген ұсыныстар мен теориялық-әдістемелік ережелер әзірленді.

Түйін сөздер: мемлекеттік сатып алу, сатып алу қызметі, тендер, конкурстық өтініш, аукцион, мемлекеттік тапсырыс беруші, әлеуетті жеткізуші.

КІРІСПЕ

Қазіргі динамикалық даму және жедел өзгерістер жағдайында ұлттық шаруашылық жүйесін мемлекеттік реттеу стратегиясы мен тактикасына жаңа талаптар қойып отыр. Мұндай жағдайда мемлекеттік функцияларды іске асыру құралдарын, соның ішінде мемлекеттік сатып алу жүйесінің механизмдерін

сапалық тұрғыдан өзгерту қажеттілігі туындайды. Ол ұлттық ресурсты басқаруды республикалық және жергілікті деңгейлерде қамтамасыз ететін қоғамдық реттеудің ажырамас элементі болып табылады.

Қазір мемлекеттік сатып алу платформасы базасында 25 000 нан астам мемлекеттік ұйымдар (тапсырыс берушілер) мен 220 000 нан астам потенциалды жеткізушілер өзара әрекеттестікте қызметін жүзеге асырады. Сондықтан ұлттық экономикада бұл сегменттің рөлін бағалау қиынға соғады.

Мемлекеттік сатып алулар бюджеттік жоспарлаумен қатар ел экономикасын басқарудың нақты құралы болып табылады. Осыған байланысты мемлекеттік тапсырыс жүйесінің тиімділігін жоғарылату жолдарын зерттеу ерекше маңызды міндеттер санатына жатқызылуы тиіс. Себебі, мемлекет алдында алдында тұрған басымдықты міндеттерді шешу мен экономиканың қызмет етуінің ұтымды параметрлеріне жету үшін бюджет қаражаттарын жұмсауды дұрыс ұйымдастыру мен тиімді пайдалану қажет.

Қазіргі таңда ақпараттық және коммуникациялық технологияларды интенсивті пайдалану мемлекеттік тапсырыс жүйесі үрдісінің транспаренттілігін қамтамасыз ету мен ашықтығын жоғарылату жолымен көптеген кемшіліктерді жоюға мүмкіндік береді. Мемлекеттік сатып алу порталында тапсырыс берушілердің тауарларды жеткізуге, жұмыстарды орындауға, қызметтер көрсетуге қажеттіліктері туралы мәліметтерді жинау мен жариялау, сондай-ақ жариялы түрде атқару ұйымдастырылады. Барлық деңгейлер мен сатыларда бұл механизмнің мөлдірлігі мемлекеттік тапсырыс көлеміндегі болуы ықтимал мәжбүрлі өзгерістердің алдын алуға мүмкіндік береді. Ол өз кезегінде отандық тауар өндірушілерді ынталандыру және экономиканың салалық құрылымын реттеу арқылы елдегі жиынтық сұраныстың өсіміне әсер етеді. Сондықтан бүгінгі күні Қазақстанда мемлекеттік қажеттілік үшін өнімдерді (жұмыстар, қызметтер) сатып алу бойынша ашық әрі дұрыс жолға қойылған электрондық сауданы іске асыру өте өзекті мәселе болып табылады.

Коронадағдарыс кезеңінде республикалық және жергілікті бюджеттің шығыстарын оңтайландыру, мемлекеттік сатып алуды басқару жүйесін жетілдіру қажет екендігі сөзсіз. Қазіргі жағдайда мемлекеттік тапсырыс Республика бюджетінің шығыс бөлігінің айтарлықтай үлесін алады. Өйткені ұзақ мерзімді кезеңде ұлттық экономика мен оның өнеркәсіптік секторының тұрақты дамуы үшін негізгі фактор болып табылады. Сол себепті бюджет қаражаттарын тиімді пайдалану және қатысушылар үшін мүмкіндіктерді кеңейту бойынша мемлекеттік тапсырысты басқару жүйесін жетілдіру айрықша маңызға ие болады.

Бәсекелік ортада мемлекеттік сатып алу нарығының қалыптасу және даму проблемалары бірқатар отандық және шетелдік ғалымдардың еңбектерінде қарастырылған. Мемлекеттік сатып алуды ұйымдастыру мен басқару тиімділігін жоғарылату, мемлекеттік сатып алу механизмдерін дамыту мәселелері М. Махмутованың, Ф. А. Гаджиевтің, А. А. Ниязовтың, Э. Д. Жунусованың және басқа да ғалымдардың еңбектерінде көрініс тапқан [1-4]. Зерттеу тақырыбы бойынша еңбектерде экономикалық қатынастар жүйесінде мемлекеттік тапсырысты жоспарлау, ұйымдастыру және іске асыру ерекшеліктерін түсіну үшін қажетті ғылыми пікірлер қарастырылған. Алайда мемлекеттік тапсырыс жүйесіне арналған теориялық-әдістемелік әзірлемелердің жеткіліксіздігі байқалады. Әсіресе, мемлекеттік сатып алу нарығының концептуалдық негіздерін нақтылау, реттеу механизмдері мен институционалдық негіздерін құру бойынша зерттеулер қажеттілігі байқалады.

НЕГІЗГІ БӨЛІМ

Қазақстан Республикасының мемлекеттік сатып алу туралы заңына сәйкес, мемлекеттік сатып алу деп тапсырыс берушілердің тауарларды, жұмыстарды, көрсетілетін қызметтерді толықтай немесе ішінара бюджет қаражаты есебінен немесе меншікті қаражаты есебінен сатып алуды айтамыз [5].

Мемлекеттік сатып алуды жүзеге асырудың мақсаты мемлекеттік инфрақұрылымды материалдық-қаржылық тұрғыдан тиімді түрде қамтамасыз ету. Ол мынадай 2 бөліктен тұрады:

- экономикалық: көлік, коммуналдық қызметтер, мемлекеттік институттардың ағымдағы экономикалық қызметін жүзеге асыру үшін қажетті алғашқы инфрақұрылымдар;
- әлеуметтік инфрақұрылым: мектептер, ауруханалар, емханалар, балабақшалар немесе басқаша айтқанда қоғамның ағымдағы қызметі үшін қажетті инфрақұрылымдар [6].

Мемлекеттік сатып алуды жүзеге асыру кезінде мынадай қағидаттар сақталуы керек:
- мемлекеттік сатып алу үшін пайдаланылатын ақшаны оңтайлы және тиімді жұмсау;
- әлеуетті өнім берушілерге мемлекеттік сатып алуды өткізу рәсіміне қатысу үшін тең мүмкіндіктер беру;

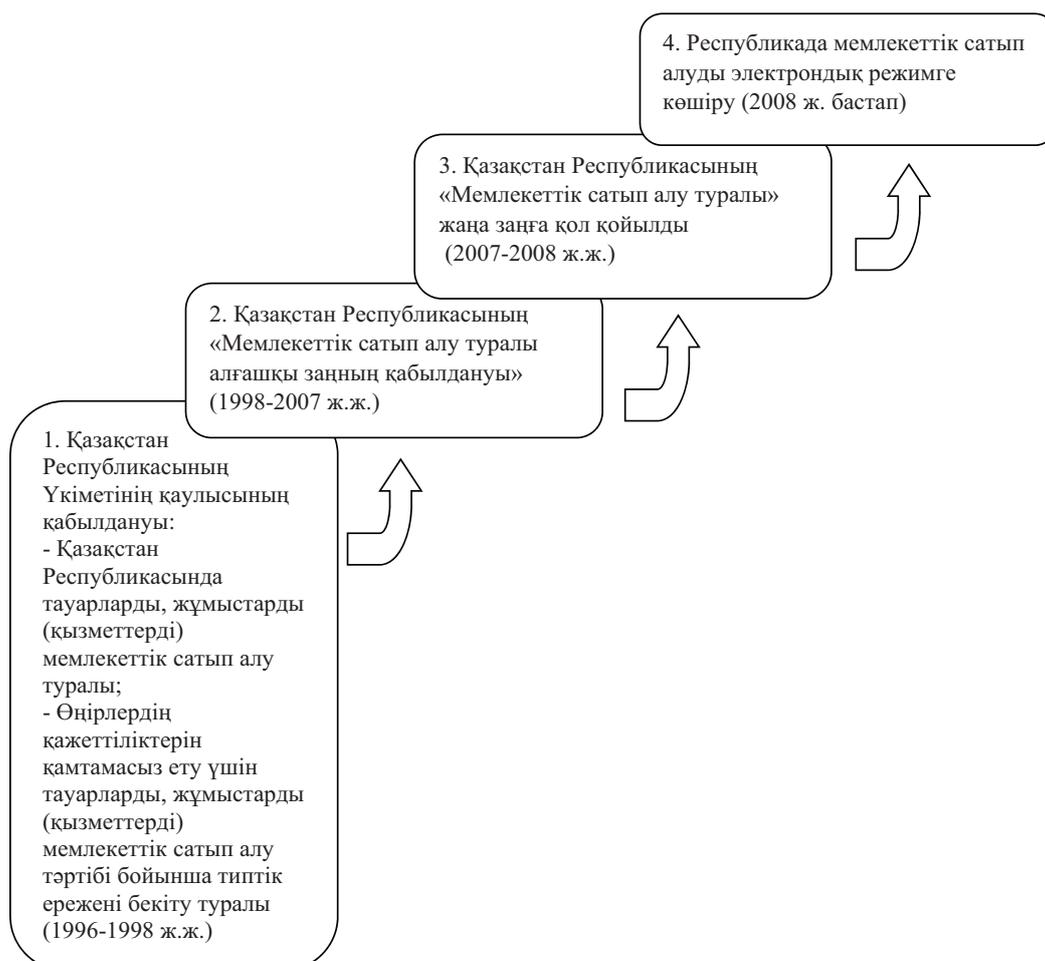
- ашықтық пен айқындықты қамтамасыз ету;
- мемлекеттік сатып алуға қатысушылардың жауапкершілігі;
- сыбайлас жемқорлыққа жол бермеу;
- зияткерлік меншік объектілеріне құқықтарды сақтау [5, 4 б.].

Мемлекеттік сатып алу процесі келесідей 3 кезеңнен тұрады:

- 1) мемлекеттік сатып алудың жылдық жоспарын дайындау мен бекіту;
- 2) өнім берушіні таңдау және онымен мемлекеттік сатып алу туралы шарт жасасу;
- 3) мемлекеттік сатып алу туралы шартты орындау.

Қазіргі кезде мемлекеттік сатып алу аясындағы үлкен мәселелердің бірі осы кезеңдерді ұйымдастыру мен іске асыру процесін оңтайландыру болып табылады. Себебі, ол өз кезегінде бюджет қаражатын жоспарлау мен пайдалану жағдайына да өзінің ықпалын тигізеді. Сондықтан мемлекет тарапынан бұл бағытта жүйелі түрде жұмыстар жүргізіліп отырылуы тиіс.

Қазақстан Республикасында мемлекеттік сатып алу нарығының қалыптасуы мен дамуының негізгі кезеңдерін мынадай сурет түрінде көрсетуге болады (Сурет 1).

Сурет 1 – Қазақстан Республикасында мемлекеттік сатып алу нарығының қалыптасу және даму кезеңдері
Ескерту – [1] дереккөз негізінде авторлармен құрастырылған

Бірінші суреттен көріп отырғанымыздай тәуелсіздік алғаннан кейін ұлттық экономиканың қалыптасуының алғашқы кезеңінде мемлекеттік сатып алу мәселесі қолға алынып Үкімет қаулылары мен арнайы заңдар қабылданды. Қазіргі кезде елімізде мемлекеттік сатып алу 2005 жылы 4 желтоқсанда қабылданған Қазақстан Республикасының мемлекеттік сатып алу туралы № 434 – V заңы негізінде әрекет етеді. Осы заң бойынша мемлекеттік сатып алудың бірнеше тәсілдері көрсетілген.

Жүзеге асыру тәсіліне байланысты тендерлер ашық және жабық болуы мүмкін. Оны келесі сурет (Сурет 2) түрінде көрсетуге болады.

Сурет 2 – Мемлекеттік сатып алуды ұйымдастыру формалары
Ескерту – [5] дереккөз негізінде авторлармен құрастырылған

Қазақстан Республикасының заңнамасына сәйкес мемлекеттік құпия болып табылатын еліміздің қауіпсіздігі мен қорғаныс қажеттіліктеріне арналған тауарларды (жұмыстарды, қызметтерді) жеткізу бойынша жабық тендер өткізіледі.

Ашық тендерлер келесі тәсілдердің бірін таңдау арқылы өткізіледі:

- конкурс (ашық конкурс, біліктілікті алдын ала іріктеумен жүргізілетін конкурс, екі кезеңдік рәсімдер пайдаланылатын конкурс);
- баға ұсыныстарын сұрату;
- бір көзден алу;
- аукцион;
- тауар биржалары.

Қазақстан Республикасының Мемлекеттік сатып алу туралы заңына енгізілген өзгерістер мен толықтыруларға сәйкес бюджет қаражаттарының жұмсалыуына мониторинг жасау, аудит және бақылау, сондай-ақ мемлекеттік тапсырысты орналастыру бойынша заңнаманың сақталуын Қазақстан Республикасының қаржы министрлігінің мемлекеттік сатып алу және қаржылық бақылау Комитеті жүзеге асырады. Ал жергілікті деңгейлерде уәкілетті органның территориялық басқармасы және әкімшілік-территориялық бірліктің жергілікті өзін-өзі басқару органы қадағалайды.

Елімізде мемлекеттік сатып алу жүйесін жетілдірудің маңызды бір бағыты осы қадағалаушы органдардың қызметін ұтымды үйлестіру мен ашықтығын қамтамасыз ету болып табылады. Сондықтан да әрбір бақылаушы органның өкілеттілігі мен құзетін, жауапкершілігін айын ажыра білген дұрыс. Сол себепті мемлекеттік сатып алу аясындағы бақылаушы органдардың заманауи жүйесін төмендегі суреттен (Сурет 3) көруге болады.

Сурет 3 – Қазақстан Республикасының мемлекеттік сатып алу аясындағы бақылаушы органдардың заманауи жүйесі

Ескерту – [2] дереккөз негізінде авторлармен құрастырылған

Мемлекеттік сатып алу аясындағы сапаны қамтамасыз ету үшін әлеуетті жеткізушілерге (өнім берушілерге) бірқатар біліктілік талаптары қойылады. Олар:

- құқық қабілеттілігінің (заңды тұлғалар үшін), азаматтық әрекетке қабілеттілігінің (жеке тұлғалар үшін) болуы;

- қаржылық орнықты болуы және тиісті есеп жылына 6 еселенген айлық есептік көрсеткіштен асатын берешегінің болмауы;

- банкроттық не таратылу рәсіміне жатқызылмауы;

- бекітілген келісім шартты орындау үшін жеткілікті материалдық, еңбек және қаржы ресурстарының болуы;

- жұмыс тәжірибесінің болуы.

Біліктілік талаптарының сақталуы және жоғары деңгейде болуы мемлекеттік сатып алу аясындағы тәуекелдерді азайтуға және тиімділікті жоғарылатуға, бюджет қаражаттарының ұтымды пайдаланылуына өзіндік әсерін тигізеді.

Мемлекеттік сатып алу процесінің тиімділігін бағалау үшін бюджет қаражаттары шығыстарын қысқартудың абсолютті және салыстырмалы көрсеткіштерін есептеуге болады. Ол мынадай формулалар арқылы есептеледі:

Абсолютті қысқарту теңге өлшем бірлігімен есептеледі:

$$Ca = Cn - Ck - 3 \quad (1)$$

Мұндағы, Cn – келісім шарттың бастапқы бағасы;

Ck – жасалған келісім шарттың құны;

3 – тапсырыс берушінің конкурсты өткізуге жұмсаған шығындары.

Салыстырмалы қысқарту % түрінде келесі формуламен есептеледі:

$$Co = Ca / Cn \times 100 \% \quad (2)$$

Есепті кезеңде тауарларды жеткізуге тапсырысты орналастыру кезінде бюджет қаражаттарының шығындарын қысқарту әрбір тендер бойынша бюджет қаражаттарының шығыстарын қысқарту соммасы ретінде есептеледі [7].

Салыстырмалы тиімділік көрсеткіші. Мұнда тендерлерді өткізу 3 нұсқа бойынша анықталады. Конкурста сатылып алынған тауарлардың бағасын жеткізу шарты бойынша мынадай бағалармен салыстыру негізінде жүргізіледі:

- жеткізушімен ұсынылған тауардың орташа нарықтық бағасымен;
- тауардың орташа нарықтық бағасымен;
- тауардың алдыңғы конкурстағы келісім шарттық бағасымен [8].

Біздің ойымызша, мемлекеттік тапсырыс үшін өндірілетін тауарлар (жұмыстар, қызметтер) сапасы, мемлекеттік тапсырысты орналастыру кезіндегі теріс пиғылды әрекеттер мен бұзушылықтардың орын алмауы басты назарда болуы тиіс.

Аймақтық деңгейде мемлекеттік тапсырысты орналастырудың тиімділігі келесідей көрсеткіштермен анықталады:

- мемлекеттік қажеттілік үшін сатып алу көлемінің динамикасы;
- сатып алу саны мен орналастыру тәсілі бойынша мемлекеттік тапсырысты орналастырудың құрылымы;
- сатып алу саны мен орналастыру соммасына байланысты өнім берушілер топтары бойынша мемлекеттік тапсырысты орналастырудың құрылымы;
- орналастыру тәсілі бойынша мемлекеттік тапсырыстың көлемі мен динамикасының құрылымы;
- мемлекеттік тапсырысты орындамау немесе белгіленген талапқа сай емес орындау тәуекелі [9].

Елімізде мемлекеттік сатып алу нарығындағы жағдайды талдау әдейі немесе кездейсоқ сипатта жасалатын бұрмалаушылықтардың жыл сайынғы өсімін көрсетіп отыр. Нақты айтқанда мемлекеттік бюджеттен осы мақсатта бөлінетін қаржы көлеміне пропорционалды түрде артып отырғаны байқалады.

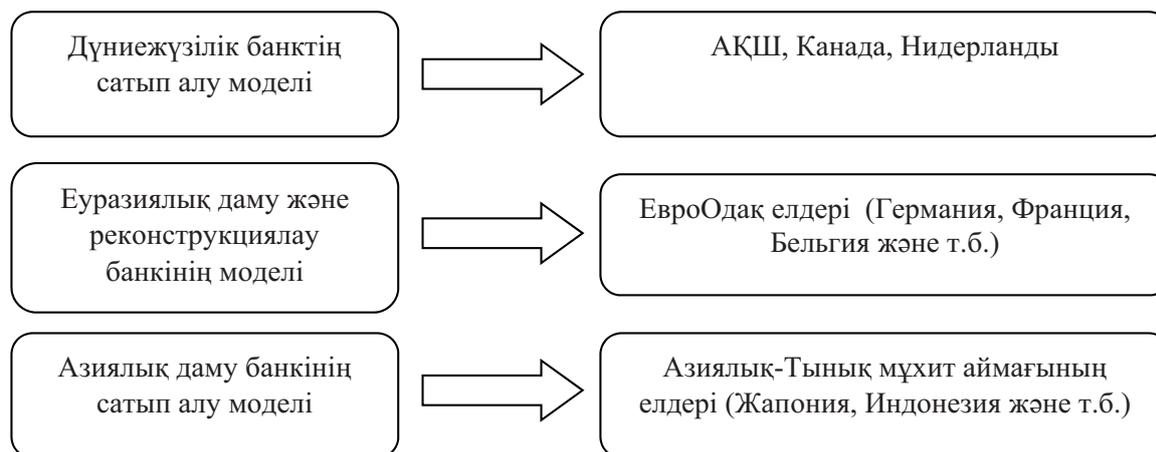
Қазақстанда мемлекеттік тапсырысты өткізу тиімділігін төмендететін негізгі факторларға келесілерді жатқызуға болады:

- тапсырыс берушінің өтінім дайындайтын өкілінің біліктілігі мен мотивациясының төмендігі;
- тиімсіз жоспарлау;
- тендерлік құжаттарды тексерудегі қателіктер;
- жеткізушіні (өнім берушіні) адекватты тексерудің және оның жұмысы туралы кері байланыстың жоқтығы;
- жеткізушіні (өнім берушіні) таңдау мен ұсыныстарды бағалаудағы қателіктер;
- ұйымдастырудағы кемшіліктер мен техникалық проблемалар.

Осы аталған өзекті мәселелер елімізде мемлекеттік сатып алу жүйесін әрі қарай жетілдіру қажеттігін көрсетеді. Тауарларды (жұмыстарды, қызметтерді) жеткізудің түсінікті және қол жетімді жүйесін жа-

сау мен өткізу тәртібін оңтайландыру қажет. Осы мақсатта мемлекеттік сатып алу жүйесінің шетелдік озық тәжірибелері зерттелді. Әрине озық үлгілерді отандық нарықтың ерекшелігін ескере отырып бейімдеу жолдарын қарастыру керек.

Мемлекеттік сатып алуды ұйымдастырудың шетелдік тәжірибесі халықаралық қаржылық институттардың (ХҚИ) дайындаған әдістемелік ұсыныстарына негізделеді. Мемлекеттік сатып алудың шетелдік үлгілерін 4-суреттен көруге болады.

Сурет 4 – Мемлекеттік сатып алудың негізгі модельдері
Ескерту – [10] дереккөз негізінде авторлармен құрастырылған

Әрбір модельдердің айырмашылықтарына қарамастан олар бір ортақ идеяны көздейді. Яғни, мемлекеттік сектор желісі бойынша сатып алу процесінің ашықтығы мен жариялылығы, тендерлерді өткізу тәсілдері мен кезеңдерінің барлығы ашық түрде болуы, сондай-ақ әрбір қатысушының ғаламтор желісі арқылы танысу мүмкіндігінің болуы басты талап болып табылады.

Қазір Қазақстан Республикасының Дүниежүзілік банкпен (ДБ), Еуразиялық даму және реконструкциялау банкімен (ЕДРБ), Азиялық даму банкімен (АДБ) тығыз әріптестік байланыстар орнатылған. Ал ең ірі мемлекеттік тапсырыс беруші Самұрық-Қазына әл ауқат қоры екендігі белгілі. Сондықтан отандық және шетелдік модельдердің салыстырмалы кестесін (Кесте 1) жасау мақсатқа сай болады.

Кесте 1 – ХҚИ сатып алу регламентін талдау

Сатып алу ережесі	Дүниежүзілік банктің моделі	ЕДРБ моделі	АДБ моделі	Самұрық – Қазына әл-ауқат қоры
Жоспарлау	18 айға сатып алу жоспары	Жобаны іске асыру мерзіміне сатып алу жоспары	Бәсекелік сатып алудың жылдық жоспары (бірыңғай көзден емес)	Сатып алудың жылдық жоспары және ұзақ мерзімді сатып алу жоспары
Жеткізушіні таңдау	Конкурс, сауда. Ірі және күрделі сатып алу бойынша алдын ала біліктілік талаптары	Конкурс, алдын ала біліктілік талаптары	Бәсекелік негізде таңдау. Алдын ала біліктілік талаптарына рұқсат беріледі.	Тендер, баға ұсыныстарын сұрату, тауар биржалары, бір көзден сатып алу.
Ұйымдастырушылық техникалық тәртіпті қолдау	Қарыз алушы банктің келісімі бойынша жеңілдіктер қолдануы мүмкін.	Жергілікті жеткізушілерге қатысты жеңілдіктер қолданылмайды.	Жергілікті жеткізушілерге қатысты жеңілдіктер қолданылмайды.	Қарастырылған
Баға бойынша шартты шегерімдер	Қарастырылмаған	Коммерциялық емес ұйымдар үшін қарастырылған.	Қарастырылмаған	23 % дейін

Ескерту – [10] дереккөз негізінде авторлармен құрастырылған

Қарастырылып отырған модельдер бойынша мынадай тұжырымдар жасауға болады:

- ХҚИ сатып алу тәжірибесінде әлеуетті жеткізушілерді алдын ала біліктілік талаптары бойынша іріктеу қолданылады;

- сатып алулардың көп бөлігі бәсекелік тәсілдер (конкурс, аукцион, сауда) арқылы жүзеге асырылады;

- баға бойынша шартты шегерімдер, сондай-ақ отандық жеткізушілерге қатысты жеңілдіктер қолданылмайды.

Қарастырылған модельдер дамуындағы ортақ мәселе тендер бойынша сатып алу тауарларды, жұмыстар мен қызметтерді сатып алуға жұмсалатын шығындарды азайтуға мүмкіндік береді, қаражатты жұмсаудың тиімділігін қамтамасыз етеді және мемлекеттік қаражаттар есебінен тапсырыстарды орналастыру кезінде жемқорлық деңгейін төмендетеді.

Алайда Қазақстан Республикасында мемлекеттік сатып алу жүйесінің өзіндік ерекшеліктері бар:

1) сатып алулар Қазақстандағы мемлекеттік сатып алулар туралы барлық ақпаратты біріктіретін бірыңғай веб-порталда іске асырылады [11];

2) республикалық бюджеттің шығыстар құрылымында мемлекеттік тапсырыстың өсуі. Мұны 2-кестеден көруге болады [12].

Кесте 2 – Қазақстан Республикасының 2016-2019 жылдар аралығындағы мемлекеттік сатып алу динамикасы (млрд. тг.)

Жылдар	Республикалық бюджеттің шығыстары	ЖІӨ	Мемлекеттік сатып алу	Мемлекеттік сатып алу көлемінің бюджет шығыстарындағы үлесі, %	Мемлекеттік сатып алу көлемінің ЖІӨ %
2016	4562,5	27172	2445,5	53,6	9,0
2017	8618,6	46971	3757,7	43,6	8,0
2018	13289,8	53401	5874,1	44,2	11,0
2019	13440,1	59614	6357,2	47,3	10,7

Ескерту – [12] дереккөз негізінде авторлармен құрастырылған

2-кестеде берілген мәліметтерден көріп отырғанымыздай, 2016 жылы мемлекеттік тапсырыстарды қаржыландыру республикалық бюджеттің шығыстарының жалпы көлемінің 53,6 % және жалпы ішкі өнімнің 9 % құраған. 2017 жылы сәйкесінше 43,6 % және 8 %, 2018 жылы 44,2 % және 11 %, 2019 жылы 47,3 % және 10,7 % құраған. Яғни, 4 жыл ішінде республикалық бюджет шығыстарындағы үлесі 6,3 %-ға төмендесе, ЖІӨ үлесі 1,7 %-ға артқан. Дегенмен 4 жыл ішінде динамика байқалып отыр.

Тауарларды, жұмыстар мен қызметтерді мемлекеттік сатып алудың үлесі республикалық бюджеттің шығыс бөлігінің 50 % жеткен кезде мемлекеттік сатып алудың толыққанды келісімшарттық жүйесі мен сәйкес институттарды қалыптастыру міндеті стратегиялық маңызға ие болады [13].

3) келесідей тәсілдермен келісім шарт жасасу кезінде мемлекеттік тапсырыстар едәуір тиімді болады:

- баға ұсыныстарын сұрату;

- ашық конкурс;

- ашық аукцион.

Мұны 3-кестедегі мәліметтерден көре аламыз. 2019 жылы бағаларды сұрату әдісі бойынша келісім шарттардың 3,63 % бұзылса, 71,33 % орындалған, 25,02 % орындалу сатысында. Ашық аукцион бойынша 4,32 % бұзылса, 57,15 % орындалған, 38,54 % орындалу барысында, ашық конкурс өткізу кезінде келісім шарттың 4,72 % бұзылса, 62,23 % орындалған, 33,05 % орындалу сатысында. Ал келісім шарттардың ең көбі 9,12 % тауар биржасындағы саудада бұзылса, 74,01 % орындалған, 16,86 % орындалу сатысында тұрған. Бір көзден сатып алу бойынша да бұзылған келісім шарттар үлесі (7,23 %) салыстырмалы түрде жоғары болған.

Кесте 3 – 2019 жылы мемлекеттік қажеттілік үшін тауарларды жеткізу, жұмыс орындау, қызмет көрсету бойынша жасалған келісім шарттарды талдау, %

Келісім шарттың орындалу дәрежесі	Баға ұсыныстарын сұрату	Ашық аукцион	Ашық конкурс	Бір көзден тауарларды сатып алу	Электрондық формадағы ашық аукцион	Тауар биржасындағы сауда
Бұзылды	3,63	4,32	4,72	7,23	5,37	9,12
Орындалды	71,33	57,15	62,23	51,85	57,36	74,01
Орындалу барысында	25,02	38,54	33,05	40,91	37,26	16,86

Ескерту – [14] дереккөз негізінде авторлармен құрастырылған

Сонымен 2019 жылы мемлекеттік тапсырыс бойынша орындалған келісім шарттардың орташа көрсеткіші 62,93 % құрағанымен мемлекеттік қажеттіліктер үшін тауарларды жеткізу, жұмыс орындау, қызмет көрсету бойынша орындалмаған келісім шарттар да болғанын атап өту қажет.

ҚОРЫТЫНДЫ

Қазіргі интеграциялық үдерістер жағдайында Еуразиялық экономикалық кеңістік (ЕЭК) шеңберінде жаңа нарықтарды игеру, отандық жеткізушілердің бәсекеге қабілеттілігін жоғарылату, жемқорлық көріністердің орын алуын төмендету мақсатында мемлекеттік сатып алу аясындағы нормативтік-құқықтық базаны жетілдіру бойынша жүйелі түрде жұмыстар жүргізіліп, бейіндік заңға сәйкес өзгерістер мен толықтырулар енгізіліп келеді. Алайда, осыған қарамастан жемқорлық қылмыстардың орын алып жатқандығы жасырын емес. Сондықтан мұның нақты себептерін анықтап, шешу жолдарын ұсынуға, заңнамалық негіздерін жетілдіруге, «әлсіз» тұстардың болуына жол бермеу қажет.

Біздің ойымызша мемлекеттік сатып алу жүйесінің жетілмеуі бюджеттік қаражаттарды пайдалану тиімділігінің және мемлекеттік басқару механизмінің нәтижелілігінің төмен болуының басты себебі болып табылады.

Мемлекеттік сатып алудың тиімділігін жоғарылату тәсілдерінің бірі ретінде ішінара жеткізуді ұсынуға болады. Тендерлік құжаттаманы жасау кезінде ішінара жеткізудің барлық ерекшеліктерін ескеру маңызды. Сондықтан мынадай шарттар мен талаптар белгіленеді:

1. Белгілі бір кезең (бір, екі, үш жыл) ішінде жеткізушінің сату көлемі оның тендерлік өтінімінің бағасының N пайызынан кем болмауы керек.

2. Тендерлік өтінімді қамтамасыз ету бойынша:

а) тендерлік өтінімді қамтамасыз ету соммасы оның бағасының пайызы түрінде берілуі керек.

б) қамтамасыз ету түрлері: банктік кепілдік және ақшалай кепіл (мұны қолдану шағын жеткізушілерге тендерлік өтінімді дайындауды оңайлатады);

в) жеткізуші міндеттемені орындамаған немесе бұзған кезде қамтамасыз ету соммасын ұстап қалу және есептеу тәртібі анық көрсетілуі тиіс.

3. Өнімнің ең төменгі партиясының мөлшері (пайыздық немесе ақшалай көріністе) айтарлықтай жоғары болғаны дұрыс. Өйткені әлеуетті жеткізушілерді қызықтыра алатындай және тапсырыс берушінің есептесуге қолайлылығын қамтамасыз етуі тиіс.

4. Тапсырыс берушінің келісім шартты бекіту кезінде жеткізу шартын өзгерту құқығының болуы.

5. Жеткізуші ұсынылғанмен салыстырғанда жеткізу көлемін ұлғайту немесе азайту шегін көрсету құқығының болуы.

Мемлекеттік сатып алу жүйесіне ішінара жеткізу әдісін тиімді түрде енгізу үшін келесілерге көңіл бөлу қажет:

- мемлекеттік сатып алу аясында білікті мамандарды дайындайтын білім беру бағдарламасын әзірлеу;

- тендерлік құжаттаманың типтік формаларын әзірлеу;

- дауларды сотқа дейін шешудің тиімді әдістерін дайындау;

- жеткізушілердің тендерлік ұсыныстарын қабылдау мен өңдеу процесін оңтайландыру үшін бағдарламалық қамтамасыз ету;

- ұсыныстарды бағалау, жеңімпаздарды таңдау және олардың арасында жеткізу көлемін бөлудің тиімді әдістерін әзірлеу [15].

Елімізде мемлекеттік сатып алу жүйесінің маңыздылығын ескере отырып осы сферадағы өзекті мәселелердің оң шешімін табуды қамтамасыз ету, бюджет қаражаттарының жұмсалымы тиімділігін қадағалау, жемқорлық көріністердің орын алуына жол бермеу мақсатында мемлекеттік сатып алумен айналысатын арнайы агенттік құру ұсынылады. Ол елімізде өткізілетін барлық тендерлерді үйлестіру, жеткізушілердің алдын ала біліктіліктерін бағалау, қатысушылар арасында ақпарат алмасу, адекватты техникалық экспертизаны қамтамасыз ету, сапаны бақылау және басқа да маңызды мәселелермен айналысады.

Тапсырыс беруші және орындаушы тарапынан теріс пайдаланудың алдын алу және жемқорлықты болдырмау үшін мынадай іс-шаралар іске асырылуы тиіс:

- мемлекеттік сатып алудың барлық тәртібі мен кезеңдерін сипаттайтын нормативтік-құқықтық актілер мен заңнамалық негіздерді жетілдіру;

- шешім қабылдауды қолдау жүйесінде пікірлерді өңдеудің арнайы ақпараттық-аналитикалық компьютерлік технологияларды қолдану;

- тендердің қорытындысын шығаруда ашықтықты қамтамасыз ету және шенеуніктердің қабылдаған шешімдерінің тиімділігін талдау бойынша іс-шаралар кешенін дайындау;

- мемлекеттік сатып алу сферасының нормативтік-құқықтық негіздері мен этикалық ережелерді білуін тексеру мақсатында орындаушы мен тапсырыс берушінің жауапты тұлғаларын тестілеуден өткізу тәртібін енгізу.

Қорыта келгенде мемлекеттік сатып алу процесінің барлық кезеңдерінде заңбұзушылыққа қарсы барлық әдістерді теңгерімді пайдалану бойынша кешенді тәсілді қолдану арқылы ғана болуы мүмкін жемқорлық деңгейін төмендетуге қол жеткізе аламыз. Сондықтан Қазақстанда Республикасында мемлекеттік сатып алу жүйесін жетілдіру мынадай әлеуметтік-экономикалық нәтижелерге қол жеткізуге мүмкіндік береді:

- жемқорлықпен күрестің нәтижелілігін жоғарылату және мемлекеттік органдарда едәуір төмендету;

- бәсекенің дамуы және монополияға жол бермеу;

- мемлекеттік билік органдарының жүйесін жетілдіру;

- бюджеттік қаражаттардың мақсатты және тиімді пайдаланылуын қамтамасыз ету;

- бизнес субъектілерінің даму қарқынын ұлғайту;

- жаңа жұмыс орындарының ашылуы мен жұмыссыздықты азайту;

- экономикалық және әлеуметтік инфрақұрылымды дамыту т.б.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Махмутова М. Государственные закупки: законодательная основа и экономические механизмы реализации. – Алматы, 2019. – 356 с.

2. Гаджиев Ф. А. Программное обеспечение конкурсных закупок ТРУ для государственных нужд // Вестник Казахского университета экономики, финансов и международной торговли. – 2018. – №1. – С. 7-13

3. Ниязов А. А. Повышение эффективности системы конкурсных закупок: монография. – Караганда, 2018. – 243 с.

4. Жунусова Э. Д. Эффективность размещения государственных заказов: аналитика // Материалы III международной научно-практической конференции экономического факультета ТарГУ им. М.Х.Дулати. – Тараз, 2020. – С. 127-132.

5. Қазақстан Республикасының Мемлекеттік сатып алу туралы заңы [Электронды ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2015. – URL: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000434> (қарау уақыты: 15.05.2021).

6. Guijarro L. ICT standardisation and public procurement in the United States and in the European Union: Influence on eGovernment deployment // *Telecommunications Policy*. – Issues 5–6. – 2010. – P. 285-295.
7. White E. M., Carver A. D. Modeling timber mill procurement influence effects on interstate sawlog exportation // *Forest Policy and Economics*. – Vol. 6. – Issue 6. – 2014. – P. 529-537.
8. Rolfstam M. Optimal crude oil procurement under fluctuating price in an oil refinery // *European Journal of Operational Research*. – Vol. 245. – Issue 2, 1. – 2015. – P. 438-445.
9. Castro L. I., Frutos M-A. How to translate results from auctions to procurements // *Economics Letters*. – Vol. 106. – Issue 2. – 2010. – P. 115-128.
10. Arve M. Procurement and predation: Dynamic sourcing from financially constrained suppliers // *Journal of Public Economics*. – Vol. 120. – 2014. – P. 157-168.
11. Количество посетителей портала [Электронды ресурс] // Государственные закупки Республики Казахстан [web-портал]. – URL: www.goszakup.gov.kz (қарау уақыты: 15.05.2021).
12. Аналитическая отчетность АО «Банк развития Казахстана» [Электронды ресурс] // АО «Банк Развития Казахстана» [web-сайт]. – URL: www.kdb.kz (қарау уақыты: 15.05.2021).
13. Naoum Sh., Egbu Ch. Critical Review of Procurement Method Research in Construction Journals // *Procedia Economics and Finance*. – Vol. 21. – 2015. – P. 6-17.
14. Нурумов А. Государственный заказ как инструмент регулирования предпринимательской деятельности // *Вестник КазНУ имени Аль-Фараби*. – 2019. – № 4. – С. 214-219.
15. Li Zh., Ryan J. K., Sun D. Multi-attribute procurement contracts // *International Journal of Innovation Economics*. – Vol. 159. – 2015. – P. 137-146.

REFERENCES

1. Makhmutova, M. (2019). *Gosudarstvennyye zakupki: zakonodatelnaya osnova i ekonomicheskiye mekhanizmy realizatsii*, Almaty, 356 p. (In Russian).
2. Gadzhiyev, F. A. (2018), *Programmnoye obespecheniye konkursnykh zakupok TRU dlya gosudarstvennykh nuzhd*. *Bulletin of the Kazakh University of Economics, Finance and International Trade*, 1, 7–13 (In Russian).
3. Niyazov, A. A. (2018). *Povysheniye effektivnosti sistemy konkursnykh zakupok: monografiya*, Karaganda, 243 p. (In Russian).
4. Zhunusova, E. D. (2020). *Effektivnost razmeshcheniya gosudarstvennykh zakazov: analitika*. *Materials of the III International Scientific and Practical Conference of the Faculty of Economics M. H. Dulati*, 127–132 (In Russian).
5. *Qazaqstan Respublikasynyn memlekttik satyp alu turaly zany* (2015), Adilet. Retrieved May 15, 2021, from <http://adilet.zan.kz/eng/docs/Z1500000434> (In Kazakh).
6. Guijarro, L. (2010). ICT standardisation and public procurement in the United States and in the European Union: Influence on eGovernment deployment. *Telecommunications Policy*, 5-6, 285–295
7. White, E. M. and Carver, A. D. (2014). Modeling timber mill procurement influence effects on interstate sawlog exportation. *Forest Policy and Economics*, 6(6), 529–537.
8. Rolfstam, M. (2015). Optimal crude oil procurement under fluctuating price in an oil refinery. *European Journal of Operational Research*, 245(2. 1), 438–445.
9. Castro, L. I. and Frutos, M-A. (2010). How to translate results from auctions to procurements. *Economics Letters*, 106(2), 115–128.
10. Arve, M. (2014). Procurement and predation: Dynamic sourcing from financially constrained suppliers. *Journal of Public Economics*, 120, 157–168.
11. The number of visitors to the Public Procurement portal of the Republic of Kazakhstan (n.d.). Public procurement portal of the Republic of Kazakhstan. Retrieved May 15, 2021, from www.goszakup.gov.kz
12. Analytical report (n.d.). Development Bank of Kazakhstan JSC, Retrieved May 15, 2021, from www.kdb.kz

13. Naoum, Sh. and Egbu, Ch. (2015). Critical Review of Procurement Method Research in Construction Journals. *Procedia Economics and Finance*, 21, 6–17.

14. Nurumov, A. (2019). Gosudarstvennyy zakaz kak instrument regulirovaniya predprinimatelskoy deyatelnosti. *Bulletin of Al-Farabi KazNU*, 4, 214–219 (In Russian).

15. Li, Zh., Ryan, J. K. and Sun, D. (2015). Multi-attribute procurement contracts. *International Journal of Innovation Economics*, 159, 137–146.

WAYS TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF THE PUBLIC PROCUREMENT MARKET OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

R. K. Yelshibayev^{1*}, S. A. Kozhabaeva², B. T. Beisengaliyev²

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Kazakh University of Economics, Finance and International Trade,
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of research. Development of theoretical and methodological provisions and economically sound proposals to improve the efficiency of the public procurement system of the Republic of Kazakhstan.

Methodology. In the course of the study, various methods of general scientific knowledge, comparative analysis, economic and statistical analysis were used.

Originality / value of research. The results of the study can be used in the development of regional target programs for socio-economic development, amendments and additions to the legislative and regulatory acts regulating the processes of state procurement.

Research results. Through the application of appropriate research methods, the conceptual foundations of the public procurement market are disclosed, the evolution of the public procurement system of the Republic of Kazakhstan is tracked, a comparative analysis of Kazakhstani and foreign experience in building this system is carried out, the main problems of the public procurement market functioning are identified and theoretical and methodological provisions and economically sound proposals are developed. to improve its efficiency.

Keywords: public procurement, procurement activities, tender, competitive bids, auction, state customer, potential supplier.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЫНКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Р. К. Елшибаев^{1*}, С. А. Кожабаева², Б. Т. Бейсенгалиев²

¹Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

²Казахский Университет экономики, финансов и международной торговли,
Нур-Султан, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Разработка теоретико-методических положений и экономически обоснованных предложений по повышению эффективности системы госзакупок Республики Казахстан.

Методология. В ходе проведения исследования применялись различные методы общенаучного познания, сравнительный анализ, экономико-статистический анализ.

Оригинальность / ценность исследования. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при разработке региональных целевых программ социально-экономического развития, внесении изменений и дополнений в законодательные и нормативные акты, регулирующие процессы государственной закупочной деятельности.

Результаты исследования. Посредством применения соответствующих методов проведения исследования, раскрыты концептуальные основы рынка государственных закупок, отслежена эволюция системы государственных закупок Республики Казахстан, проведен сравнительный анализ казахстанского и зарубежного опыта в построении данной системы, выявлены основные проблемы функционирования рынка госзакупок и разработаны теоретико-методические положения и экономический обоснованные предложения по повышению его эффективности.

Ключевые слова: государственные закупки, закупочная деятельность, тендер, конкурсные заявки, аукцион, государственный заказчик, потенциальный поставщик.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ

Елшібаев Рақымжан Қамытбекұлы – экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, e-mail: rakymzhan.yelshibayev@bk.ru*

Қожабаева Сауле Аманкельдиевна – экономика ғылымдарының кандидаты, доцент, Қазақ экономика, қаржы және халықаралық сауда университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан Республикасы, e-mail: saule_285@mail.ru

Бейсенғалиев Берик Тұрсынович – экономика ғылымдарының докторы, профессор, Қазақ экономика, қаржы және халықаралық сауда университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан Республикасы

МРНТИ: 14.15.01; 14.01.75

JEL Classification: I21

<https://doi.org/10.52821/2224-5561-2021-3-89-109>

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАЗАХСТАНЕ: АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ОРГАНИЗАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЕГО РАЗВИТИЯ

М. Б. Турлубекова^{1*}, Р. О. Бугубаева¹

¹Карагандинский Экономический Университет Казпотребсоюза,
Караганда, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Целью исследования является анализ процесса организации и возможности использования инклюзивного образования в Казахстане на основе выявленных прогнозных значений.

Методологической основой исследования является система различных приемов, которые составляют комплекс методов, механизмов, принципов, мероприятий по повышению эффективности использования инструментов совершенствования инклюзивного образования.

Методы исследования. В рамках проведенного исследования применялись:

- теоретические, включающие анализ отечественных и зарубежных ученых в области инклюзивного образования;
- анализ законодательных и нормативных документов;
- методы математического моделирования и прогнозирования.
- метод графического представления полученных результатов.

Оригинальность / ценность исследования. В основу исследования положена гипотеза, согласно которой в показателе «Общее количество детей с особыми образовательными потребностями, охваченные инклюзивным образованием» содержится линейная тенденция развития, и если это будет доказано автором в процессе исследования, то можно будет построить прогноз на 2021-2023 годы.

Результаты исследования:

- 1) согласно критерию Ирвина, было установлено, что исходный временной ряд не содержит аномальных наблюдений;
- 2) с помощью критерия «восходящих» и «нисходящих» серий было определено содержание трендовой составляющей;
- 3) в результате аппроксимации данных была получена трендовая модель;
- 4) было оценено качество полученной модели по двум направлениям: проверка адекватности и оценка точности модели.
- 5) определены прогнозные значения доли организаций образования (доля государственных дошкольных организаций, доля государственных общеобразовательных школ, доля государственных организаций технического и профессионального образования (ТиПО), создавших условия для инклюзивного образования на 2021-2023 гг.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивное образование, интеграция, стратегия развития, образовательные потребности.

ВВЕДЕНИЕ

Идея предоставления образовательных возможностей всем детям, независимо от различий в способностях или возможностях, культуре или социальном статусе, все больше проникает в человеческое сознание. Инклюзия означает полное включение детей с различными способностями во все аспекты школьной жизни. Она требует подлинной адаптации школьной среды для удовлетворения потребностей всех без исключения детей, а также признания и уважения различий. Однако это вовсе не означает, что дети с различными способностями не нуждаются в дополнительной помощи и поддержке в классе и, если необходимо, за его пределами. И все это лишь некоторые из возможных форм поддержки.

Одним из основных принципов государственной политики в области образования является гуманистический принцип всеобщего доступа к образованию, который означает, что система образования должна быть адаптирована к уровню и особенностям развития и подготовки учащихся. Современное общество не может считаться аутентичным, если существует дискриминация какой-либо группы.

Инклюзивное образование является результатом развития гуманистических идей, основанных на исключительной ценности человека, его уникальности, его праве жить достойной жизнью, обладать всеми ценностями современной цивилизации независимо от его физического или психического состояния. Однако нынешняя ситуация не позволяет государству предоставлять социально незащищенным и инвалидам равное участие и равные возможности для получения качественного образования.

Актуальность исследования заключается в изучении и проведении анализа процесса организации инклюзивного образования в Казахстане, качество которого вызывает множество вопросов у исследователей, в том числе, имеющаяся практика социализации детей с особо образовательными потребностями, которая на данный момент в Казахстане недостаточно развита. Это ослабляет социальную позицию ребенка и усугубляет его неравный социальный статус. Несмотря на многочисленные меры правительства, направленные на разрешение данной ситуации, проблема неравного доступа к образованию в Казахстане существует и требует целенаправленных действий.

Содействие и развитие доступа к инклюзивному образованию, социальной интеграции и недискриминационному обращению с лицами имеющих особые потребности в образовании в современных условиях очень актуально. Все эти проблемы в совокупности требуют решения и объединения усилий всех заинтересованных сторон и комплексного подхода для ее успешной реализации в стране. Данное исследование заслуживает особого внимания, так как результаты исследования могут позволить использовать продуктивный опыт инклюзии в казахстанских условиях.

Об инклюзивном образовании как социальном феномене говорят многие ученые с целью необходимости формирования в обществе особой культуры отношений к инвалидности, к лицам с ОВЗ, создания условий для социализации и максимально возможной самореализации таких людей.

Изучением проблем инклюзивного образования занимаются как казахстанские ученые, так и зарубежные. С. Зейнолла, А. Нурғалиева, С. Нурғалиева отмечают, что в настоящее время в Казахстане сформированы определенные модели и накоплена практика построения системы инклюзивного образования. Однако учебные учреждения высшего и среднего звена по-прежнему остаются сегрегационными, наблюдается недостаточное применение инновационных форм обучения в инклюзивном образовании, передового международного опыта» [1, с. 75–77].

С целью привлечения внимания к инклюзии в Казахстане постоянно поднимаются и изучаются проблемы, связанные с этим новым для страны явлением. В многочисленных научных статьях инклюзия рассматривается как социальная концепция, как новый тип образования, как многоуровневый процесс развития общего образования, выявляются «барьеры», препятствующие успешному развитию инклюзивной образовательной практики на современном этапе развития казахстанской системы образования [2, с. 31–38].

Отдельные авторы (Н. И. Белякова и В. П. Русанова) обращают внимание на то, что при переходе к инклюзивному образованию в Казахстане следует придерживаться преемственности, «с сохранением специальных (коррекционных) учебных заведений» [3, с. 61].

Не остается в стороне и такой вопрос, как создание безбарьерного обучения, приспособление образовательной среды к нуждам детей с особыми образовательными потребностями и оказание необходимой поддержки им в процессе совместного обучения со здоровыми сверстниками, на чем акцентирует внимание Т. С. Сигутина [4, с. 41-48].

Основные направления, связанные с появлением и развитием системы инклюзивного образования в Казахстане, а также политикой государства в данной области, с раскрытием основных особенностей работы в части активизации деятельности учителей в системе оказания поддержки детям с ООП, освещаются Р. К. Нурмаганбетовой в работе «Основные направления развития инклюзивного образования в Казахстане» [5, с. 835-842].

В работе Г. Жолтаевой и др. инклюзивное образование определяется как совместное обучение детей с ограниченными возможностями и учащихся, не имеющих таковых [6, с. 196].

Инклюзивная культура общества как результат реализации инклюзивной политики и практики представлена в исследовании Д. З. Ахметовой [7, с. 15-22].

В работах Т. К. Омаровой, И. Елисеевой, Р. Сулейменовой, С. К. Абильдиной и др. авторов можно встретить не только более широкое понимание концептуализации инклюзивного образования, но и анализ факторов, ограничивающих его развитие [8, с. 69; 9, с. 32-36].

Отдельные аспекты отношения педагогов к внедрению инклюзивного образования в общеобразовательные школы рассмотрен в трудах Л. А. Шкутиной, Я. Данек, А. Р. Рымхановой [10, с. 17-23].

Несмотря на то, что инклюзивная модель обучения в западных странах начала распространяться значительно раньше, зарубежные исследователи также озабочены проблемами, схожими с казахстанскими.

Зарубежный и отечественный опыт организации образовательной деятельности детей и молодежи с ограниченными возможностями здоровья в системе инклюзивного образования представляет новый виток в эволюционном развитии образования. И хотя вопрос перехода к инклюзивному образованию по-прежнему является темой для дискуссий между его сторонниками и противниками, современный мир является свидетелем больших перемен в государственной политике стран в отношении образования лиц с ограниченными возможностями здоровья.

В современной Европе по-прежнему встречаются проявления социальной сегрегации и социального неравенства. Так, например, целью исследования J. Evans, I. Lunt было выяснение мнения целого ряда специалистов в отношении включения детей с ОВЗ в общий образовательный процесс. В результате, для решения вопросов инклюзивного образования были организованы групповые обсуждения смешанных групп специалистов. Исследование показало, что существуют значительные препятствия

на пути полного включения и что школам, которые в настоящее время организованы, часто трудно удовлетворить широкий круг индивидуальных потребностей [11, с. 2].

S. Miles, N. Singal в своих публикациях описывают возможности, созданные нынешним международным интересом и явной приверженностью к обеспечению качественного образования для всех детей, где рекомендуется переосмыслить взаимосвязь между EFA («Образование для всех») и инклюзивным образованием, а также утверждается более тесное сотрудничество и синергия между этими параллельными инициативами, предлагаются пути разработки более устойчивой и соответствующей политики и практики [12, с. 3].

M. Ainscow описывает инклюзивность, как основную проблему, стоящую перед системами образования во всем мире. С учетом фактических данных программы исследований, проведенной за последние годы. Эти исследования обеспечивают основу для определения рычагов, которые могут помочь облегчить работу систем в более инклюзивном направлении. Основное внимание в школах уделяется факторам, влияющим на развитие мышления и практики, а также более широким контекстуальным факторам, которые могут сдерживать такое развитие событий. Автор статьи утверждает, что многие барьеры, с которыми сталкиваются учащиеся, возникают в результате существующих способов мышления. Следовательно, стратегии развития инклюзивной практики должны включать перебои в мышлении, с тем чтобы стимулировать изучение упущенных возможностей для продвижения практики вперед [13, с. 109-124].

John-Stewart Gordon утверждает, что законное право человека на инклюзивное образование имеет большую практическую ценность для учащихся с нарушениями и для их основного права быть свободными от дискриминации в сфере образования, поскольку их проблема, тем самым, приобретает большую юридическую и моральную силу. Однако теоретически в этом конкретном праве человека отсутствует достижимый консенсус в отношении надлежащего морального обоснования [14, с. 754].

К примеру, R. Slee, J. Allan отмечают, что инклюзивная политика сталкивается с давлением со стороны традиционных представлений об образовании. Авторы утверждают, что инклюзивное образование не является линейным переходом от особых образовательных потребностей, и мы должны стремиться понять совершенно иной характер этих баз знаний. Деконструкция представлена как способ разоблачения отчуждения, поскольку она вписана в инклюзивную политику в области образования [15, с. 173].

S. Cobello критикует действия государственных чиновников, которые декларируют необходимость социализации людей с ОВЗ, но в действительности сокращают финансирование программ социализации. Кроме того, ученый полагает, что в новом, постиндустриальном типе общества людям с ОВЗ будет все труднее найти свое место на рынке труда [16, с.153-165].

По мнению L. Florian в настоящее время остро стоит проблема профессиональной и психологической подготовки учителей, и вопрос заключается не в том, имеют ли учителя необходимые знания и навыки для преподавания в инклюзивных классах, а в том, как наилучшим образом использовать то, что они уже знают, когда учащиеся испытывают трудности [17, с. 286].

L. Florian и H. Linklater считают, что современным педагогам следует эффективнее применять те знания и навыки, которые у них уже есть. Для продвижения знаний об инклюзивном образовании необходимы новые виды исследований и более современные теоретические разработки [18, с. 369–386].

Социологическое исследование, проведенное E. Avramidis, Ph. Bayliss и R. Burden, показало, что наличие у педагогов опыта применения инклюзивных программ способствует формированию их позитивного отношения к их распространению. Отношение большинства учителей к включению детей с особыми потребностями в обычную школу было обследовано вскоре после выхода «Зеленой книги». Обследование проводилось в одном из местных органов образования на юго-западе Англии, и выборка состояла из 81 учителя начальных и средних школ. Анализ показал, что учителя, которые осуществляют инклюзивные программы – имеют активный опыт инклюзивности и обладают более позитивным отношением. Кроме того, полученные данные свидетельствуют о важности профессионального развития в формировании позитивного отношения к инклюзивности [19, с. 191-211].

Таким образом, инклюзивное образование детей с ограниченными возможностями является принципиально новой перспективой, которая затрагивает сами основы образования. Поэтому на этапе мо-

дернизации современного образовательного процесса необходимо учитывать все средства, направленные на поощрение равных прав учеников, на развитие у всех детей навыков, необходимых для их общения и участия во всех делах, начиная с детского садового коллектива, без перебоев и дислокаций.

Необходимо заложить основу для инклюзивного образования, которая состоит в массовом переходе к инклюзивному образованию по единому плану и принципам, избежав при этом возможные риски в школах, университетах в процессе их реализации. Ценность индивидуальности, право на коммуникацию, разнообразие обучения, контекст реальных человеческих отношений - это основные принципы инклюзивного образования и возможность создания толерантного общества с равными условиями развития для всех его членов, независимо от их способностей и возможностей.

Качество развития инклюзивного образования в Казахстане вызывает множество вопросов у исследователей, в том числе и неэффективность применения инновационных форм обучения в инклюзивном образовании, недостаточная изученность международного опыта и т. д. Все эти проблемы в совокупности требуют решения и объединения усилий всех заинтересованных сторон и комплексного подхода для ее успешной реализации в стране [20, с. 163].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время во многих странах, в том числе и в Казахстане, инклюзия рассматривается в качестве одной из стратегических задач развития системы образования, которая отражена в Государственной программе развития образования и науки Республики Казахстан на 2021-2025 годы, утвержденная Постановлением Правительства Республики Казахстан от 27 декабря 2019 года № 988 [21].

Программа является одним из стратегических направлений Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 г. – усиление конкурентоспособности Казахстана в новой глобальной конкурентной среде и закрепление за Казахстаном перспективных позиций в новом мировом разделении труда.

В Республике Казахстан политика инклюзивного образования реализуется с помощью следующих нормативно-правовых актов (Таблица 1) [22-29].

Таблица 1 – Нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы инклюзивного образования в Республике Казахстан

Год	Нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы инклюзивного образования
1995	Конституция РК 30 августа 1995 года (с <u>изменениями и дополнениями</u> по состоянию на 23.03.2019 г.) [22]
2002	Закон Республики Казахстан «О социальной медико-педагогической коррекционной поддержке детей с ограниченными возможностями» от 11 июля 2002 года № 343-II (с <u>изменениями и дополнениями</u> по состоянию на 27.12.2019 г.) [23] Закон Республики Казахстан «О правах ребенка в Республике Казахстан» от 8 августа 2002 года № 345-II (с <u>изменениями и дополнениями</u> по состоянию на 07.07.2020 г.) [24]
2005	Закон Республики Казахстан «О социальной защите инвалидов в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2021 г.) [25]
2007	Закон Республики Казахстан «Об образовании» от 27 июля 2007 года № 319-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.03.2021 г.) [26]
2008	Закон Республики Казахстан «О специальных социальных услугах» от 29 декабря 2008 года № 114-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.05.2020 г.) [27]
2015	Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 1 июня 2015 года № 348 «Об утверждении Концептуальных подходов к развитию инклюзивного образования в Республике Казахстан» [28]
2017	Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 14 февраля 2017 года № 66, зарегистрированный в Министерстве юстиции Республики Казахстан 7 апреля 2017 года № 14995 «Типовые правила деятельности видов специальных организаций образования» [29]
2019	Постановление Правительства Республики Казахстан от 27 декабря 2019 года №988 Государственная программа развития образования и науки в Республике Казахстан на 2020-2025 годы [21]
Примечание – составлено авторами	

Анализ ключевых программных документов и обзор национальной литературы показывает, что концепция инклюзивного образования в казахстанском контексте сведена к детям с особыми образова-

тельными потребностями, и что эта категория детей является основной заботой всех заинтересованных сторон. Однако как правительство, так и академические круги не смогли обеспечить доступ других социально обездоленных детей к качественному общему образованию.

В этой связи назрела острая необходимость в пересмотре концепции инклюзивного образования на национальном уровне и проведении эмпирических исследований по вопросу интеграции детей из уязвимых групп населения в общеобразовательную систему Казахстана.

Действующая Государственная программа развития системы образования и науки Республики Казахстан на 2021-2025 годы (ГПРОН) предусматривает увеличение количества общеобразовательных школ, создавших условия для включения детей с особыми потребностями, с 30 % до 100 % к 2025 году (Таблица 2) [21].

Таблица 2 – Доля организаций образования, создавших условия для инклюзивного образования, (%)

Показатели	факт		Изменение +/-	план				
	2018	2019		2021	2022	2023	2024	2025
государственные дошкольные организации	20,1	30	+9,9	60	70	80	90	100
государственные общеобразовательные школы	60,4	62,5	+2,1	80	85	90	95	100
государственные организации ТиПО	30,1	40	+9,9	50	55	60	65	70
гражданские вузы	12	13	+1	35	50	60	65	70

Примечание – составлено авторами на основе источника [21]

На основе статистических данных Республики Казахстан [22], а также Государственной программы развития системы образования и науки Республики Казахстан на 2021-2025 годы автором были проанализированы показатели доли организаций образования, создавших условия для инклюзивного образования в Казахстане (Рисунок 1) [30].

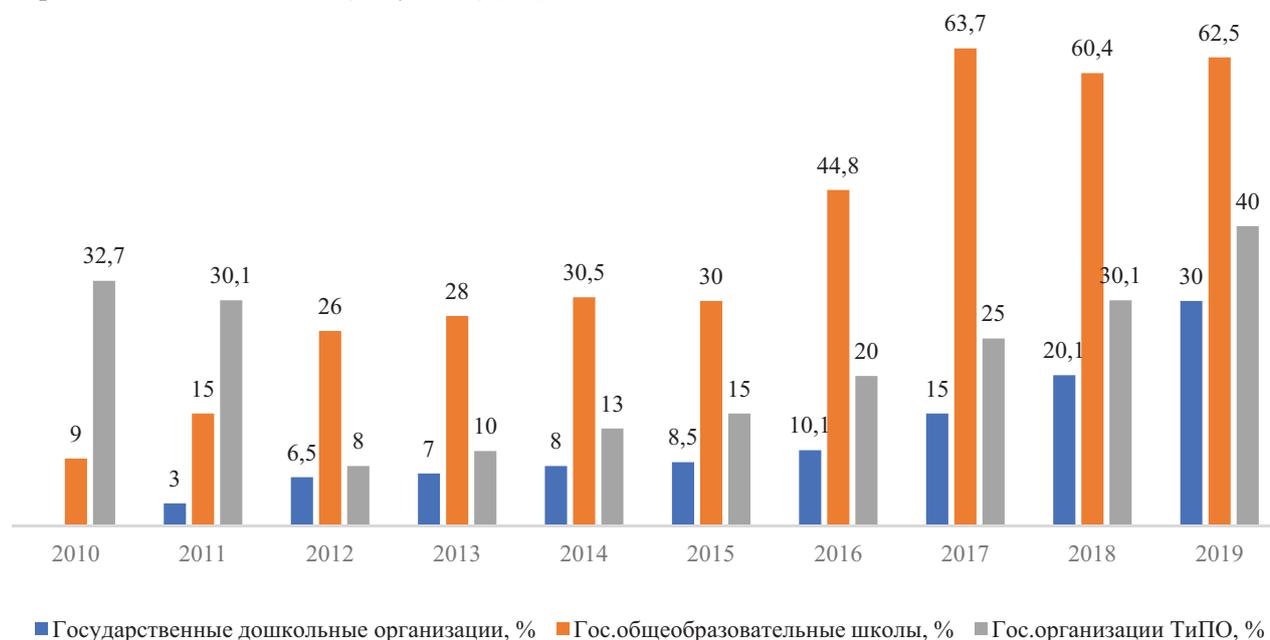

Рисунок 1 – Доля организаций образования, создавших условия для инклюзивного образования, согласно статистических данных Республики Казахстан за период с 2010-2019 годы, %
Примечание – составлено авторами на основе источника [30]

Рисунок 1 дает нам представление о том, что наибольший процент среди организаций образования, создавших условия для инклюзивного образования, согласно статистических данных Республики

Казахстан за период с 2010-2019 годы имеют государственные общеобразовательные школы, которые в 2019 году составили 62,5 % и по сравнению с 2018 годом выросли на 2,1 %.

Однако, государственные дошкольные организации имеют финансирование практически в 2 раза меньше, и в 2019 году составили 30 %. Все это свидетельствует о неравномерном распределении средств на финансирование инклюзивного образования в Республике Казахстан

Используя статистические данные, представленные в таблице 2, автор для построения трендовой модели использовал следующие показатели:

- государственные дошкольные организации;
- государственные общеобразовательные школы;
- государственные организации ТиПО.

Тренд характеризует основную закономерность развития явления во времени. Но эта закономерность не полностью свободна от случайных воздействий. По существу, тренд описывает тенденцию, усредненную для изучаемого ряда наблюдений, ее внешнее проявление. Развитие явлений обусловлено не тем, сколько времени прошло с отправного момента, а тем, какие силы влияли на их развитие, в каком направлении и с какой интенсивностью. Развитие явлений во времени выступает как внешнее отражение этих сил, как суммарное действие, влияющее на изменение уровня в отдельно взятые моменты или промежутки времени.

Основная задача заключалась в определении конкретной аналитической формулы функции, так как она во многом определяет результаты экстраполяции тренда. Решена она была с помощью графического анализа: путем перебора различных форм зависимостей и выбора той, которая наиболее приближена к исходным данным. Результаты представлены на Рисунках 2-4 [30].

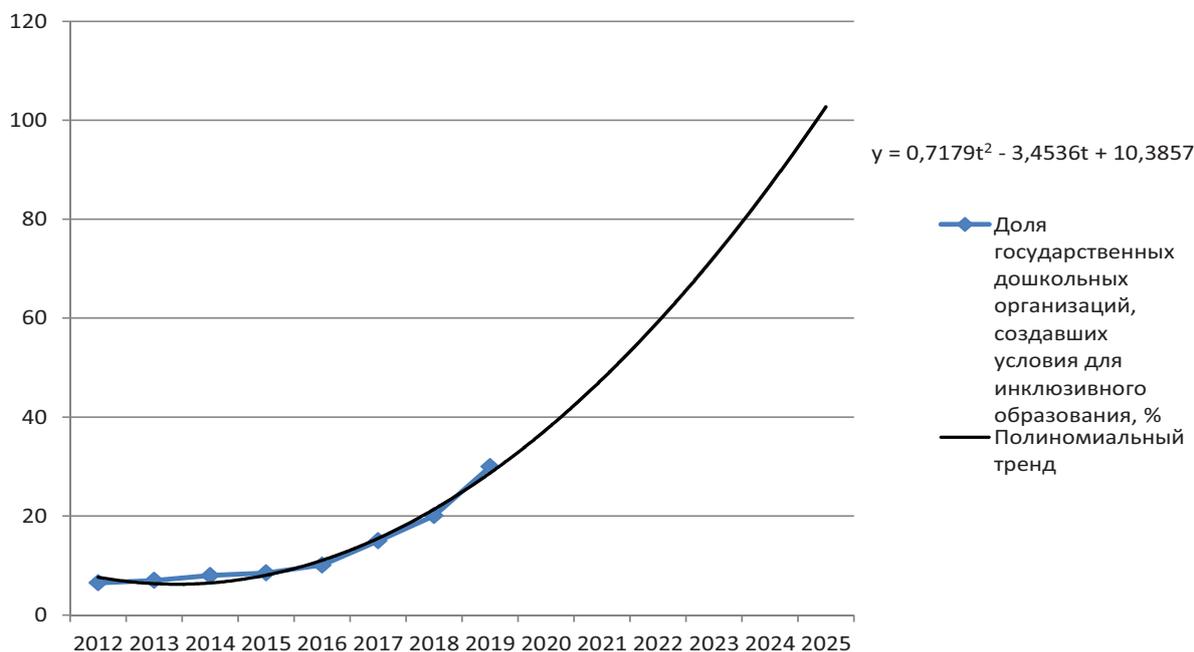

Рисунок 2 – Трендовая модель для показателя «Доля государственных дошкольных организаций, создавших условия для инклюзивного образования»

Примечание – составлено авторами на основе источника [30]

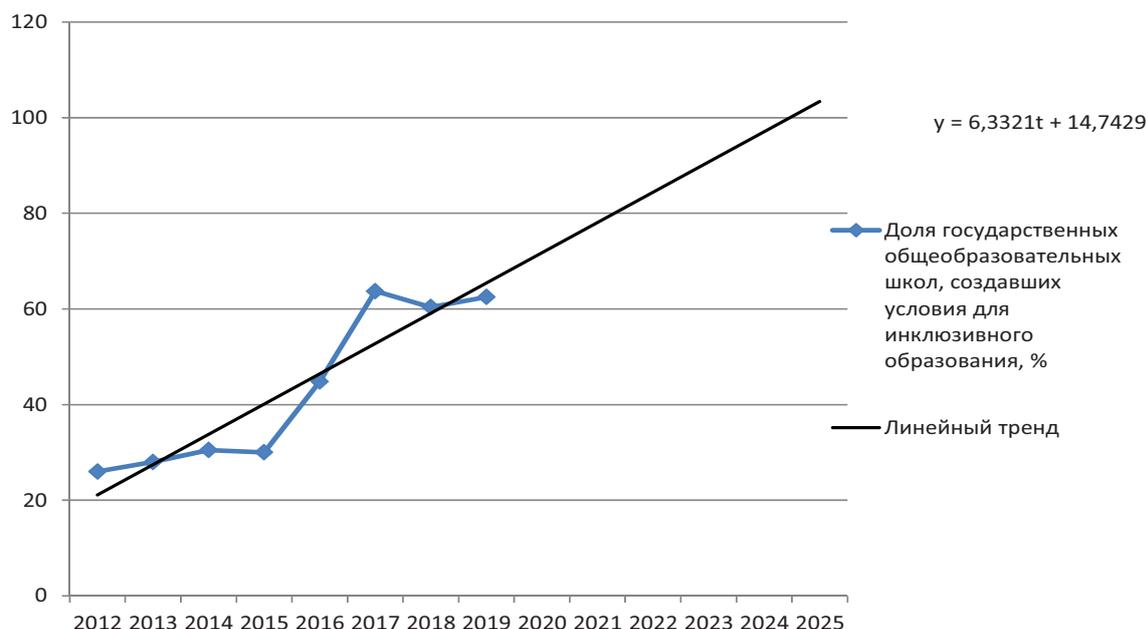

Рисунок 3 – Трендовая модель для показателя «Доля государственных общеобразовательных школ, создавших условия для инклюзивного образования»
Примечание – составлено авторами на основе источника [30]

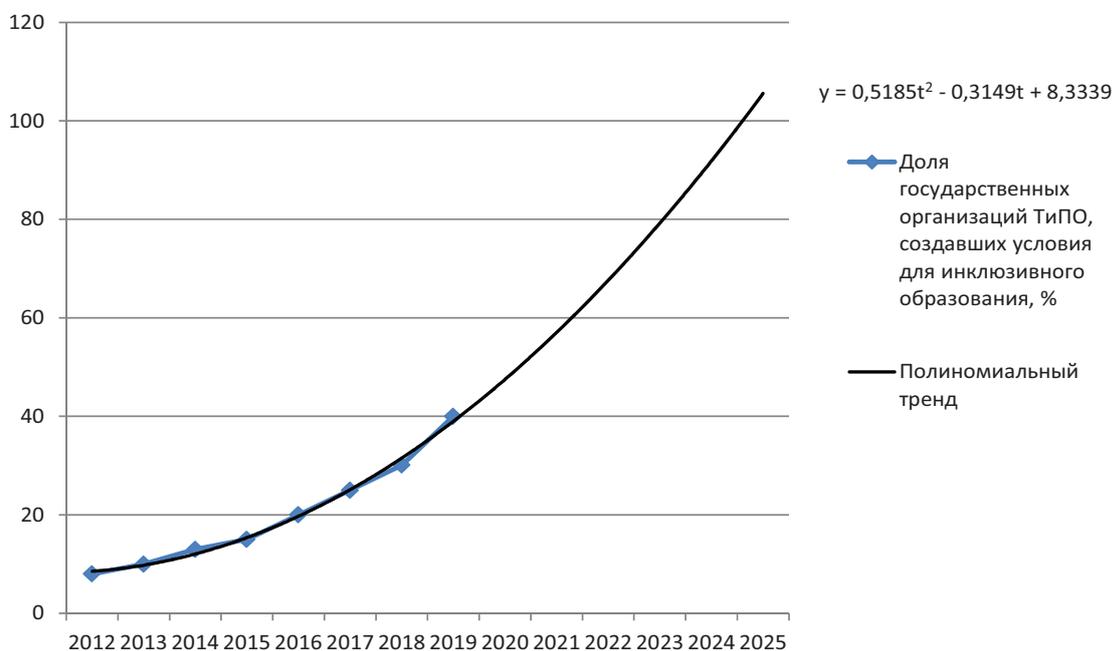

Рисунок 4 – Трендовая модель для показателя «Доля государственных организаций ТиПО, создавших условия для инклюзивного образования»
Примечание – составлено авторами на основе источника [30]

Используя полученные модели, были рассчитаны прогнозные значения рассматриваемых показателей и проведено их сравнение с плановыми показателями, установленными в Государственной программе развития образования Республики Казахстан. Результаты представлены в Таблице 3.

Таблица 3 – Прогнозные значения рассматриваемых показателей

Год	доля государственных дошкольных организаций, создавших условия для инклюзивного образования, %			доля государственных общеобразовательных школ, создавших условия для инклюзивного образования, %			доля государственных организаций ТиПО, создавших условия для инклюзивного образования, %		
	Пок-ли, получ-е с помощью трендовой модели, %	Плановые показ-ли, ГП развития образования РК, %	Откл. +/-	Пок-ли, получ-е с помощью трендовой модели, %	Плановые показатели, ГП развития образования РК, %	Откл. +/-	Пок-ли, получ-е с помощью трендовой модели, %	Плановые показ-ли, ГП развития образования РК, %	Откл. +/-
2021	47,64	60	-7,55	78,06	80	-1,94	57,03	50	7,03
2022	59,26	70	-12,36	84,40	85	-0,60	67,61	55	12,61
2023	72,32	80	-10,74	90,73	90	0,73	79,22	60	19,22
2024	86,81	90	-7,68	97,06	95	2,06	91,87	65	26,87
2025	100	100	-	100	100	-	100	70	-

Примечание – составлено авторами на основе источника [30]

Анализ полученных результатов позволяет сделать следующие выводы:

1) согласно сложившейся тенденции возможны определенные сложности при выполнении плановых показателей «доля государственных дошкольных организаций, создавших условия для инклюзивного образования» на протяжении всего планируемого периода;

2) для показателя «доля государственных общеобразовательных школ, создавших условия для инклюзивного образования» могут возникнуть трудности на начальной стадии выполнения, затем возможно перевыполнение запланированных в государственной программе показателей;

3) тенденция, которая наблюдалась на протяжении последних 8 лет, может позволить ежегодно перевыполнять запланированные значения показателя «доля государственных организаций ТиПО, создавших условия для инклюзивного образования».

Полученные результаты свидетельствуют о некой тенденции увеличения рассматриваемых показателей развития инклюзивного образования в Республике Казахстан. Однако, по-прежнему остаются не затронутыми вопросы включения социально-уязвимых детей, остающихся за пределами общего образования.

В процессе исследования было выявлено, что большая часть работ сосредоточена на уровне средних школ. Следовательно, существует необходимость в исследовании инклюзии разных категорий детей на уровне дошкольного образования, поскольку обучение и воспитание детей начинается задолго до школы. Разрабатывая условия для инклюзивного образования, необходимо учитывать нарушения и особенности распределения детей с инвалидностью (Таблица 4) [31].

Таблица 4 – Особенности распределения детей с инвалидностью, (человек)

Показатель	Всего	В том числе		Из них по возрасту, лет			
		мальчики	девочки	до 7 лет	7-13 лет	14-15 лет	16-17 лет
Всего опрошено детей	9149	5141	4088	2174	4937	1299	739
из общего числа опрошенных детей имеют следующие нарушения:							
опорно-двигательный аппарат	3072	1708	1364	889	1588	395	200
зрение	1222	682	540	286	657	184	95
слух	903	512	391	190	503	134	76
речь	1889	1104	785	534	980	237	138
интеллектуальное развитие	2214	1328	886	545	1174	319	192
психическое состояние	2109	1240	869	424	1174	319	192
соматические (нарушения функций внутренних органов)	2506	1363	1143	582	1353	360	211

Примечание – составлено авторами на основе источника [31]

Имеющаяся практика социализации детей с особыми образовательными потребностями на данный момент в Казахстане недостаточно развита. Это ослабляет социальную позицию ребенка и усугубляет его неравный социальный статус. Несмотря на многочисленные меры правительства, направленные на разрешение данной ситуации, проблема неравного доступа к образованию в Казахстане существует и требует целенаправленных действий. Об этом свидетельствуют данные, характеризующие численность детей инвалидов от 0 до 17 лет включая и количество детей, охваченных инклюзивным образованием (Рисунок 5) [31].

Рисунок 5 – Численность детей инвалидов и количество детей, охваченных инклюзивным образованием за 2010-2019 годы, человек

Примечание – составлено авторами на основе источника [31]

Как видно из рисунка 5, количество охваченных детей инклюзивным образованием имеет значительную динамику и за 2019 год составило 36172 человек, что на 896 человек больше по сравнению с аналогичным периодом 2018 года. Что свидетельствует о том, что с каждым годом увеличивается количество детей с особыми образовательными потребностями, а доля организаций образования, создавших условия для инклюзивного образования, не имеет такую тенденцию к увеличению.

В основу исследования была положена гипотеза, согласно которой в показателе «Общее количество детей с особыми образовательными потребностями, охваченные инклюзивным образованием» содержится линейная тенденция развития, и если это будет доказано автором в процессе исследования, то можно будет построить прогноз на 2021-2023 годы.

Для определения прогнозных значений показателя «Общее количество детей с особыми образовательными потребностями, охваченные инклюзивным образованием, чел.» на 2021-2023 гг. были выполнены следующие этапы:

1) Проверка временного ряда на наличие аномальных наблюдений. Для этого был использован критерий Ирвина (Таблица 5).

Таблица 5 – Проверка наличия аномальных наблюдений во временном ряду

Год	Общее количества детей с особыми образовательными потребностями	Наблюдаемое значение критерия Ирвина	Расчетные формулы
2010	27281	–	Наблюдаемое значение критерия Ирвина $\lambda_t = \frac{ y_t - y_{t-1} }{\sigma_y}, t = \overline{2, 10}$
2011	28793	0,5087	
2012	29015	0,0747	
2013	30984	0,6625	
2014	31047	0,0212	
2015	31957	0,3062	
2016	32125	0,0565	
2017	34920	0,9404	
2018	35276	0,1198	
2019	36172	0,3015	

Примечание – составлено авторами

Так как все наблюдаемые значения критерия Ирвина меньше критического, то с вероятностью 95 % можно утверждать, что исходный временной ряд не содержит аномальных наблюдений.

2) С помощью критерия «восходящих» и «нисходящих» серий было определено, что рассматриваемый временной ряд содержит трендовую составляющую (Таблица 6).

Таблица 6 – Проверка наличия тренда

Общий вид критерия «восходящих» и «нисходящих» серий (для наличия тенденции достаточно нарушения хотя бы одного неравенства)	Расчетные значения с вероятностью ошибки $0,05 < \alpha < 0,0975$
$v(n) > \left[\frac{2n-1}{3} - 1,96 \sqrt{\frac{16n-29}{90}} \right]$	$1 < 5,58$
$K_{\max} < [K_0(n)]$	$10 > 5$

Примечание – составлено авторами

3) Для аппроксимации исходных данных в качестве кривой роста был выбран полином первой степени:

$$y_t = a_0 + a_1 t, \quad (1)$$

Параметры выбранной кривой были оценены с помощью метода наименьших квадратов (МНК), который обеспечивает минимальное расстояние графика функции от точек исходных данных. Согласно МНК всем наблюдениям присваиваются равные веса, т.е. их информационная ценность признается равной, а тенденция развития на протяжении всего времени наблюдения считается неизменной. В результате аппроксимации данных была получена следующая трендовая модель:

$$y_t = 26448,4 + 965,2t \quad (2)$$

4) Было оценено качество полученной модели по двум направлениям: проверка адекватности и оценка точности модели.

Для проверки адекватности модели был исследован ряд остатков, т.е. расхождение уровней, рассчитанных по модели и фактических наблюдений. Наиболее важными свойствами остаточной компоненты являются: равенство математического ожидания нулю, случайность остатков и соответствие их нормальному закону распределения. Результаты анализа ряда остатков с целью проверки модели на адекватность приведены в таблице 7.

Таблица 7 – Проверка адекватности модели

Проверяемое свойство	Используемая статистика		Граница	Вывод
	Наименование, расчетная формула	Полученное значение		
Случайность	Критерий «пиков» (поворотных точек) $p > \left[\frac{2}{3}(n-2) - 1,96 \sqrt{\frac{16n-29}{90}} \right]$	5 > 2,97	2,97	Адекватна
Нормальность	RS-критерий $RS = \frac{e_{\max} - e_{\min}}{S}$	3,38	2,67-3,69	Адекватна
Равенство математического ожидания уровней ряда остатков нулю	t-статистика Стьюдента $t_{\text{набл.}} = \frac{\bar{e}}{S} \sqrt{n}$	0	2,26	Адекватна

Примечание – составлено авторами

Для оценки точности модели была рассчитана средняя относительная ошибка аппроксимации:

$$E_{\text{отн.}} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \frac{|e_i|}{y_i} \cdot 100\% = 1,30\%, \quad (3)$$

значение, которой свидетельствует о хорошем уровне точности модели.

Таким образом, модель является качественной и может быть использована для прогнозирования.

5) Для вычисления точечного прогноза в построенную модель были подставлены соответствующие значения фактора $t = n + k$. Для построения интервального прогноза был определен доверительный интервал при уровне значимости $\alpha = 1$. Ширина доверительного интервала была рассчитана по формуле:

$$U(k) = S_e t_\alpha \sqrt{1 + \frac{1}{n} + \frac{(n+k-\bar{t})^2}{\sum_{t=1}^n (t-\bar{t})^2}}, \quad (4)$$

Результаты построения точечного и интервального прогнозов на 2021-2023 годы представлены в Таблице 8.

Таблица 8 – Точечный и интервальный прогнозы общего количества детей с особыми образовательными потребностями, охваченных инклюзивным образованием на 2021-2023 гг.

Год	$n + k$	$U(k)$	Точечный прогноз, человек	Интервальный прогноз, человек	
				Верхняя граница	Нижняя граница
2021	12	1603,60	38030,80	35462,00	38669,20
2022	13	1681,24	38996,00	36349,56	39712,04
2023	14	1767,51	39961,20	37228,49	40763,51

Примечание – составлено авторами

Результаты моделирования и прогнозирования показателя количества детей с особыми образовательными потребностями, охваченных инклюзивным образованием на 2021-2023 гг., представлены графически на Рисунке 6.

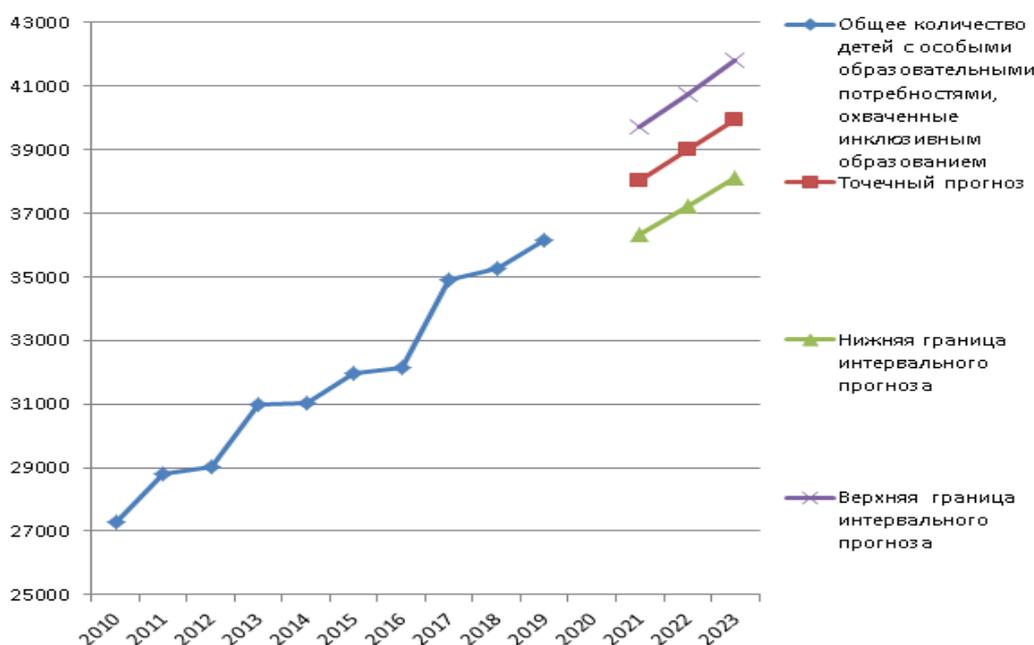

Рисунок 6 – Точечный и интервальный прогнозы общего количества детей с особыми образовательными потребностями, охваченных инклюзивным образованием на 2021-2023 гг., человек
Примечание – составлено авторами на основе произведенных расчетов

Полученный прогноз свидетельствует о тенденции роста количества детей, охваченных инклюзивным образованием в Казахстане с 36 172 чел. в 2019 году до 39 961,2 чел. в 2023 году по точечному прогнозу и до 40 763,51 чел. по интервальному прогнозу (нижняя граница).

Таким образом для Казахстана содействие и развитие доступа к инклюзивному образованию, социальной интеграции и недискриминационному обращению с лицами, имеющими особые потребности в образовании, становится актуальным, как и во всем мире.

Внедрение инклюзивно-ориентированной образовательной модели, которая преобладала в казахстанских школах в последние годы, сопровождалось рядом трудностей. Проблемы и ограничения системы инклюзии были отмечены в ряде работ ученых и практиков в стране, где внимание обращается на недостаточное финансирование учебных заведений, и существующие социальные стереотипы, и предрассудки.

На данном этапе внедрение системы инклюзивного образования сталкивается с двумя основными рисками:

- во-первых, существует недостаток индивидуального внимания к детям в классах, где одновременно обучаются дети с различными образовательными потребностями. Эта ситуация обусловлена нехваткой профессионально подготовленных учителей и специалистов в организациях общего народного образования;

- во-вторых, причиной высокой эмоциональной нагрузки на учеников является недостаточная социокультурная и психологическая подготовка большинства одноклассников к тому, чтобы считать своих сверстников инвалидами на равных. В то же время опыт инклюзивных школ показывает, что, несмотря на существование определенных конфликтов между одноклассниками с различными образовательными потребностями, они, как правило, проходят по мере взросления детей.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Развитие инклюзивного образования является одной из приоритетных задач большинства стран мира. Учёные по-разному оценивают практики совместного обучения детей с нормальным и нарушенным развитием, предлагают собственные оригинальные технологии интеграции ребёнка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в общеобразовательную среду.

Анализ тенденций развития инклюзивного образования за рубежом, на основе результатов исследований зарубежных авторов, позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Развитие инклюзивного образования за рубежом представляет собой общественно значимый процесс, обусловленный социально-политическими изменениями, развитием концепций прав человека и равных возможностей, антидискриминационным движением и изменением взглядов на образование детей с ОВЗ.

2. Зарубежная инклюзивная теория и практика ориентирована на масштабные преобразования, касающиеся не только образовательной, но и социально-экономической сферы. Это создает предпосылки для развития в обществе инклюзивной культуры и особой процедуры «принятия» ребенка с ОВЗ, в том числе в образовательных организациях общего типа.

3. Зарубежные исследователи практически единогласно признают значимость специальной подготовки педагогов к работе в условиях инклюзивного образования.

Таким образом, учет данных тенденций в развитии инклюзивного образования позволит выбрать адекватную стратегию в подготовке образовательной организации, предоставляющей образовательные услуги детям с ограниченными возможностями здоровья.

В процессе исследования были проанализированы и определены прогнозные значения показателя «Общее количество детей с особыми образовательными потребностями, охваченные инклюзивным образованием» в Казахстане на 2021-2023 гг. в результате чего была построена трендовая модель, определившая точечный и интервальный прогнозы.

Используя полученные модели, были рассчитаны прогнозные значения рассматриваемых показателей и проведено их сравнение с плановыми показателями, установленными в Государственной программе развития образования Республики Казахстан.

Анализ тенденций развития инклюзивного образования в Казахстане показал, что содействие и развитие доступа к инклюзивному образованию, социальной интеграции и недискриминационному обращению с лицами, имеющими особые потребности в образовании – актуально. В этой связи назрела острая необходимость в пересмотре концепции инклюзивного образования на национальном уровне и проведении эмпирических исследований по вопросу интеграции детей из уязвимых групп населения в общеобразовательную систему Казахстана с целью полноценного охвата инклюзивным образованием детей с особыми образовательными потребностями.

По мнению автора, Министерство образования и науки Республики Казахстан должно:

- проводить оценку эффективности реализации государственных программ и иметь критерии оценки их эффективности;

- по итогам рассмотрения результатов вносить изменения в действующую государственную программу в части изменения бюджетных ассигнований при планировании бюджета на очередной финансовый год и плановый период, выделять дополнительное финансирование на реализацию Государственной программы.

В соответствии с целью ГПИРОН Республики Казахстан «Повышение глобальной конкурентоспособности казахстанского образования и науки, воспитание и обучение личности на основе общечеловеческих ценностей», обеспечивая безопасную и комфортную среду обучения, необходимо:

- оптимизировать и автоматизировать оказание государственных услуг в сфере специального и инклюзивного образования, в рамках которого будут интегрированы информационные системы здравоохранения и социальной защиты. Это, в свою очередь, позволит психолого-медико-педагогическим консультациям (далее – ПМПК) перейти от «медицинской» к «педагогической» модели;
- деятельность ПМПК направить на определение образовательных потребностей детей;
- в целях усиления деятельности ПМПК и кабинета психолого-педагогической коррекции (далее – КППК) проработать нормы их размещения, автоматизировать прием документов на оказание психолого-педагогической поддержки, а также создать ресурсные центры на базе школ для развития инклюзивных практик и обмена опытом педагогами;
- расширить сеть КППК и ПМПК;
- школы и колледжи обеспечить соответствующими специалистами по сопровождению детей в инклюзивной среде с особыми образовательными потребностями;
- внедрить мобильную консультативно-методическую помощь педагогам, родителям, детям с особыми образовательными потребностями;
- обновить квалификационные требования для педагогов, работающих в условиях инклюзивного образования (учителя-предметники, педагоги, педагоги-ассистенты и другие) на основе профессионального стандарта;
- для коррекционно-педагогической поддержки детей с особыми образовательными потребностями разработать нормы подушевого финансирования (социального рюкзака) при размещении госзаказа;
- организациями образования продолжить работу по обеспечению условий для обучающихся с особыми образовательными потребностями (оснащение специальным оборудованием, мебелью, кадрами, учебниками и учебно-методическими комплексами, пандусами, подъемниками, лифтами и др.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нургалиева С., Зейнолла С., Нургалиева А. К вопросу о повышении качества инклюзивного образования в Казахстане // *European Research*. – 2017. – № 2. – С. 75-77.
2. Чукотаев М. Н., Нуртазина Е. М. Инклюзивное образование в Казахстане: проблемы и перспективы // *Академия профессионального образования*. – 2017. – №1. – С. 31-38.
3. Беляков Н. И., Русанов В. П. Инклюзивное образование в Республике Казахстан // *Научный альманах Ассоциации France-Kazakhstan*. – 2018. – № 1. – С. 59-67.
4. Сигутина Т. С. Актуальные проблемы инклюзивного образования в Республике Казахстан // *Академическая публицистика*. – 2018. – № 7. – С. 41-48.
5. Нурмаганбетова Р. К. Основные направления развития инклюзивного образования в Казахстане // *Научный аспект*. – 2019. – Т. 7. – № 2. – С. 835-842.
6. Zholtayeva G. et al. Inclusive Education in Kazakhstan: selected issues // *CBU International Conference Proceedings, ISE Research Institute*. – 2013. – Vol. 1. – P. 196-204. – DOI: 10.12955/cbup.v1.34.
7. Ахметова Д. З. Инклюзивная культура общества как результат реализации инклюзивной политики и практики // *Инклюзивное образование: преемственность инклюзивной культуры и практики: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф.* – Москва, 2017. – С. 15–22.
8. Омарова Т. К. Особенности концептуализации инклюзивного образования в Казахстане // *Вестник КазНУ*. – 2017. – Т. 49. – № 3. – С. 60-67.
9. Абильдина С. К., Кушнир М. П., Жумагалиева Ж. Ж. Организация инклюзивного образования в Республике Казахстан // *Bulletin d’Eurotalent-Fidjip*. – 2015. – № 4. – С. 32-36.
10. Шкутина Л. А., Данек Я., Рымханова А. Р. Отдельные аспекты отношения учителей к внедрению инклюзивного образования в общеобразовательные школы // *Вестник Карагандинского университета*. – 2017. – №4(88). – С. 17-23.

11. Evans J., Lunt I. Inclusive education: are there limits? // *European Journal of Special Needs Education*. – 2002. – Vol. 17. – № 1. – P. 1-14. – DOI: 10.1080/08856250110098980.
12. Miles S., Singal N. The Education for All and inclusive education debate: conflict, contradiction or opportunity? // *International Journal of Inclusive Education*. – 2010. – Vol.14. – №1. – P. 1-15. – DOI: 10.1080/13603110802265125.
13. Ainscow M. Developing inclusive education systems: What are the levers for change? // *Journal of Educational Change*. – 2005. – Vol. 2 – № 6. – P. 109-124. – DOI: 10.1007/s10833-005-1298-4.
14. Gordon J.-S. Is Inclusive Education a Human Right? // *Journal of Law, Medicine and Ethics*. – 2014. – Vol. 41 – № 4. – P. 754-767. – DOI: 10.1111/jlme.12087.
15. Slee R., Allan J. Excluding the Included: a reconsideration of inclusive education. // *International Studies in Sociology of Education*. – 2001. – Vol. 11. – № 2. – P. 173–192. – DOI:10.1080/09620210100200073.
16. Cobello S. When the society does not see the future – What does «disability» mean? // *Journal of Educational and Science*. – 2016. – Vol. 138. – № 9. – P. 153-165. – DOI: 10.17853/1994-5639-2016-9-153-165.
17. Florian L. What counts as evidence of inclusive education? // *European Journal of Special Needs Education*. – 2014. – Vol. 29. – № 3. – P. 286-294. – DOI: 10.1080/08856257.2014.933551.
18. Florian L., Linklater H. Preparing teachers for inclusive education: using inclusive pedagogy to enhance teaching and learning for all. Cambridge // *Journal of Education*. – 2010. – Vol. 40. – № 4. – P. 369-386. – DOI: 10.1080/0305764X.2010.526588.
19. Avramidis E., Bayliss Ph., Burden R. A Survey into Mainstream Teachers' Attitudes Towards the Inclusion of Children with Special Educational Needs in the Ordinary School in one Local Education Authority // *International Journal of Experimental Educational Psychology*. – 2000. – Vol. 20. – №2. – P.191-211. – DOI: 10.1080/713663717.
20. Нургалиева С. А., Попова М. В., Есполова Г. К., Дюсембинова Г. К. Условия и механизмы повышения качества инклюзивного образования в Казахстане // *Вестник ПГУ*. – 2016. – № 2. – С. 163-167.
21. Постановление Правительства Республики Казахстан от 27 декабря 2019 года №988. Государственная программа развития системы образования и науки Республики Казахстан на 2020-2025 годы [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2019. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000988/history> (дата обращения: 25.02.2021).
22. Конституция Республики Казахстан 30 августа 1995 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019 г.) [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 1995. – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 25.02.2021).
23. Закон Республики Казахстан «О социальной медико-педагогической коррекционной поддержке детей с ограниченными возможностями» от 11 июля 2002 года № 343-II (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.12.2019 г.) [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2002. – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000343_/z020343.htm (дата обращения: 25.02.2021).
24. Закон Республики Казахстан «О правах ребенка в Республике Казахстан» от 8 августа 2002 года № 345-II (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.07.2020 г.) [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2002. – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345_ (дата обращения: 25.02.2021).
25. Закон Республики Казахстан «О социальной защите инвалидов в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2021 г.) [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2003. – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P030001362_ (дата обращения: 25.02.2021).
26. Закон Республики Казахстан «Об образовании» от 27 июля 2007 года № 319-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.03.2021 г.) [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2007. – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000319_ (дата обращения: 25.02.2021).
27. Закон Республики Казахстан «О специальных социальных услугах» от 29 декабря 2008 года № 114-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.05.2020 г.) [Электронный ресурс] // ИС Параграф [web-портал]. – 2008. – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30369331 (дата обращения: 25.02.2021).
28. Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 1 июня 2015 года № 348

«Об утверждении Концептуальных подходов к развитию инклюзивного образования в Республике Казахстан» [Электронный ресурс] // ИС Параграф [web-портал]. – 2015. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39711662 (дата обращения: 25.02.2021).

29. Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 14 февраля 2017 года № 66, зарегистрированный в Министерстве юстиции Республики Казахстан 7 апреля 2017 года № 14995 «Типовые правила деятельности видов специальных организаций образования» [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2017. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1700014995> (дата обращения: 25.02.2021).

30. Доля организаций образования, создавших условия для инклюзивного образования за 2010-2019 годы [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [web-сайт]. – 2019. – URL: <https://stat.gov.kz/> (дата обращения: 25.02.2021).

31. Численность детей инвалидов и количество детей, охваченных инклюзивном образованием [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [web-сайт]. – 2019. – URL: <https://bala.stat.gov.kz/> (дата обращения: 25.02.2021).

REFERENCES

1. Nurgalieva, S., Zeinolla, S. and Nurgalieva, A. (2017). K voprosu o povyshenii kachestva inklyuzivnogo obrazovaniya v Kazahstane. *European Research*, 2, 75–77. (In Russian).
2. Chukotaev, M. N. and Nurtazina, E. M. (2017). Inklyuzivnoe obrazovanie v Kazahstane: problemy i perspektivy. *Academy of Professional Education*, 1, 31–38 (In Russian).
3. Belyakov, N. I. and Rusanov, V. P. (2018). Inklyuzivnoe obrazovanie v Respublike Kazahstan. *Scientific Almanac of the Association France-Kazakhstan*, 1, 59–67 (In Russian).
4. Sigutina, T. S. (2018). Aktual'nye problemy inklyuzivnogo obrazovaniya v Respublike Kazahstan. *Academic Publicity*, 7, 41–48 (In Russian).
5. Nurmaganbetova, R. K. (2019). Osnovnye napravleniya razvitiya inklyuzivnogo obrazovaniya v Kazahstane. *Scientific Aspect*, 7(2), 835–842 (In Russian).
6. Zholtayeva, G. et al. (2013). Inclusive Education in Kazakhstan: selected issues. *CBU International Conference Proceedings, ISE Research Institute*, 1, 196–204, DOI: 10.12955/cbup.v1.34.
7. Akhmetova, D. Z. (2017). Inklyuzivnaya kul'tura obshchestva kak rezul'tat realizatsii inklyuzivnoy politiki i praktiki. *Inclusive education: continuity of inclusive culture and practice: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Moscow*, 15–22 (In Russian).
8. Omarova, T. K. (2017). Osobennosti konceptualizatsii inklyuzivnogo obrazovaniya v Kazahstane. *Bulletin of Kazakh National University*, 49(3), 60–67 (In Russian).
9. Abildina, S. K., Kushnir, M. P. and Zhumagalieva J. (2015). Organizatsiya inklyuzivnogo obrazovaniya v Respublike Kazahstan. *Bulletin d'Eurolalent-Fidjip*, 4, 32–36 (In Russian).
10. Shkutina, L. A., Danek, J. and Rymkhanova, A. R. (2017). Otdel'nye aspekty otnosheniya uchitelej k vnedreniyu inklyuzivnogo obrazovaniya v obshcheobrazovatel'nye shkoly. *Bulletin of Karaganda University*, 4(88), 17–23 (In Russian).
11. Evans, J. and Lunt, I. (2002). Inclusive education: are there limits? *European Journal of Special Needs Education*, 17(1), 1–14, DOI: 10.1080/08856250110098980.
12. Miles, S. and Singal, N. (2010). The Education for All and inclusive education debate: conflict, contradiction or opportunity? *International Journal of Inclusive Education*, 14(1), 1–15, DOI: 10.1080/13603110802265125.
13. Ainscow, M. (2005). Developing inclusive education systems: What are the levers for change? *Journal of Educational Change*, 2(6), 109–124, DOI: 10.1007/s10833-005-1298-4.
14. Gordon, J.-S. (2014). Is Inclusive Education a Human Right? *Journal of Law, Medicine and Ethics*, 41(4), 754–767, DOI: 10.1111/jlme.12087.
15. Slee, R. and Allan, J. (2001). Excluding the Included: a reconsideration of inclusive education. *International Studies in Sociology of Education*, 11(2), 173–192, DOI: 10.1080/09620210100200073.

16. Cobello, S. (2016). When the society does not see the future – What does «disability» mean? *Journal of Educational and Science*, 138(9), 153–165, DOI: 10.17853/1994-5639-2016-9-153-165.
17. Florian, L. (2014). What counts as evidence of inclusive education? *European Journal of Special Needs Education*, 29(3), 286–294, DOI: 10.1080/08856257.2014.933551.
18. Florian, L. and Linklater, H. (2010). Preparing teachers for inclusive education: using inclusive pedagogy to enhance teaching and learning for all. Cambridge. *Journal of Education*, 40(4), 369–386, DOI: 10.1080/0305764X.2010.526588.
19. Avramidis, E., Bayliss, Ph. and Burden, R. (2000). A Survey into Mainstream Teachers' Attitudes Towards the Inclusion of Children with Special Educational Needs in the Ordinary School in one Local Education Authority. *International Journal of Experimental Educational Psychology*, 20(2), 191–211, DOI: 10.1080/713663717.
20. Nurgalieva, S. A., Popova, M. V., Espolova, G. K. and Dyusembinova, G. K. (2016). Usloviya i mekhanizmy povysheniya kachestva inkluzivnogo obrazovaniya v Kazahstane. *Vestnik PGU*, 2, 163–167 (In Russian).
21. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 27 dekabrya 2019 goda №988. Gosudarstvennaya programma razvitiya sistemy obrazovaniya i nauki Respubliki Kazahstan na 2020-2025 gody (2019). Adilet. Retrieved February 25, 2021, from <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000988/history> (In Russian).
22. Constitution of the Republic of Kazakhstan on August 30, 1995 (with amendments and additions as of 03/23/2019) (1995). Adilet. Retrieved February 25, 2021, from http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (In Russian).
23. The Law of the Republic of Kazakhstan "On social medical and pedagogical correctional support of children with disabilities" dated July 11, 2002 No. 343-II (with amendments and additions as of December 27, 2019) (2002). Adilet. Retrieved February 25, 2021, from http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000343_/z020343.htm (In Russian).
24. Law of the Republic of Kazakhstan "On the Rights of the Child in the Republic of Kazakhstan" dated August 8, 2002 No. 345-II (with amendments and additions as of 07.07.2020) (2002). Adilet. Retrieved February 25, 2021, from http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345_ (In Russian).
25. Law of the Republic of Kazakhstan "On social protection of disabled people in the Republic of Kazakhstan" (with amendments and additions as of 01.01.2021) (2003). Adilet. Retrieved February 25, 2021, from http://adilet.zan.kz/rus/docs/P030001362_ (In Russian).
26. Law of the Republic of Kazakhstan "On Education" dated July 27, 2007 No. 319-III (with amendments and additions as of March 31, 2021) (2007), Adilet. Retrieved February 25, 2021, from http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000319_ (In Russian).
27. Law of the Republic of Kazakhstan "On Special Social Services" dated December 29, 2008 No. 114-IV (with amendments and additions as of May 13, 2020) (2008). Adilet. Retrieved February 15, 2021, from https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30369331 (In Russian).
28. Order of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan dated June 1, 2015 No. 348 "On Approval of Conceptual Approaches to the Development of Inclusive Education in the Republic of Kazakhstan" (2015). IS Paragraph. Retrieved February 25, 2021, from available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39711662 (In Russian).
29. Order of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan dated February 14, 2017 No. 66, registered with the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan on April 7, 2017 No. 14995 "Standard rules for the activities of types of special educational organizations" (2017). Adilet. Retrieved February 25, 2021, from <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1700014995> (In Russian).
30. Dolya organizacij obrazovaniya, sozdavshih usloviya dlya inkluzivnogo obrazovaniya za 2010-2019 gody (2019). Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Retrieved February 25, 2021, from <https://stat.gov.kz/> (In Russian).
31. Chislenost' detej invalidov i kolichestvo detej, ohvachennyh inkluzivnom obrazovaniem (2019). Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Retrieved February 25, 2021, from <https://bala.stat.gov.kz/> (In Russian).

**INCLUSIVE EDUCATION IN KAZAKHSTAN: ANALYSIS OF THE ORGANIZING
PROCESS AND THE POSSIBILITY OF ITS FURTHER DEVELOPMENT**

M. B. Turlubekova^{1*}, R. O. Bugubayeva¹

¹Karaganda University of Kazpotrebsoyuz,
Karaganda, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study is to analyze the process of organization and the possibility of using inclusive education in Kazakhstan on the basis of the identified forecast values.

The methodological basis of the study is a system of various techniques that make up a set of methods, mechanisms, principles, and measures to improve the effectiveness of the use of tools for improving inclusive education, which are a necessary condition for the further development of the education system.

Research methods. The following methods were used in the study:

- theoretical, which include: theoretical analysis of the research of domestic and foreign scientists in the field of inclusive education; analysis of legislative and regulatory documents on the implementation of inclusive education and education in general;

- methods of high-quality data processing;

- methods of mathematical and statistical processing.

Methods of mathematical modeling and forecasting were used in the processing and systematization of data. A trend model was constructed using the least squares method, which allowed us to prove the hypothesis that the indicator "Total number of children with special educational needs covered by inclusive education" contains a linear trend and to make a forecast for 2021-2023.

The conclusions and results of the study were presented using a graphical method of presenting the results obtained.

The methods used for the study of economic phenomena and the processing of primary information in their entirety allow us to ensure the reliability of the analysis and the validity of the conclusions.

The originality / value of the research. The study is based on the hypothesis that the indicator "Total number of children with special educational needs covered by inclusive education" contains a linear development trend, and if this is proved by the author in the course of the study, it will be possible to make a forecast for 2021-2023.

Findings. The author determined the forecast values of the indicator "The total number of children with special educational needs covered by inclusive education" for 2021-2023, as a result of which:

1) according to the Irwin criterion, it was found that the original time series does not contain anomalous observations;

2) using the criterion of "ascending" and "descending" series, it was determined that the time series under consideration contains a trend component;

3) as a result of data approximation, a trend model was obtained;

4) the quality of the resulting model was evaluated in two ways: checking the adequacy and evaluating the accuracy of the model.

5) predicted values of the share of educational organizations (the share of state preschool organizations, the share of state general education schools, the share of state technical and vocational education (TVE) organizations) that have created conditions for inclusive education for 2021-2023 have been determined.

As a result of the study, the author analyzed the trends in the development of inclusive education in Kazakhstan, which showed that the promotion and development of access to inclusive education, social integration and non – discriminatory treatment of persons with special educational needs is relevant. In this regard, there is an urgent need to review the concept of inclusive education at the national level and conduct empirical research on the integration of children from vulnerable groups into the general education system of Kazakhstan in order to fully cover children with special educational needs with inclusive education.

Keywords: inclusion, inclusive education, organization process, integration, development strategy, educational needs.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ИНКЛЮЗИВТІ БІЛІМ БЕРУ: ҰЙЫМДАСТЫРУ ПРОЦЕСІН ЖӘНЕ ОНЫ ОДАН ӘРІ ДАМУҒА МҮМКІНДІКТЕРІН ТАЛДАУ

М. Б. Турлубекова^{1*}, Р. О. Бугубаева¹

¹Қазтұтынуодағы Қарағанды Экономикалық Университеті,
Қарағанды, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты – анықталған болжамды мәндердің негізінде Қазақстандағы инклюзивті білім беруді ұйымдастыру процесі мен пайдалану мүмкіндігін талдау.

Зерттеудің әдіснамалық негізі білім беру жүйесін одан әрі дамыту үшін қажетті шарт болып табылатын инклюзивті білім беруді жетілдіру құралдарын пайдалану тиімділігін арттыру жөніндегі әдістер, тетіктер, қағидаттар, іс-шаралар кешенін құрайтын әртүрлі тәсілдер жүйесі болып табылады.

Зерттеу аясында келесі *әдістер* қолданылды:

- теориялық, олар мыналарды қамтиды: инклюзивті білім беру саласындағы отандық және шетелдік ғалымдардың зерттеулерін теориялық талдау; инклюзивті білім беруді және жалпы білім беруді енгізу бойынша заңнамалық және нормативтік құжаттарды талдау;

- деректерді сапалы өңдеу әдістері;

- математикалық және статистикалық өңдеу әдістері.

Деректерді өңдеу және жүйелеу кезінде математикалық модельдеу және болжау әдістері қолданылды. «Инклюзивті білім берумен қамтылған ерекше білім беру қажеттіліктері бар балалардың жалпы саны» көрсеткіші сызықтық тенденцияны қамтитын және 2021-2023 жылдарға арналған болжамды құрайтын гипотезаны дәлелдеуге мүмкіндік беретін ең аз квадраттар әдісінің көмегімен тренд моделі құрылды.

Зерттеудің қорытындылары мен нәтижелері алынған нәтижелерді ұсынудың графикалық әдісі арқылы ұсынылды.

Экономикалық құбылыстарды зерттеудің және бастапқы ақпаратты өңдеудің пайдаланылған әдістері талдаудың сенімділігі мен қорытындылардың дұрыстығын қамтамасыз етеді.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы: зерттеу «инклюзивті білім берумен қамтылған ерекше білім беру қажеттіліктері бар балалардың жалпы саны» индикаторында дамудың сызықтық тенденциясы бар, егер оны автор зерттеу барысында дәлелдесе, онда 2021-2023 жылдарға болжам жасауға болады деген гипотеза негізделген.

Зерттеу нәтижелері: авторлар 2021-2023 жылдарға арналған «инклюзивті білім берумен қамтылған ерекше білім беру қажеттіліктері бар балалардың жалпы саны» көрсеткішінің болжамды мәндерін анықтады:

1) Ирвин критерийіне сәйкес бастапқы уақыт сериясында аномалды бақылаулар жоқ екендігі анықталды;

2) «өрлемелі» және «төмендейтін» сериялар критерийінің көмегімен қаралатын уақыт қатарында трендтік құрауыш бар екені анықталды;

3) деректерді жуықтау нәтижесінде тренд моделі алынды;

4) алынған модельдің сапасы екі бағыт бойынша бағаланды: сәйкестігін тексеру және модельдің дәлдігін бағалау.

5) 2021-2023 жылдарға арналған инклюзивті білім беруге жағдай жасаған білім беру ұйымдарының үлесінің болжамды мәндері (мемлекеттік мектепке дейінгі ұйымдардың үлесі, мемлекеттік жалпы білім беретін мектептердің үлесі, техникалық және кәсіптік білімнің мемлекеттік ұйымдарының үлесі) анықталды.

Зерттеу нәтижесінде автор Қазақстандағы инклюзивтік білім берудің даму үрдістеріне талдау жасады, ол инклюзивтік білім беруге, әлеуметтік интеграцияға қол жеткізуге және білім беруге ерекше қажеттіліктері бар адамдармен кемсітусіз қарым – қатынас жасауға жәрдемдесу мен дамытудың өзекті екенін көрсетті. Осыған байланысты инклюзивті білім беру тұжырымдамасын ұлттық деңгейде қайта қарау және ерекше білім беру қажеттіліктері бар балаларды инклюзивті білім берумен толық қамту мақсатында халықтың осал топтарынан шыққан балаларды Қазақстанның жалпы білім беру жүйесіне интеграциялау мәселесі бойынша эмпирикалық зерттеулер жүргізу қажеттілігі туындап отыр.

Түйін сөздер: инклюзия, инклюзивті білім беру, ұйымдастыру процесі, интеграция, Даму стратегиясы, білім беру қажеттіліктері.

ОБ АВТОРАХ

Турлубекова Маржан Борисовна – докторант Ph.D., Карагандинский университет Казпотребсоюза, Караганда, Республика Казахстан, e-mail: bestielts@mail.ru*

Бугубаева Роза Олжабаевна – кандидат экономических наук, профессор, Карагандинский университет Казпотребсоюза, Караганда, Республика Казахстан, e-mail: prur@keu.kz

MPHTI: 06.71.57; 14.01.11

JEL Classification Z1

<https://doi.org/10.52821/2224-5561-2021-3-110-122>

КОНЦЕПЦИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ В СИСТЕМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ КАЗАХСТАНА

Ж. А. Назикова¹, Н. П. Чернявская¹, Г. К. Муханова^{2*}

¹«Dulaty University», Тараз, Республика Казахстан

²«Казахская Академия труда и социальных отношений», Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – в индустрии общественного питания разработка и развитие эффективных концепций, их постоянная адаптация в соответствии с современными тенденциями необходима для выживания компании на конкурентном рынке. Одной из простых и востребованных концепций, вне зависимости от формата заведения, является национальная кухня. Данная концепция вместе с тем трансформировалась в самостоятельное направление в Казахстане вследствие особенностей социального и культурного развития страны. Такая концепция остается пока не до конца изученной, не имеет четко выраженного определения, описания особенностей составляющих. В связи с этим целью исследования определено – изучение особенностей концепций заведений общественного питания различного формата на примере Республики Казахстан и города Тараз, в частности и, на этой основе, исследование причин появления, факторов успешности и перспектив развития уникальной концепции многонациональной кухни с учетом общемировых тенденций.

Методология – в исследовании использован системный анализ концепций заведений общественного питания, анализ результатов научных исследований, интернет-источников и материалов СМИ, проведены разработка анкеты-опросника, интервью-формы, осуществлен сбор и анализ результатов анкетирования с различными целевыми группами: бизнес-сообществами, работниками и посетителями заведений питания с охватом более 60 % заведений города.

Оригинальность / ценность исследования – исследованы комплексные факторы, влияющие на разработку, развитие и успешность концепций заведений общественного питания различного формата. Показаны возможности по разработке идей для брендинга на основе изучения социально-культурных критериев и особенностей спроса.

Результаты исследования – определены причины появления и тенденции развития в Казахстане уникального торгового предложения – концепции многонациональной кухни. Изучены и учтены факторы, обязательные к проработке при создании и продвижении концепции заведений общественного питания. Названы особенности концепции многонациональной кухни и положительные факторы развития, соответствующие современным трендам.

Ключевые слова: заведения общественного питания, национальная кухня, концепция, формат, этнические продукты, транснациональная кухня, многонациональная кухня.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из показателей развития социально-экономического комплекса любой страны является сфера услуг, и ресторанный бизнес занимает здесь одно из лидирующих положений. Важной частью ресторанной индустрии является разработка концепции. Популяризированное определение концепции это – общая идея или тема, которая определяет ресторан. В других источниках определение дано глубже: концепция – это понимание работы собственного ресторана, она представляет собой пошаговую инструкцию по реализации идеи. Постоянная работа над концепцией необходима для выживания компании на конкурентном рынке и для удовлетворения постоянно изменяющихся по объ-

ективным причинам потребностей и ожиданий клиентов. Непрерывная адаптация концепций имеет решающее значение в индустрии общественного питания. Исследованиями в области разработки и развития эффективных концепций занимаются отечественные и зарубежные ученые, среди которых Коновалов К. Л. [1], Мусина О. Н. [1], Амирасланов И. [1], Шулбаева М. Т. [1], Смыкова М. Р. [2; 3], Рахимбекова Ж. С. [3], Тонышева Л. Л. [4], Кузьмина Н. Л. [4], Немкова Е. В. [5], Johan van Rekom [6] и другие.

Одна из простых концепций, построенная вокруг определенного типа блюд, но при этом востребованная вне зависимости от формата заведения – концепция национальной кухни. Данная концепция остаётся популярной долгие годы, имеет перспективы роста как за счет тесной взаимосвязи с местным сообществом, так и невысокой сложности реализации. Концепция национальной кухни в Центральной Азии является довольно широко распространенной, но вместе с тем она претерпела неповторимые изменения в особой транснациональной обстановке. На основе изучения сложившихся традиций, современных социально-экономических и культурных аспектов стран Центральной Азии видно, что на практике происходит адаптация, слияние, новое характерное развитие и создается особая, уникальная концепция многонациональной кухни. Для успешности заведения должно уметь сбалансировать желание быть аутентичными с практичностью предоставления уже знакомого потребителю, правильно развивать данную концепцию с учетом особых требований местного сообщества и тенденций изменений в отрасли.

Цель исследования – изучить особенности концепций заведений общественного питания различного формата на примере Республики Казахстан и города Тараз, в частности и, на этой основе, исследовать причины появления, факторы успешности и перспективы развития уникальной концепции многонациональной кухни с учетом общемировых тенденций.

В качестве гипотезы выдвинуто предположение о том, что в Казахстане развитие получила уникальная концепция национальной кухни – концепция «многонациональной кухни», напрямую зависящая от сложившихся социально-культурных отношений и имеющая в настоящее время хорошие тенденции к росту.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Экспертами и аналитиками в настоящее время определены и систематизированы основные тенденции успеха заведений общественного питания, среди которых:

- демократизация в атмосфере и цене, повышение культуры потребления и требований к хорошей и качественной еде по доступным ценам;
- заведения питания более превращаются в место для еды, а не только для общения вследствие загруженности современного человека и отсутствия, в связи с этим возможности готовить еду самостоятельно;
- тенденция хорошего сервиса и аутентичности;
- усреднение и пересечение форматов (под форматом заведения общественного питания понимается бизнес-схема, стандартизованная форма подачи объекта питания, которая зависит от социальной и экономической потребности; форматы разнообразны и зависят от населённых пунктов и возможностей).

Упаковкой формата выступает концепция заведения питания и первоначально, для успешного старта, необходимы инвестиции именно в концепции.

Концепция заведения общественного питания включает в себя все различные элементы данного бизнеса: качество, меню, цены, атмосфера, управление, расположение, питание и сервис. Важно, чтобы все эти части концепции соответствовали друг другу, соответствовали рынку и обращались к своей цели, чтоб концепция была прибыльной [7; 8]. Неважно, что это за концепция, всегда должен быть рынок, который ее поддерживает, и клиенты, которые будут пользоваться этой услугой. Концепция сильна, если она четко определена, а все различные части соединены и работают для создания целостной, яркой и легко запоминающейся индивидуальности ресторана [7]. Название заведения является частью концепции и должно соответствовать идеологии концепции, а также всем другим внешним и внутрен-

ним факторам ресторана, среди которых можно назвать принципы организации внешнего оформления; дизайн, стиль интерьера и мебель; требования к персоналу и униформе; меню; логистику; принципы ценообразования; рекламно-маркетинговые мероприятия.

Существуют различные способы разработки концепции заведений общественного питания, среди которых есть наиболее типичные. Один из вариантов – возможно по аналогии или путем творческой обработки уже существующей идеи и ее приспособления к местным реалиям. Другой способ, наиболее типичный для людей с предпринимательскими навыками, – по ощущению незанятой части рынка. Еще одним интересным и успешным путем является разработка концепции заведения общественного питания с ориентацией на определенный сегмент потребителей. Использование возможностей конкретного места – это путь для разработки концепции, который чаще всего связан с необходимостью ориентации только на имеющийся сегмент потребителей. Но здесь необходимо следовать не копированию идей, а созданию собственных. Еще один способ разработки концепции – как ответ на изменения стиля жизни, появление новых интересов у целевой аудитории, «веление времени».

Но, в любом случае, разработке концепции заведения должны предшествовать маркетинговые исследования. Полученные данные позволят оценить текущую ситуацию, оценить конкурентов, выбрать необходимый рыночный сегмент и спрогнозировать перспективу развития. Детальная проработка концепции ресторана необходима как дополнительная проверка состоятельности ресторанный идеи, для формирования целостного представления о деятельности всех ресторанных служб.

Одна из востребованных концепций вне зависимости от формата заведения – это концепция национальной или, как ее часто называют, этнической кухни. Это концепция, выстраиваемая вокруг определенной кухни – казахской, корейской, индийской или итальянской и т. д. Она довольно проста – меню, декор и название ресторана также должны отражать этническую кухню. Этническое питание всегда было популярно в сфере ресторанного бизнеса с момента появления, и данная концепция остается в тренде уже долгие годы. С исторической точки зрения появление заведений с этнической кухней является следствием процесса глобализации. Например, в США рост ресторанов, вдохновленных этническими мотивами, связан с ростом испаноязычного населения, которое, по прогнозам Synovate, Бюро переписей США, к 2050 году может достичь 155 миллионов человек [9].

Однако, вследствие усиления при глобализации процессов национальной идентичности, включающих и прагматизм продуктов питания и моделей потребления пищи, происходит особое взаимодействие «местного» и «глобального», перерастающего в нечто новое, что и позволяет создавать новые необычные концепции.

В мире сегодня растёт количество стран с приростом иммигрантов, для которых заведения национальной кухни являются связующим звеном с прошлым, через нее люди могут обмениваться культурным опытом и совершать маленькие гастрономические открытия. Заведения с национальной кухней преуспевают в тех местах, где большая часть местного населения восприимчива к ним. Однако, вместе с тем, такие заведения должны сбалансировать желание быть аутентичными с практичностью предоставления чего-то уже знакомого широкой аудитории [10]. Все задействованные в процессе социальные субъекты – посетители, владельцы, повара, официанты – все участвуют в своеобразном транснациональном пространстве этнического ресторана, хотя и с различным вкладом. Именно своеобразная транснациональная обстановка делает этнический ресторан особым местом. Здесь некоторые блюда, бывшие типичными только для какого-либо региона, изменяются и становятся воплощением национальных кухонь (как пример «ташкентский чай», «самаркандский плов» и т. д.). Выбор блюд для меню, конечно, зависит от конкретных местных условий и наличия необходимых продуктов, но более всего – от лояльности потребителей.

В этом сегменте лежит также одна интересная тенденция: популярность заведений с концепцией национальной кухни напрямую связана со спросом на продукты этнического происхождения. Анализ заведения питания с концепцией национальной кухни влечет за собой акцент на производство и потребление этнических продуктов и, безусловно, влияет как на структуру потребления пищи коренным населением, так и ее производство. Перспективным выглядит будущее рынка этнических продуктов, например, в Европе, которая все больше вбирает различные культуры, все больше национальностей

обосновываются здесь и это является движущей силой создания заведений общественного питания с концепцией национальной кухни. Также сами современные европейцы являются путешественниками и по возвращении они ищут такую же любимую еду в своем городе.

Заведения с концепцией национальной кухни можно разделить на два вида. Первый – это заведения непосредственно этнической кухни основного населения страны, а второй – рестораны иных культур. Можно предположить, что две разновидности будут пользоваться популярностью среди разных сегментов клиентов. Местные жители, скорее всего, пойдут в ресторан, где представлена другая, не знакомая им кухня, так как собственные национальные блюда являются для них частью повседневной жизни. В то же время туристы, мечтая окунуться в местный колорит однозначно признают, что ничто не может помочь им в этом лучше, чем знакомство с национальной кухней и заведения с местной кухней будут очень популярны. Так, к примеру, в больших туристических городах России наиболее популярной концепцией у рестораторов является национальная кухня – по данным аналитиков [11] в Москве или Санкт-Петербурге, почти каждый второй ресторан имеет у себя в меню блюда русской кухни. Известно также, что в Европе развитие и популяризации этнической кухни происходило еще масштабнее. Сейчас данная концепция является самой распространенной и в других странах. Определенные этнические продукты становятся мейнстримом, рынок этнических продуктов находится в сильной позиции и будет продолжать расти и развиваться в ближайшем будущем [12].

Развитие концепции национальной кухни во всех странах мира напрямую связано с развитием международного туризма, который объединяет многие уровни различной функциональной направленности: производственный, технологический, маркетинговый, управленческий, социокультурный, этнокультурный, национально-культурный и универсально-культурный [13; 14].

Питание в заведении с этнической концепцией следует рассматривать как социальную и культурную практику. А принимая во внимание «гетеротопию» национальной кухни некоренного населения, этнический ресторан концептуализирован как особое место потребления пищи, но при этом оно изначально является транснациональным [10]. В меню заведений национальной кухни часто встречаются блюда традиционной местной культуры. Это связано с тем, что местная кухня обязательно формирует часть мультикультурного гастрономического пространства. На практике блюда часто адаптируются друг к другу или сливаются, создавая новую, особую транснациональную кухню.

Данные для исследования были собраны с помощью анкеты – опросника потребителей, а также вторичных данных из Интернета и научной литературы, чтобы создать основу для эмпирического исследования. Так как целью работы являлось изучение особенностей концепций заведений питания в странах ЦА, то основной задачей ставилось изучение индивидуального опыта и групповых норм восприятия клиентами опыта посещения заведений общественного питания различных концепций и форматов. Использовали метод качественного исследования [15].

Опрос был проанализирован простыми статистическими методами с использованием программы MS-EXCEL.

В опросе участвовали представители заведений общественного питания типового для Республики Казахстан города Тараз. Опрос проводился на предмет знакомства с понятием концепции заведения, правилами ее разработки и реализации, факторов, влияющих на успех, возможностей дальнейшего развития. Изучен фактический опыт работы в плане формирования, реализации, а также наличия правильного понятийного аппарата в области концепций заведений общественного питания у административного персонала и сотрудников заведений.

Для организации интервью с представителями бизнес среды заведений общественного питания, охват заведений включал в себя предварительный отбор мест по списку заведений подобного рода, представленных на сайте города Тараз, и ставил целью охватить не менее 60 % от их общего количества, расположенных в различных частях города (не включая, разумеется, небольшие точки с фаст-фудом).

При проведении интервью, один из авторов, либо отобранные и подготовленные студенты присутствовали в ресторане и предоставляли опросные листы респондентам, чтобы помочь физически заполнить их, правильно находить клиентов для целевого исследования, гарантировать возможность предложить больше информации об опросе, а также ответить на любые вопросы, которые могли воз-

никнуть у респондентов относительно анкеты. Присутствие авторов при опросе также способствовало увеличению количества ответов, поскольку многие респонденты указали на желание участвовать в исследовании в присутствии интервьюера.

Выбор для интервью анкеты с закрытыми и открытыми вопросами способствует лучшему выражению мыслей клиентов, предоставляя свободу отвечать на вопросы своими словами, а также ограничивая предложение вариантами ответов, с целью исключения поведения клиентов в определенном направлении. Во втором опросе большой блок нацелен на исследование положения заведения на рынке путем определения конкурентных преимуществ, удобства месторасположения, периода наибольшей загрузки, среднего чека, возрастной категории основных потребителей. Комплекс вопросов посвящен исследованию развития в идее заведения этнической (национальной) кухни. При этом учтены некоторые ограничения к результатам анкетирования, которые связаны с достоверностью ответов самих респондентов [16].

Разработка концепции является важнейшей частью ресторанной индустрии. Если концепция или имидж теряют свою привлекательность и становятся устаревшими для рынка, например, из-за конкурентной среды, снижения продаж или неудовлетворённости клиентов этой концепцией, то могут потребоваться изменения в концепции. Однако, несмотря на причину, изменения в концепции, небольшие или экстремальные, необходимы для выживания компании в конкурентной среде и для удовлетворения постоянно меняющихся потребностей клиентов. Таким образом, непрерывная адаптация имеет решающее значение в индустрии общественного питания. С этой целью в ходе исследования были опрошены представители 83 заведений общественного питания города Тараз. Целью данного опроса являлось изучение особенностей разработки и модификации концепций заведений общественного питания различного формата.

Профили объектов были различны и включали: информацию о формате заведения, местоположении, режиме работы, среднем чеке, меню, основном сегменте потребителей. В качестве респондентов в опросе приняли участие сотрудники заведений различного пола, возраста и занимаемой должности. Ранжирование по занимаемой должности показывает, что половину опрошенных составили администраторы заведений – 42 человека, 17 – официанты, 19 человек – представители других категорий (бухгалтер, кассир, бармен, повар), а также 5 – владельцы заведений. Большинство респондентов составили женщины (почти 70 %). По возрасту респонденты распределились следующим образом: возрастная группа от 20 до 30 лет – 46 %, группа старше 30 лет – 37 %, и менее 20 лет – 17 %.

Одним из показателей оценки заведений общественного питания со стороны потребителей, которая осуществляется, как правило, по комплексу критериев, являлась оценка по отзывам посетителей на основе информации, представленной в сети интернет на наиболее популярных сайтах Google, Yandex, TripAdvisor. Исследование удовлетворенности клиентов включает в себя различные критерии, которые вместе формируют общий имидж заведения. В опросах выделяют такие критерии как: атмосфера заведения, комфорт или уют, широта и проработанность ассортимента блюд, качество еды, а также качество обслуживания.

Для определения качества обслуживания при составлении анкеты использовали известную модель [16], которая включает следующие группы показателей:

- материальные ценности: физические средства, оборудование и внешний вид персонала;
- надежность: способность надежно и точно предоставлять обещанные услуги;
- отзывчивость: готовность помочь клиентам и обеспечить быстрое обслуживание;
- обеспечение: знания и вежливость сотрудников, способность внушать доверие и уверенность;
- эмпатия или иначе забота, индивидуальное внимание.

Большинство из исследованных заведений общественного питания города имеют высокие оценки в социальных сетях. Заведения по оценкам можно разделить для удобства на группы, к примеру, «превосходно» – от 5,0 до 4,5 баллов, «отлично» – от 4,5 до 4,0 баллов, «хорошо» – от 4,0 до 3,5 и «удовлетворительно» – ниже 3,5. В общем виде перечень заведений здесь состоял из 79 объектов, средняя арифметическая оценка показала достаточно высокий рейтинг заведений (Рисунок 1). К сожалению, часть из исследованных объектов не были представлены в рейтингах ни на одном из сайтов, что гово-

рит о недостаточной рекламно-информационной деятельности заведения.

Рисунок 1 – Количество заведений, имеющих оценки на сайтах, и их средняя оценка
Примечание – составлено авторами по результатам исследования

Для изучения степени ориентации респондентов в понятиях и особенностях разработки и продвижения концепции заведений общественного питания, нами был задан комплекс вопросов для раскрытия понятий идеи и концепции. Разработка концепции, как известно, трудоёмкий процесс, который занимает много времени и требует слаженной работы большого коллектива. В структуре концепции, как известно, [17] выделяют следующие составляющие: название, которое должно быть связано с избранной темой ресторана; меню; дополнительные услуги, предоставляемые заведением; реклама и маркетинг; персонал и обслуживание; дизайн и ценовая политика. Анализ и поэтапное внедрение всех элементов для привлечения целевой аудитории и есть соблюдение принципа последовательности в брендинге заведения.

Из результатов анкетирования, к сожалению, большая часть полей осталась незаполненной в связи с тем, что респонденты не смогли ответить на вопросы о концепции, об основной идее заведения. Только в некоторых из них, и именно в тех, где были даны полные ответы (порядка 25 % опрошенных заведений), было отмечено, что в разработке концепции принимали участие члены всего коллектива – директор, менеджеры, другие сотрудники или также привлекаемые со стороны специалисты. Именно здесь прослеживается другой важнейший принцип формирования бренда – принцип *целостности* или содержания идеи в каждом элементе. В 40 % ответов сотрудники указали, что разработчиком концепции является владелец или администратор. Многие респонденты пытались сформулировать идею по ходу интервью, опираясь на декларируемые слоганы заведений или на особенности меню.

Когда над концепцией работает группа, то, как отмечают специалисты, главное – не потерять идею, потому что концепция специалистами разных отраслей (дизайнер, маркетолог и др.) может быть понята и реализована по-разному. Зачастую успешной может стать концепция, которой занимается один человек – инициатор, автор, бизнес-девелопер. Лучше если с соответствующим профильным образованием, а если это будет владелец, то концепция точно нацелена на успешность.

Если в разработке концепции принимали участие члены всего коллектива, то они ясно представляют себе возможности и трудности, с которыми приходится сталкиваться. Ответы респондентов на вопрос анкеты «трудности реализации концепции» (открытый вопрос) распределились по частоте упоминания следующим образом: высокие затраты, сложность создания концепции, небольшой сегмент клиентов под отдельную идею. Поиск и привлечение хорошего повара является основной трудностью для реализации меню под любую идею. Среди трудностей респонденты назвали также высокие затраты на интерьер под концепцию. Это еще одна из особенностей и трудностей при формировании кон-

цепта – адекватность, т. е. когда в идеях можно зайти слишком далеко, создавая в заведении атмосферу и интерьер. Некоторые респонденты из заведений с уже сложившимся брендом, и имеющие популярность в городе, среди причин, связанных более с опытом реализации концепции, указали «сложность полной проработки идеи». В выгодной позиции здесь оказались заведения, входящие в состав сетей.

Опрошенные представители / сотрудники заведений (только 52 или 63 % из них) обозначили среди конкурентных преимуществ собственных заведений в анкете такие как (ранжированы далее по снижению степени упоминания):

- «особенности кухни / меню, отличный повар, уникальные рецепты» – 23 заведений;
- «отличное место расположения заведения» – 13;
- «привлекательный интерьер и дизайн» – 7;

К сожалению, высокое качество обслуживания среди преимуществ отметили представители только 9 заведений. Привлекательной для посетителей свою концепцию считает только 1 заведение, которое имеет и удобное место расположения, и достаточно высокий уровень обслуживания при демократичных ценах.

Количество предложений со стороны рейтинговых заведений и заботящихся о своем развитии обычно растёт даже быстрее, чем спрос, такие заведения постоянно находятся в поиске новых посетителей. При этом вследствие объективных причин целевая аудитория ресторанного бизнеса также меняется. Задача поиска новых клиентов почти всегда стоит у владельцев и управляющих на первом плане. Тщательный и последовательный подход к определению целевой аудитории также позволяет легче планировать и строить маркетинговую стратегию [5]. Поэтому вопрос о целевой аудитории и понимание важности этого со стороны самого заведения занимал особое место в анкете. Для этого в анкету были включены два блока вопросов: в верхней части анкеты – для характеристики сегмента посетителей, которые в настоящее время являются превалирующими для заведения, а во второй части – о том, на какой сегмент рассчитывает заведение на основе концепции. Анализ целевой аудитории является одним из главных направлений при разработке или изменении концепции. Для этого владелец производит сегментацию рынка на группы, для каждой из которых разрабатывается определённое товарное предложение и услуги; определяет основных и потенциальных посетителей – оценке подвергается возрастной состав потребителей, их платёжеспособный спрос, характерные привычки и предпочтения. Место проживания и доход считаются существенными факторами, влияющими на решение о питании вне дома, но при этом возраст и образование также являются влияющими культурными факторами [6]. Преимущественный возрастной сегмент посетителей, безусловно, зависит от вида и формата заведения, что подтверждается данными опроса – более солидные заведения с высоким средним чеком, преимущественно посещают клиенты старших возрастных групп. Основная категория среди охваченных заведений относится к формату сегмента посетителей со средним доходом. Средний чек в этих заведениях, количество которых среди исследованных около 50 %, составляет: завтрак – 1000-2000 тг, обед – 2000-3000 тг, ужин – 3000-5000 тг. Только 15 % заведений – заведения более высокого класса, что в целом соответствует среднему распределению по форматам в аналогичных городах страны.

Кухня и меню являются одними из главных составляющих концепции. Она может быть направлена как на широкий выбор классических блюд и напитков, так и на приготовление популярных блюд или этническую кухню (с преобладанием, к примеру, старинных и малоизвестных рецептов). С помощью анкеты планировалось выяснить, какая именно кухня является доминирующей в заведении, почему и насколько широко она представлена (рисунок 2). В связи с тем, что по предварительной информации из ресурсов интернет выяснилось, что подавляющее число кафе и ресторанов города не имеют четко выраженной этнической концепции, в анкету был введен вопрос о том, какая кухня является в заведении наиболее популярной. В анкету был также включен вопрос открытого типа о факторах, влияющих на популярность этнической кухни.

Как правило, туристам, желающим попробовать национальную казахскую кухню, можно найти заведение для данной цели без особых проблем, так как концепция национальной кухни и в Казахстане является самой популярной. Но также большой популярностью у местных жителей пользуются заведе-

ния с концепцией национальной кухни других стран. Зачастую тяжело найти заведение с концепцией национальной кухни одной страны, а вот прийти в ресторан и увидеть там и узбекскую, и русскую, японскую и итальянскую кухню в одном меню – вполне распространенное явление.

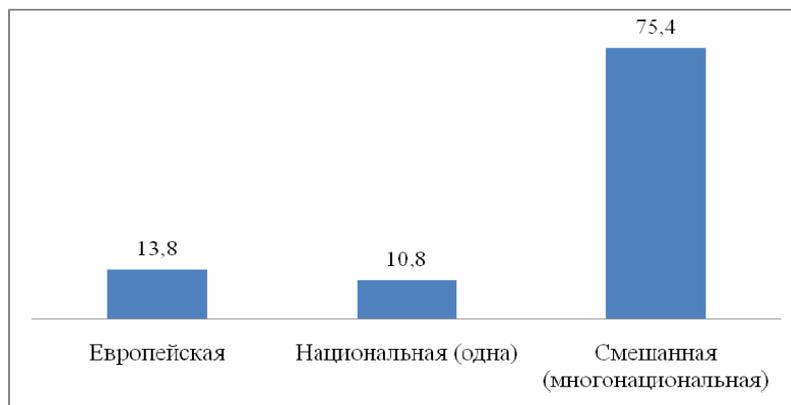

Рисунок 2 – Распределение представленной в заведении питания кухни по группам (%)
Примечание – составлено авторами по результатам исследования

Как видно по итогам интервью, среди представленных заведений, отдельно одна национальная кухня, а именно казахская, русская, корейская или грузинская – имеется только в 7 заведениях, что составляет 10,8 %. Более всего в заведениях представлена смешанная кухня – чаще всего она называется «восточная» и включает кухню народов Центральной и Средней Азии – это более 75,4 % исследованных заведений, при этом иногда наряду с другим трендом «европейской» кухни. Европейская кухня также вызывает предпочтение у определенного сегмента посетителей и является основной в 13,8 % заведений. При интервьюировании среди сотрудников заведений по вопросу «какая кухня пользуется предпочтением у клиентов заведения?» также было отмечено, что блюда европейской кухни являются ведущими у гостей более чем в 35 % заведений. Вместе с тем, само понятие «европейская кухня» включает смешанные кухни, завоевавшие популярность за быстроту приготовления, умеренную цену и возможное многообразие. Пиццерии и суши-бары популярны и успешны за более неформальную, а также доброжелательную к детям атмосферу.

Положительным эффектом от концепции такой разнообразной, многонациональной кухни является высокая востребованность, что и отмечается в анкете респондентами при ответе на вопрос о том, с какой целью в заведении представлены кухни разных народов. Подавляющее большинство сотрудников заведений ответили, что это делается с целью расширения целевой аудитории через расширение ассортимента меню.

Отрицательный фактор для заведений разных форматов, реализующих такую многообразную кухню, заключается в том, что крайне тяжело создать идею и, тем более, установить рамки оформления в каком-либо определенном этническом стиле. Однако, это дает возможность владельцам развивать концепции, непривязанные к национальным культурам и значительно расширить список идей для брендирования.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Таким образом, отличительной особенностью концепции национальной кухни в Казахстане считается ее уникальное торговое предложение – идея транснациональной или вернее – многонациональной кухни. Для заведения общественного питания с этнической кухней типично продвижение одной определенной модели, при этом интерьер, меню, музыка и т. п. внутри заведения помогают лучше окунуться в традиции. Но в Казахстане заведения подобного типа можно встретить не часто. Обычно в одном заведении сервируются блюда различных, зачастую сильно отличающихся друг от друга этнических концепций, с использованием как местных, этнических продуктов, так и других. Концепция

заведений общественного питания национальной кухни с такими особенностями не является широко распространённой в мире. Но, как известно, особенности выбора и реализации концепции зависят от спроса на предлагаемые услуги.

Целью настоящего исследования являлось изучение особенностей концепций заведений общественного питания различного формата на примере типового для Республики Казахстан города областного значения, определение причин появления уникальной концепции, факторов ее успешности и перспектив развития с учетом общемировых тенденций.

По итогам работы:

1. Определены причины появления и развития концепции многонациональной кухни. В Казахстане данная концепция приобрела особую популярность благодаря тому, что среди населения Казахстана всегда было единство и смешение типично национальных кухонь и потому современному потребителю сложно выбрать что-то одно. Причиной развития такой интересной концепции «многонациональной кухни» в Казахстане могли служить несколько особенностей:

- проживание на территории страны более 100 национальностей, огромный культурный обмен и взаимодействие между ними, в том числе культурой питания, опытом, традициями, и как следствие, у последующих поколений – их смешение; Казахстан, как подчеркнул Президент Касым-Жомарт Токаев – это территория дружбы и согласия, где народ проживает под девизом «единство в многообразии»;

- современные тенденции развития ресторанного бизнеса и предпочтения посетителей заведений общественного питания, то есть посещение для празднования определенных событий, отдыха компаниями или в кругу коллег, среди которых всегда есть представители разных национальностей;

- предпочтение знакомых вкусовых ощущений.

2. Определены особенности разработки концепции и положительные факторы, соответствующие современным трендам:

- концепция многонациональной кухни отвечает одной из современных тенденций успеха заведений общественного питания – усреднение и пересечение форматов, смешение стилей и направлений;

- реализация в заведении одной из самых успешных и востребованных кухонь - национальной, имеющей тенденции роста;

- высокая склонность к аутентичности (большое разнообразие при глубокой проработке составных частей);

- хорошая взаимосвязь с местными производителями вследствие особенностей меню;

- широкие возможности для разнообразного развития большинства обязательных элементов концепции, которые, всегда могут быть востребованы сразу несколькими сегментами потребителей: меню, атмосфера, расположение, спектр цен, питание и сервис;

- определенная легкость проработки внешних и внутренних факторов концепции, таких как оформление, дизайн, униформа, рекламно-маркетинговые мероприятия и другое;

- особые требования и одновременно широкие возможности к формулировке названия заведения, обязанного соответствовать идеологии концепции;

- использование возможностей места расположения заведения при разработке концепции, а также простота ориентации на определенный сегмент потребителей для успешности;

- неограниченные возможности для развития на основе творческой обработки уже существующих идей, их приспособления к местным реалиям;

- простор и гибкость при подборе персонала;

Подобная концепция всегда создает уникальное торговое предложение, яркую и легко запоминающуюся индивидуальность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коновалов К. Л., Мусина О. Н., Амирасланов И., Шулбаева М. Т. Традиции в питании человека и производство пищевых продуктов // Пищевая промышленность. – 2012. – №4. – С. 63–65.

2. Смыкова М. Р. Ресторанный маркетинг Казахстана // Материалы II Международного симпозиума: История еды и традиции питания народов мира. Выпуск II [сборник статей]. – М.: Центр по изуче-

нию взаимодействия культур, 2016. – 460 с.

3. Смыкова М. Р., Рахимбекова Ж. С. Перспективы развития ресторанного маркетинга Казахстана. // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. – 2019. – №2. – С. 60–68.

4. Тонышева Л. Л., Кузьмина Н. Л. Стратегическое развитие сервисного бизнеса // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1. – С. 303.

5. Немкова Е. В. Факторы и типы потребительского поведения на рынке продовольственных товаров. // Экономическая социология. – 2008. – Том 9. – № 5. – С. 68–85.

6. Rekom J., Go F. Cultural Identities in a globalizing world: conditions for sustainability of intercultural tourism // *Tourism and Social Identities: global frameworks and local realities*. – 2006. – Oxford: Elsevier Ltd. – Chapter 6 – P. 79-90. – DOI 10.1016/B978-0-08-045074-2.50010-2

7. Walker R., Andrews R., Boyne G.A. The impact of management on administrative and survey measures of organizational performance. – 2011. – 345 p.

8. Baraban R. S., Durocher J. F. Successful restaurant design. – 2010. – 336 p.

9. Nuetzenadel A., Trentmann F. Food and globalization: consumption, markets and politics in the modern world. – 2008. – Berg Publishers. – 328 p.

10. Shortridge B., Shortridge J. The Taste of American Place: A Reader on Regional and Ethnic Foods. – Rowman& Littlefield Publishers, Inc. – 1999. – 188 p.

11. Информационный портал, посвященный ресторанному бизнесу «Restoranoff.ru» [Электронный ресурс]. – 2019. – URL: www.restoranoff.ru/ (дата обращения: 02.10.2019).

12. Heuschen&Schrouff. Oriental Foods Trading BV [Электронный ресурс]. – 2011. – URL: <https://www.heuschenschrouff.com/> (дата обращения: 15.08.2019).

13. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – Изд. 3-е – М.: Академический Проект, 2004. – 992 p.

14. Мошняга Е. В. Идентичность в системе концептов туризма (межкультурный коммуникативный аспект) // *Власть*. – 2009. – № 2. – С. 50–53.

15. Mack N., Woodson G., Guest G., Namey E. Qualitative research methods: a data collector's field Guide. – 2005. – 128 p.

16. Parasuraman A. P., Zeithaml V., Berry L. SERVQUAL: A multiple-item Scale for measuring consumer perceptions of service quality. – 1988. – 248 p.

17. Johnson R. 4 Styles of Service in the Restaurant Business [Электронный ресурс] // *Chron* [web-сайт]. – 2019. – URL: <https://smallbusiness.chron.com/4-styles-service-restaurant-business-22923.html> (дата обращения: 03.10.2019).

REFERENCES

1. Konovalov, K. L., Musina, O. N., Amiraslanov, I. and Shulbaeva, M. T. (2012). Tradicii v pitanii cheloveka i proizvodstvo pishchevyh produktov. *Pishchevaya promyshlennost*, 4, 63–65 (In Russian).

2. Smykova, M. R. (2016). Restorannyj marketing Kazahstana. Proceedings of the II International Symposium: History of food and eating traditions of the peoples of the world. Issue II [collection of articles], Center for the Study of Interaction of Cultures, Moscow, 460 p.

3. Smykova, M. R. and Rakhimbekova, Zh. S. (2019). Perspektivy razvitiya restorannogo marketinga Kazahstana. Research Result. *Business and Service Technologies*, 2, 60–68 (In Russian).

4. Tonysheva, L. L. and Kuzmina, N. L. (2013). Strategicheskoe razvitie servisnogo biznesa. Modern problems of science and education, 1, 303 (In Russian).

5. Nemkova, E. V. (2008). Faktori i tipi potrebitelskogo povedeniya na rinke prodovolstvennyh tovarov. *Journal of Economic Sociology*, 9(5), 68–85 (In Russian).

6. Rekom, J. and Go, F. (2006). Cultural identities in a globalizing world: conditions for sustainability of intercultural tourism. *Tourism and Social Identities: global frameworks and local realities*, Elsevier Ltd, Oxford, Chapter 6, 79–90, DOI: 10.1016/B978-0-08-045074-2.50010-2

7. Walker, R., Andrews, R. and Boyne, G. A. (2011). The Impact of Management on Administrative and

Survey Measures of Organizational Performance, 345 p.

8. Baraban, R. S. and Durocher, J. F. (2010). Successful restaurant design, 336 p.

9. Nuetzenadel, A. and Trentmann, F. (2008). Food and globalization: consumption, markets and politics in the modern world, Berg Publishers, 328 p.

10. Shortridge, B. and Shortridge, J. (1999). The Taste of American Place: A Reader on Regional and Ethnic Foods, Rowman&Littlefield Publishers, Inc., 188 p.

11. Information portal dedicated to the restaurant business «Restoranoff.ru» (2019). Retrieved October 2, 2019, from www.restoranoff.ru/

12. Oriental foods trading BV (2011). Heuschen&Schrouff. Retrieved August 15, 2019, from <https://www.heuschenschrouff.com/>

13. Stepanov, Yu. (2004). Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury, Academic Project Publishers, Moscow, 3rd edition, 992 p. (In Russian).

14. Moshnyaga, E. V. (2009). Identichnost v sisteme konceptov turizma (mejkulturnii kommunikativnii aspekt). *Vlast'*, 2, 50–53 (In Russian).

15. Mack, N., Woodsong, C., Guest, G. and Namey, E. (2005). Qualitative Research Methods: A Data Collector's Field Guide, 128 p.

16. Parasuraman, A. P., Zeithaml, V. and Berry, L. (1988). SERVQUAL: A multiple-item Scale for measuring consumer perceptions of service quality, 248 p.

17. Johnson, R. (2019). 4 Styles of Service in the Restaurant Business. *Chron*. Retrieved October 3, 2019, from <https://smallbusiness.chron.com/4-styles-service-restaurant-business-22923.html>

CONCEPT OF MULTINATIONAL CUISINE IN THE PUBLIC CATERING MODERNIZATION SYSTEM OF KAZAKHSTAN

Zh. A. Nazikova¹, N. P. Chernyavskaya¹, G. K. Mukhanova^{2*}

¹«Dulaty University», Taraz, Republic of the Kazakhstan

²«Kazakh Academy of Labor and Social Relations», Almaty, Republic of the Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the research is to establish and develop effective concepts in the catering industry, their constant adaptation in accordance with modern trends is necessary for the survival of the company in a competitive market. One of the simple and popular concepts, regardless of the format of the institution, is the national cuisine. At the same time, this concept was transformed into an independent direction in Kazakhstan due to the peculiarities of the social and cultural development of the country. This concept is still not fully understood, does not have a clearly defined definition, description of the features of the components. In this regard, the purpose of the research is to study the features of the concepts of public catering establishments of various formats on the example of the Republic of Kazakhstan and the city of Taraz, in particular, and, on this basis, to study the reasons for the emergence, success factors and prospects for the development of a unique concept of multinational cuisine, taking into account global trends.

Methodology. The study used a systematic analysis of the concepts of public catering establishments, analysis of the results of scientific research, Internet sources and media materials, developed a questionnaire, interview form, collected and analyzed the results of the survey with various target groups: business communities, employees and visitors of food establishments with coverage of more than 60 % of the city's establishments.

Originality / value of research – complex factors influencing the development, development and success of the concepts of public catering establishments of various formats are investigated. The possibilities of developing ideas for branding based on the study of socio-cultural criteria and demand characteristics are

shown.

Findings – the reasons for the emergence and trends in the development of a unique trade offer in Kazakhstan – the concept of multinational cuisine. The factors that must be considered when creating and promoting the concept of public catering establishments are studied and taken into account. The features of the concept of multinational cuisine and positive factors of development corresponding to modern trends are named.

Keywords: public catering establishments, national cuisine, concept, format, ethnic products, transnational cuisine, multinational cuisine.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚОҒАМДЫҚ ТАМАҚТАНУДЫ МОДЕРНИЗАЦИЯЛАУ ЖҮЙЕСІНДЕГІ КӨПҰЛТТЫ ТАҒАМДАР ТҰЖЫРЫМДАМАСЫ

Ж. А. Назикова¹, Н. П. Чернявская¹, Ғ. Қ. Муханова^{2*}

¹«Dulaty University», Тараз, Қазақстан Республикасы

²«Қазақ еңбек және әлеуметтік қатынастар академиясы», Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты – қоғамдық тамақтану индустриясында тиімді тұжырымдамаларды әзірлеу және дамыту, олардың қазіргі тенденцияларға сәйкес үнемі бейімделуі бәсекелестік нарықта компанияның өмір сүруі үшін қажет. Тамақтану орындарының форматына қарамастан, қарапайым және сұранысқа ие тұжырымдамалардың бірі-ұлттық тағамдар. Бұл тұжырымдама сонымен бірге елдің әлеуметтік және мәдени даму ерекшеліктеріне байланысты Қазақстандағы дербес бағытқа айналды. Мұндай тұжырымдама әзірге толық зерттелмеген, нақты анықтамасы, компоненттердің ерекшеліктері сипатталмаған. Осыған байланысты зерттеудің мақсаты – Қазақстан Республикасы мен Тараз қаласының мысалында, әртүрлі форматтағы қоғамдық тамақтану орындары тұжырымдамаларының ерекшеліктерін зерттеу, атап айтқанда, осыны негізге ала отырып, жалпы әлемдік үрдістерді ескере отырып, көпұлтты асхананың пайда болу себептерін, бірегей тұжырымдамасының табыстылық факторлары мен даму перспективаларын зерттеу болып табылады.

Әдіснамасы – зерттеуде қоғамдық тамақтандыру орындарының тұжырымдамаларына жүйелі талдау, ғылыми зерттеулер нәтижелерін, интернет-көздері мен БАҚ материалдарына талдау қолданылды, сауалнама, сұхбат-нысан әзірлеу жүргізілді, әртүрлі мақсатты топтармен: бизнес-қоғамдастықтармен, қала мекемелерінің 60 %-дан астамы қамтылған, тамақтандыру орындарының қызметкерлерімен және келушілерімен сауалнама нәтижелерін жинау және талдау жүзеге асырылды.

Зерттеу бірегейлігі / құндылығы – әр түрлі форматтағы қоғамдық тамақтану орындары тұжырымдамаларының әзірленуіне, дамуына және табыстылығына әсер ететін күрделі факторлар зерттелді. Әлеуметтік-мәдени критерийлер мен сұраныс ерекшеліктерін зерттеу негізінде брендинг үшін идеяларын жасау мүмкіндіктері көрсетілген.

Зерттеу нәтижелері – Қазақстанда бірегей сауда ұсынысы ретінде көпұлтты тағамдар тұжырымдамасының пайда болу себептері мен даму тенденциялары анықталды. Қоғамдық тамақтану орындары тұжырымдамасын құру және ілгерілету кезінде пысықтауға міндетті факторлар зерделенді және ескерілді. Көпұлтты тағамдар тұжырымдамасының ерекшеліктері және қазіргі заманғы үрдістерге сәйкес дамудың оң факторлары атап көрсетілген.

Түйін сөздер: қоғамдық тамақтану орындары, ұлттық тағамдар, тұжырымдама, формат, этникалық өнімдер, трансұлттық тағамдар, көпұлтты тағамдар.

ОБ АВТОРАХ

Назикова Жанагул Амирхановна – кандидат экономических наук, заведующая кафедрой «Менеджмент», «Dulaty University», Тараз, Республика Казахстан, e-mail: zanagul_73@mail.ru

Чернявская Наталья Петровна – кандидат технических наук, доцент, начальник офис-регистратора «Dulaty University», Тараз, Республика Казахстан, e-mail: chnp_2019@mail.ru

Муханова Гайни Казыбаевна – кандидат экономических наук, доцент, проректор по науке и международным связям, «Казахская академия труда и социальных отношений», Алматы, Республика Казахстан, e-mail: gaini.mukhanova@atso.kz*

МРНТИ 06.73.55

JEL Classification: G21

<https://doi.org/10.52821/2224-5561-2021-3-123-135>

ОЦЕНКА МЕЖБАНКОВСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РАЗРЕЗЕ ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ УСЛУГ

Ю. В. Трофимова^{1*}, Г. А. Конопьянова¹, А. Е. Мамбетказиев¹

¹Казахстанско-Американский Свободный Университет,
Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается методика оценки конкурентоспособности банков в разрезе предоставляемых услуг, проводится оценка на примере ведущих, наиболее крупных казахстанских банков.

Цель исследования – произвести оценку конкурентоспособности услуг наиболее крупных казахстанских банков и определить возможные направления улучшения кредитоспособности по исследуемым банкам.

Методология: для проведения исследования используется комплекс методик, основанных на работах других авторов, в частности, связанных с анализом финансового состояния, рыночной долей банков и качеством предоставления финансовых услуг для клиентов.

Оригинальность (ценность) исследования заключается в выработанной адаптированной методике анализа конкурентоспособности казахстанских банков.

Результаты исследования представляют собой оценки конкурентоспособности банков второго уровня Казахстана (наиболее крупных) на начало 2021 года.

Ключевые слова: банковская конкуренция, конкурентоспособность банка, конкурентные преимущества, оценка банка, банковский рынок.

ВВЕДЕНИЕ

Рынок банковских услуг в настоящее время является высоко конкурентной средой, в которой хоть и работает ограниченное количество игроков (что связано с требованиями к капиталу, лицензированием, с надзором за деятельностью банков второго уровня), но конкуренция между ними острая, и конкуренция эта касается и активных, и пассивных, и комиссионных операций банков. То есть, это конкуренция и за ресурсы, и за активы, приносящие доход, и за клиентов и возможность получения доходов от предоставления им тех или иных финансовых услуг. Рост конкурентоспособности каждого конкретного банка может способствовать изменению его рыночной доли по определенным услугам, за чем следует рост его доходов и прибыли. Именно поэтому повышение конкурентоспособности – основная задача, стоящая перед каждым банком второго уровня в условиях межбанковской конкуренции. При этом, повышение конкурентоспособности определяется, прежде всего, повышением конкурентоспособности конкретных банковских услуг и продуктов (комплексом услуг). Чем банковские услуги более отвечают потребностям клиента, тем в большей мере предложение банка идет навстречу клиентскому спросу, тем больше клиентов может привлечь банк при должном продвижении собственных услуг и продуктов. Именно это и определяет актуальность темы.

Вопросы банковской конкурентоспособности рассматриваются, в частности, такими авторами как А. Р. Базаева, Р. М. Буквич, Ю. Коробов, О. А. Синиченко, А. Ю. Чучелин.

Конкурентоспособность банка как понятие вытекает напрямую из понятия банковской (межбанковской) конкуренции. При этом, Банковская конкуренция – одна из видов рыночной конкуренции, которая является достаточно интенсивной, имеет разные формы и методы, и благодаря ней развиваются как сами банки, так их продукты, банковские инновации [1, с. 66]. Банковская конкуренция является

борьбой между банками за клиента, за его спрос, за рост рыночной доли. В то же время, ею регулируется данный рынок и банковская система, она способствует развитию в данной сфере и в экономике в целом [2, с. 20]. При этом, специфика банковской конкуренции, как отмечает А.Р. Базаева, связана тем, что конкуренция имеет место по разным направлениям, по-разному влияет на разные виды банковских услуг и продуктов [2, с. 20].

Ю. Коробов также отмечает сложный характер межбанковской конкуренции, и ее разные направления: за ресурсы, за клиента по активным операциям, за иные направления финансовых услуг. Банковский рынок состоит из разных включаемых в него рынков услуг, отчего банковская конкуренция имеет место на каждом из рынков банковских услуг [3]. В свою очередь, О.А. Синиченко определяет конкурентоспособность банка как конкурентоспособность, прежде всего, его услуг как составляющих деятельности банка. Помимо конкурентоспособности каждого вида услуг и формируемых на их основе продуктов конкурентоспособность характеризуется долей рынка на разных видах рынков, где работает банк, а также финансовыми показателями деятельности банка (активы, прибыль, рентабельность, ликвидность) [4]. А. Ю. Чучелин также исходит из того, что, определяя конкурентоспособность банка, следует учитывать и общие финансовые показатели его деятельности, их динамику, а также отдельные рейтинги банка в разных направлениях, отдельные показатели, характеризующие развитие тех или иных банковских услуг в банке (деPOSITный и кредитный портфель, например, их динамику). Все это отражает текущее положение и его изменение в процессе деятельности банка, по сравнению с другими банками – то есть, изменение конкурентной позиции банка [5, с. 68]. Конкурентоспособность банка во многом определяется его инновационностью, внедрением новых продуктов и технологий [6], и в то же время значительное влияние играет маркетинговая и финансовая политика банка [7].

Методы анализа конкурентоспособности коммерческих банков (банков второго уровня) рассматриваются такими авторами как В.С. Кромонев, который анализ конкурентоспособности связывал тесно с анализом надежности банка на основе финансовых коэффициентов [8; 9]. Это также Т. Ф. Мельникова и соавторы, которые рассматривали при анализе конкурентоспособности банков их рыночные доли, изменение рыночных долей, доходность, динамику развития услуг и прочее [10]. Также сюда можно отнести те методики, которые основываются на оценке конкурентоспособности в разрезе отдельных банковских услуг и продуктов, которые были рассмотрены такими авторами, как И. А. Чеховская и В. В. Ярова [11], М. В. Годун [12], А. Р. Альшина [13], А. М. Шапошников [14].

Объектом исследования в статье выступили крупнейшие банки второго уровня (БВУ), то есть, коммерческие банки Республики Казахстан, а именно:

- АО «Народный Банк Казахстана»;
- ДБ АО «Сбербанк»;
- АО «KASPI BANK»;
- АО «ForteBank»;
- АО «Банк ЦентрКредит».

При этом, предмет исследования – конкурентоспособность каждого из данных банков, включая конкурентоспособность услуг и продуктов этих банков.

Цель исследования – провести анализ конкурентоспособности исследуемых банков из топ-5 казахстанских банков, определить наиболее конкурентоспособные из них, обозначить направления повышения конкурентоспособности для остальных.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методы исследования, которые применяются в статье, основаны на оценке надежности банка В. С. Кромонова, на оценке рыночного положения, которая рассматривалась Т. Ф. Мельниковой, а также на оценке конкурентоспособности по банковским услугам и продуктам.

В. С. Кромонев для оценки надежности предлагает расчет индекса надежности, при определении которого учитываются следующие показатели (Таблица 1):

Таблица 1 – Показатели исполнения бюджета в среднесрочной перспективе

Коэффициент	Порядок расчета	Весовое значение в индексе, %
Генеральный коэффициент надежности K1	Собственный капитал / Активы, работающие	45
Коэффициент мгновенной ликвидности K2	Ликвидные активы / Обязательства до востребования	20
Кросс-коэффициент K3	Суммарные обязательства / Активы, работающие	10
Генеральный коэффициент K4	(Ликвидные активы + Защитный капитал) / Суммарные обязательства	15
Коэффициент защищенности капитала K5	Защитный капитал / Собственный капитал	5
Коэффициент фондовой капитализации прибыли K6	Собственный капитал / Уставный капитал	5
Примечание – составлено авторами на основе источников [8], [9]		

В результате рассчитывается сводный индекс надежности, который характеризует, насколько надежен каждый из сравниваемых банков. При этом, нормальные значения индексов обычно на уровне 50-75 %.

Далее необходимо остановиться на методике, которую рассматривает Т. Ф. Мельникова. Здесь при сравнении конкурентных банков выделяются следующие направления:

- по абсолютной доле рынка;
- по относительной доле рынка;
- по тенденции доли рынка;
- по относительной доходности;
- по относительному качеству услуг;
- по относительной стоимости услуг;
- по появлению новых услуг;
- по концентрации клиентов;
- по капиталоемкости [10].

Абсолютная доля рынка упрощенно может быть определена долей банковских активов каждого банка в общей доли всех банков, т. е. емкость рынка банковских услуг, после чего определить абсолютную долю рынка, занимаемую каждым из основных конкурентов. Относительная доля рынка определена путем отношения валюты баланса каждого банка к совокупной доле основных конкурентов [10]. Достаточно сложным показателем является тенденция доли рынка. Данный коэффициент показывает долю продажи банковских продуктов по каждому конкуренту, в совокупном объеме продаж, всем банковским сектором. К основному показателю доходности коммерческого банка относится отношение прибыли и собственного капитала (рентабельность собственного капитала). Для проведения анализа концентрации клиентов необходимо проводить расчет уровня концентрации по клиентам. Обычно такая информация конфиденциальна, и потому данный параметр оценить проблематично. Показатель капиталоемкости рассчитывается как отношение собственного капитала к работающим активам. Чем выше капиталоемкость, тем меньше возможности и мощь банка.

В разрезе услуг банка и продуктов целесообразно учитывать следующее:

1) уровень автоматизации услуг, формирования комплексного интегрированного продукта для клиентов (финансовой экосистемы для физических лиц, для юридических лиц), что можно оценить и при изучении самих таких продуктов, и при изучении рейтингов таких продуктов;

2) стоимость услуг, а именно стоимость кредитов и плата за их обслуживание, стоимость привлечения депозитов, стоимость (тарифы) расчетных операций, кассовых операций (в зависимости от категорий клиентов);

3) удобство услуг (характеризуется наличием дистанционных сервисов, доступностью офисов обслуживания и т.п.);

4) балльные оценки клиентов, которые характеризуют удобство банковских сервисов.

То есть, методика оценки конкурентоспособности банков включает в себя текущую позицию «надежности», основанную на данных финансовых показателей деятельности банков, данные по доле банка на рынке, изменении этой доли, а также характеристики продуктов и услуг банка (с точки зрения автоматизации и развития, стоимости, удобства, в том числе, на основе оценок клиентов).

Далее необходимо перейти к оценке конкурентоспособности исследуемых банков, для этого сначала представлена их краткая характеристика в таблице 2.

Таблица 2 – Краткая характеристика топ-5 банков Казахстана (на 01.01.2021 г.)

Банк (по размерам активов по убыванию)	Характеристика деятельности
АО «Народный Банк Казахстана»	Первый банк по размеру активов и по величине, развитости филиальной сети в Республике Казахстан, последнее время работает под брендом HALYK, является системообразующим, создан в 1923 (как система сберегательных касс) и в 1991 как независимый банк, с 2020 года владелец (более 65 %) - АО «Холдинговая Группа «АЛМЭКС»; имеет дочерние финансовые, лизинговые, страховые компании, банки за рубежом (Россия, Грузия, Кыргызстан), в 2017-2018 году присоединил к себе Казкоммерцбанк (KazKom, ранее – второй крупнейший в стране)
ДБ АО «Сбербанк»	Дочерний банк крупнейшего в России ПАО «Сбербанк» (с контрольным пакетом акций у Правительства РФ); в Казахстане дочерний банк (100 % акций у Сбербанка России) создан в 2006 году, став в результате вторым по размеру активов; использует банковскую инфраструктуру и экосистему, финансовые технологии, разработанные и апробированные в России
АО «KASPI BANK»	Третий по величине банк, стремительно увеличивший активы и капитал за последние год, в том числе, за счет развития FinTech и банковских инноваций. Основан в 1991 году, но основной рост – после 2015 года. Собственники: 94,4 % акций у АО «Kaspi Group», конечные владельцы – В.К. Ким, М.Н. Ломтадзе, фонд Baring Vostok.
АО «ForteBank»	Активно развивающийся с 2015 года банк, созданный при слиянии ForteBank, «Альянс Банка» и «Темірбанка». Имеет значительную филиальную сеть по стране. Основной владелец – Б. Утемурадов
АО «Банк ЦентрКредит»	Создан в 1988 году, имеет достаточно развитую филиальную сеть, основные владельцы – Б.Р. Байсеитов и В.С. Ли
Примечание – составлено авторами на основе источника [15]	

Далее, необходимо рассмотреть, какие рейтинги надежности имеет каждый из представленных банков по методике В. С. Кромонава. Для этого составлена таблица 3. На основе показателей, которые были представлены в таблице 2, в ней проведены расчеты.

Таблица 3 – Определение индекса надежности топ-5 казахстанских банков (на начало 2021 года)

Показатели	Показатели по банкам, млрд. тенге / коэфф.				
	HALYK	Сбербанк	KASPI BANK	Forte Bank	Центр Кредит
Собственный капитал	1 400,0	299,8	254,1	256,7	129,0
Уставный капитал	209,0	51,5	95,8	332,8	63,4
Суммарные обязательства	8 571,7	2 867,0	2 554,9	1 903,0	1 720,2
Обязательства до востребования	2 557,3	855,3	720,6	620,6	601,2
Ликвидные активы	2 979,2	947,6	402,3	375,4	342,1
Работающие активы	6 932,0	2 116,4	2 274,1	1 511,0	1 399,0
Защитный капитал	575,5	102,7	130,2	80,2	103,0
Генеральный коэффициент надежности K1	0,2020	0,1416	0,1117	0,1699	0,0922
Коэффициент мгновенной ликвидности K2	1,1650	1,1079	0,5583	0,6049	0,5690
Кросс-коэффициент K3	1,2365	1,3547	1,1235	1,2595	1,2296
Генеральный коэффициент K4	0,4147	0,3663	0,2084	0,2394	0,2587
Коэффициент защищенности капитала K5	0,4111	0,3426	0,5124	0,3124	0,7980
Коэффициент фондовой капитализации прибыли K6	6,6978	5,8207	2,6526	0,7713	2,0350
Индекс надежности (с учетом взвешивания)	0,8652	0,7839	0,4638	0,4135	0,4587
Примечание – составлено авторами на основе источника [15]					

В результате, рейтинг надежности банка, рассчитанный по методике В.С. Кромонова, можно представить следующим образом (Рисунок 1):

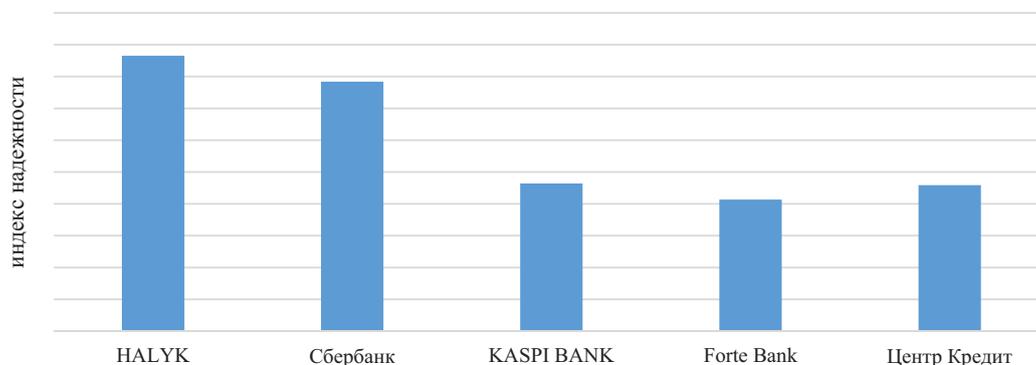

Рисунок 1 – Индексы надёжности топ-5 крупнейших банков Республики Казахстан на начало 2021 года

Примечание – составлено авторами на основе источников [8], [9]

Таким образом, рейтинг надежности, в целом, соответствует величине активов каждого из банков. Единственное, что по Forte Bank и Банку ЦентрКредит места по рейтингу надежности меняются.

Далее необходимо использовать методику Т. Ф. Мельниковой, чтобы проанализировать рыночное положение каждого из анализируемых банков. Как уже было сказано ранее, абсолютная и относительная доли рынка определяются на основе величины доли активов каждого из банков и общей величины активов банковской системы Республики Казахстан. В таблице 4 представлен этот расчет:

Таблица 4 – Абсолютная и относительная доли рынка топ-5 казахстанских банков (на начало 2021 года)

Банк	Валюта баланса, млрд. тенге	Абсолютная доля, %	Относительная доля, %	Ранг
АО «Народный Банк Казахстана»	9 971,7	31,99	49,97	1
ДБ АО «Сбербанк»	3 166,8	10,16	15,87	2
АО «KASPI BANK»	2 809,0	9,01	14,08	3
АО «ForteBank»	2 159,7	6,93	10,82	4
АО «Банк ЦентрКредит»	1 849,2	5,93	9,27	5
Всего по топ-5 банков	19 956,4	64,02	100,00	-
Всего по банкам Казахстана	31 172,4	100,00	-	-

Примечание – составлено авторами на основе источника [15]

Из приведенной таблицы видно, что первая пятерка банков занимает 64,02 % всего банковского бизнеса Казахстана, в том числе почти половину от этой доли (31,99 % всех активов банков страны или 49,97 % активов среди топ-5 банков) – Народный банк Казахстана. Доля иных же банков значительно ниже (от 5,93 до 10,16 %). И, соответственно, исходя из величины банков наиболее конкурентоспособным может быть назван именно «Народный банк Казахстана».

Оценка по доходности представлена в таблице 5.

Таблица 5 – Доходность топ-5 казахстанских банков (за 2020 год)

Банк	Активы, млрд. тенге	Собственный капитал, млрд. тенге	Чистая прибыль, млрд. тенге	Рентабельность активов (ROA), %	Рентабельность капитала (ROE), %	Ранг (по ROE)
АО «Народный Банк Казахстана»	9 971,7	1 400,0	318,4	3,19	22,74	2
ДБ АО «Сбербанк»	3 166,8	299,8	60,5	1,91	20,18	4
АО «KASPI BANK»	2 809,0	254,1	231,5	8,24	91,11	1
АО «ForteBank»	2 159,7	256,7	53,2	2,46	20,73	3
АО «Банк ЦентрКредит»	1 849,2	129,0	8,6	0,46	6,64	5

Примечание – составлено авторами на основе источника [15]

Таким образом, именно KASPI банк является наиболее доходным, с наибольшими показателями как по ROA, так и по ROE. За ним следует Народный банк Казахстана, потом – Forte Bank (но с намного более низкими показателями по ROA), далее Сбербанк, и последний по доходности, как ROA, так и ROE – ЦентрКредит.

Изменение доли рынка с начала 2019 по начало 2021 года можно проанализировать в таблице 6:

Таблица 6 – Динамика доли рынка топ-5 казахстанских банков

Банк	Доля рынка на начало года (по размеру активов), %			Изменение доли рынка, %			Ранг
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2020 к 2019 г.	2021 к 2020 г.	2021 к 2019 г.	
АО «Народный Банк Казахстана»	34,34	32,98	31,99	-1,35	-0,99	-2,35	5
ДБ АО «Сбербанк»	7,50	8,23	10,16	0,74	1,93	2,66	1
АО «KASPI BANK»	6,74	8,10	9,01	1,36	0,91	2,27	2
АО «ForteBank»	7,04	8,19	6,93	1,15	-1,26	-0,11	4
АО «Банк ЦентрКредит»	6,01	5,45	5,93	-0,56	0,49	-0,08	3
Все топ-5 банков	61,62	62,95	64,02	1,33	1,06	2,40	-

Примечание – составлено авторами на основе источника [15]

Таким образом, именно бизнес Сбербанка растет быстрее всего, особенно за 2020 год (к началу 2021 года). При этом, на втором месте по росту – KASPI BANK. За ним следует Банк ЦентрКредит, который за 2019 рост теряет долю, но за 2020 год ее увеличивает, потом – Forte Bank, который при росте доли в 2019 году, теряет ее в 2020 году, и только потом, последним, Народный банк Казахстана, который сокращает долю на рынке и в 2019, и в 2020 году, даже несмотря на то, что его доля самая высокая.

Далее необходимо рассмотреть конкретные виды услуг банков-конкурентов из топ-5. Каждый из этих банков реализовал продукты как для физических, так и для юридических лиц. Сам продукт каждого банка – это личный кабинет для клиента, который позволяет совершать дистанционные операции, а также, при необходимости, обращаться и в офисы банков для обслуживания. Он основан на том, что клиенту принадлежат один или несколько текущих счетов, возможно и карта (личная или корпоративная), а также у клиента есть возможность осуществлять платежи и переводы, обменивать валюту, открывать и закрывать депозиты, размещать заявки на кредиты, отслеживать иные услуги (например, торговый и Интернет-эквайринг) Необходимо отдельно оценить и сравнить продукты для физических лиц и продукты для юридических лиц каждого из банков. В таблице 7 представлены данные по продуктам для юридических лиц каждого из банков (сравнительные значения показателей).

Таблица 7 – Сравнение продуктов для юридических лиц банков из топ-5 в Республике Казахстан

Банк	HALYK	Сбербанк	KASPI BANK	Forte Bank	Центр Кредит
Наличие дистанционного сервиса	Есть (сайт плюс приложение)	Есть (сайт плюс приложение)	Есть (сайт плюс приложение)	Есть (сайт плюс приложение)	Есть (только сайт)
Корпоративная карта	Есть	Есть	Есть	Нет	Есть
Средний минимальный тариф обслуживания	4200 тенге / мес.	4500 тенге / мес.	4000 тенге / мес.	2000 тенге / мес.	От 0 тенге / мес
Стоимость перевода денег (в другой банк, не налоги)	0,15%, мин. 220, макс. 470 тенге	126 тенге	200 тенге	0,22 % мин. 300 тенге, макс. 600 тенге	350 тенге
Открытие / закрытие депозитов онлайн	Нет	Есть	Есть	Нет	Нет
Заявки на кредиты онлайн	Нет	Есть	Есть	Нет	Нет
Торговый эквайринг	Не привязан к продукту	Есть	Нет	Есть	Не привязан к продукту
Интернет-эквайринг	Не привязан к продукту	Есть	Kaspi.pay – мобильные и QR платежи (вместо эквайринга)	Есть	Не привязан к продукту
Обмен валюты	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть
Примечание – составлено авторами					

Исходя из этого можно оценить по баллам качество продукта для юридических лиц каждого банка (баллы от 1 до 5) с расчетом среднего балла (Таблица 8).

Таблица 8 – Балльная оценка продуктов для юридических лиц банков из топ-5 в Республике Казахстан

Банк	HALYK	Сбербанк	KASPI BANK	Forte Bank	Центр Кредит
Наличие дистанционного сервиса	5	5	5	5	3
Корпоративная карта	5	5	5	1	5
Средний минимальный тариф обслуживания	2	1	3	4	5
Стоимость перевода денег (в другой банк, не налоги)	1	5	4	3	2
Открытие / закрытие депозитов онлайн	1	5	5	1	1
Заявки на кредиты онлайн	1	5	5	1	1
Торговый эквайринг	3	5	1	5	3
Интернет-эквайринг	3	5	4	5	3
Обмен валюты	5	5	5	5	5
Сумма баллов	26	41	37	30	28
Ранг	5	1	2	3	4
Примечание – составлено авторами					

Далее необходимо проанализировать продукт для физических лиц (Таблица 9).

Таблица 9 – Сравнение продуктов для физических лиц банков из топ-5 в Республике Казахстан

Банк	HALYK	Сбербанк	KASPI BANK	Forte Bank	Центр Кредит
Наличие дистанционного сервиса (карта плюс счет)	Homebank.kz (счет, карта, возможность создания цифровой карты, переводы и др.), сайт + приложение	Сбербанк Онлайн (счет, карты, возможность создания цифровой карты, переводы и др.), сайт + приложение	Kaspi.kz (сайт и приложение – карта со счетом, возможностью выпуска дополнительных, переводом)	Forte (сайт и приложение – карта со счетом, возможностью выпуска дополнительных, переводом)	ВСС.kz (только сайт, нет приложения – счет, привязанная карта
Средний минимальный тариф обслуживания	Абонентская плата 0 тг.	Абонент-ская плата со 2 года 100 тенге / мес.	Абонентская плата 0 тг	Абонентская плата 500 тенге / мес.	Абонент-ская плата 1000 тенге / мес.
Стоимость перевода денег (в другой банк / с карты на карту)	Для партнеров банка – 0-100 тенге; Перевод денег по реквизитам 50-100 тенге	2%, мин. 700 тенге	1%	0,35%, min 500 тенге, max 5000 тенге	0,2% min 500 тенге, max 3 000 тенге
Мгновенные переводы по номеру	Есть	Есть	Есть	Только по номеру карты	Только по номеру карты
CashBack	Нет	Ограни-ченно применяется	Применяется	Нет	Применя-ется
Открытие / закрытие депозитов онлайн	Нет	Есть	Есть	Нет	Нет
Заявки на кредиты онлайн	Есть	Есть	Есть	Нет	Нет
Обмен валюты	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть
Примечание – составлено авторами					

Исходя из этого можно оценить по баллам качество продукта для физических лиц каждого банка (баллы от 1 до 5) с расчетом среднего балла (Таблица 10).

Таблица 10 – Балльная оценка продуктов для юридических лиц банков из топ-5 в Республике Казахстан

Банк	HALYK	Сбербанк	KASPI BANK	Forte Bank	Центр Кредит
Наличие дистанционного сервиса (карта плюс счет)	5	5	5	5	3
Средний минимальный тариф обслуживания	5	4	5	3	2
Стоимость перевода денег (в другой банк / с карты на карту)	3	1	5	2	4
Мгновенные переводы по номеру	5	5	5	3	3
CashBack	1	3	5	1	5
Открытие / закрытие депозитов онлайн	1	5	5	1	1
Заявки на кредиты онлайн	5	5	5	1	1
Обмен валюты	5	5	5	5	5
Сумма баллов	30	33	40	21	24
Ранг	3	2	1	5	4
Примечание – составлено авторами					

Необходимо также учитывать отзывы о сервисах банков, которые дают пользователи. В начале 2021 года компанией Нурфин был составлен по отзывам пользователей рейтинг Интернет-банкинга и приложенный казахстанских банков [16]. Исходя из этого было признано:

- 1) лучшими оказался сервис Альфа-банка (не входит в топ-5) и Kaspi Bank (4,6 баллов);
- 2) второе место делят Народный банк Казахстана и Банк ЦентрКредит (4,5 баллов);
- 3) Сбербанк находится на третьем месте (4,4 балла);
- 4) Forte Bank из топ-5 набрал только 3,5 баллов в данном рейтинге [16].

Отсюда наиболее высокий ранг имеет Kaspi Bank (1), за ним Народный банк Казахстана и Банк ЦентрКредит (2), далее Сбербанк (3), потом Forte Bank (5). Это необходимо учесть при анализе результатов исследования.

Далее необходимо перейти к формированию итоговых результатов, на основе полученных рейтингов и рангов для каждого банка.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

На основе полученных рангов по каждой методике оценке конкурентоспособности исследуемых банков, в результате строится обобщенная оценка рейтинга банков (Таблица 11).

Таблица 11 – Рейтинг топ-5 казахстанских банков по конкурентоспособности

Рейтинги / Банки	HALYK	Сбербанк	KASPI BANK	Forte Bank	Центр Кредит
Надежность банка по методике В.С. Кромонава	1	2	3	5	4
Доля рынка	1	2	3	4	5
Динамика доли рынка	5	1	2	4	3
Доходность	2	4	1	3	5
Продукты для юридических лиц	5	1	2	3	4
Продукты для физических лиц	3	2	1	5	4
Оценка Интернет-банкинга и мобильного приложения	2	3	1	5	3
Сумма рангов	19	15	13	29	28
Ранг	3	2	1	5	4
Примечание – составлено авторами					

То есть, наиболее конкурентоспособным признан Kaspi Bank, во многом за счет того, что имеет высокий ранг не только по доходности, но и по оценке продуктов для физических и юридических лиц, Интернет-банкинга. Вторым признан Сбербанк, в первую очередь, за счет динамики доли рынка, высокой оценки продуктов. Третьим признан Народный банк Казахстана, но здесь больше за счет высоких оценок надежности и доли рынка.

Из этого следует, что Kaspi Bank и Сбербанк во многом свою конкурентоспособность повысили за счет инновационного подхода к банковскому бизнесу, внедрения новых продуктов, улучшения имеющихся продуктов, развития финансовых технологий (FinTech), в то время как Народный банк Казахстана, несмотря на то, что он также применяет FinTech и улучшает свои продукты, делает это не в достаточной мере. Банки Forte и ЦентрКредит также в недостаточной мере развивают и улучшают свои продукты, отчего их ранг в анализе кредитоспособности ниже, чем у первых трёх казахстанских банков.

Для роста конкурентоспособности на рынке для Народного банка Казахстана оптимальным будет развитие своих дистанционных сервисов для юридических и физических лиц, улучшение их функционала, чтобы опережать двух основных конкурентов – Kaspi Bank и Сбербанк. Для банков Forte и ЦентрКредит оптимальным будет также значительное улучшение собственных сервисов для клиентов, чтобы не отставать от функционала от них. При том, что доля на рынке этих банков значительно ниже, чем у Народного банка Казахстана, Сбербанка и Kaspi Bank, а динамика доли рынка отрицательна, для них улучшение банковских продуктов является залогом развития и сохранения собственных позиций

в рейтинге банков, иначе в будущем их могут опередить и другие конкуренты, которые пока что, в настоящее время, не входят в топ-5 казахстанских банков по размерам активов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буквич Р. М. Концентрация и конкуренция в современном банковском секторе Себрии: анализ индексов концентрации // Вестник НГИЭИ. – 2020. – № 5 (108). – С. 63-80.
2. Базаева А. Р. Банковская конкуренция в российской экономике // Научный журнал. – 2016. – № 1 (2). – С. 20-22.
3. Korobov Yu. Banking competition and its development in Russia // SHS Web of Conferences. – 2019. – № 61. – Article 01009. – DOI:10.1051/shsconf/20196101009
4. Синиченко О. А. Конкурентоспособность коммерческого банка [Электронный ресурс] // Вектор экономики [web-сайт]. – 2018. – № 9. – URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/9/financeandcredit/Sinichenko.pdf> (дата обращения: 19.04.2021)
5. Чучелин А. Ю. Конкурентоспособность применительно к кредитной организации // Молодой ученый. – 2017. – № 41 (175). – С. 67-69.
6. Anielak K. Wpływ innowacyjności na poprawę konkurencyjności banków – analiza case studies // *Ekonomia Międzynarodowa*. – 2018. – № 22. – P. 55-78.
7. Bekmurodova A., Obrenovic B., Akhunjonov U. Banking Competition and Stability: Comprehensive Literature Review // *International Journal of Management Science and Business Administration*. – 2016. – Vol.2. – № 6. – P. 26-33.
8. Кромонов В. С. Методика составления рейтинга надежности банков [Электронный ресурс] // Анализ банков: портал банковского аналитика [web-сайт]. – 2015. – URL: <https://analizbankov.ru/bank.php?BankId=sberbank-rossii-1481&BankMenu=camels&fform=kromonov> (дата обращения: 19.04.2021)
9. Синиченко О. А. Анализ надежности крупнейших банков РФ по методике Кроморова В. С // РППЭ. – 2019. – № 1 (99). – С. 7-14.
10. Мельникова Т. Ф., Кащенко Е. Г., Марченко В. Н., Симонова Н. Ю. Оценка конкурентоспособности предприятий банковской сферы (на примере Оренбургской области) // Вестник ОГУ. – 2011. – № 8(127). – С. 175-183.
11. Чеховская И. А., Ярова В. В. Методики оценки конкурентоспособности коммерческого банка: Российский и зарубежный опыт // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2016. – № 21 (303). – С. 13-29.
12. Годун М. В. Современный подход к оценке конкурентоспособности банковских продуктов // Маркетинг и логистика. – 2017. – № 2(10). – URL: <https://marklog.ru/sovremennyj-podhod-k-ocenke-konkuren/> (дата обращения: 19.04.2021).
13. Альшина А. Р. Оценка конкурентоспособности коммерческого банка // Синергия наук. – 2019. – № 41. – С. 23-29.
14. Шапошников А. М. Межбанковская конкуренция и оценка конкурентоспособности коммерческих банков: монография. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – 128 с.
15. Сведения о собственном капитале, обязательствах и активах [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Казахстан [web-сайт]. – 2021. – URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/svedeniya-o-sobstvennom-kapitale/rubrics/1588> (дата обращения: 19.04.2021).
16. Составлен рейтинг самых популярных мобильных банкингов в Казахстане [Электронный ресурс] // 7152 KZ [web-сайт]. – 2021. – URL: <https://www.7152.kz/news/3057960/sostavlen-rejting-samyh-popularnyh-mobilnyh-bankingov-v-kazahstane> (дата обращения: 19.04.2021).

REFERENCES

1. Bukvich, R. M. (2020). Kontsentratsiya i konkurentsiya v sovremennom bankovskom sektore Sebrii: analiz indeksov kontsentratsii. Vestnik NGIEI, 5(108), 63-80. (In Russian).

2. Bazayeva, A. R. (2016). Bankovskaya konkurentsia v rossiyskoy ekonomike. *Nauchnyy zhurnal*, 1(2), 20-22. (In Russian).
3. Korobov, Yu. (2019). Banking competition and its development in Russia. *SHS Web of Conferences*, 6 1:01009. DOI: 10.1051/shsconf/20196101009
4. Sinichenko, O. A. (2018). Konkurentosposobnost' kommercheskogo banka. *Vektor ekonomii*, 9, Retrieved April 19, 2021, from <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/9/financeandcredit/Sinichenko.pdf> (In Russian).
5. Chuchelin, A. Yu. (2017). Konkurentosposobnost' primenitel'no k kreditnoy organizatsii. *Molodoy uchenyy*, 41(175), 67-69 (In Russian).
6. Anielak, K. (2018). Wpływ innowacyjności na poprawę konkurencyjności banków – analiza case studies. *Ekonomia Międzynarodowa*, 22, 55-78 (In Polish).
7. Bekmurodova, A., Obrenovic, B. and Akhunjonov, U. (2016). Banking Competition and Stability: Comprehensive Literature Review. *International Journal of Management Science and Business Administration*. 2(6), 26-33.
8. Kromonov, V. S. (2015). Metodika sostavleniya reytinga nadezhnosti bankov. *Analiz bankov: portal bankovskogo analitika*, Retrieved April 19, 2021, from <https://analizbankov.ru/bank.php?BankId=sberbank-rossii-1481&BankMenu=camels&form=kromonov> (In Russian).
9. Sinichenko, O. A. (2019). Analiz nadezhnosti krupneyshikh bankov RF po metodike Kromonova V. S. *RPPE*, 1(99), 7-14 (In Russian).
10. Melnikova, T. F., Kashchenko, Ye. G., Marchenko, V. N. and Simonova, N. Yu. (2011). Otsenka konkurentosposobnosti predpriyatiy bankovskoy sfery (na primere Orenburgskoy oblasti). *Vestnik OGU*, 8(127), 175-183 (In Russian).
11. Chekhovskaya, I. A. and Yarova, V. V. (2016). Metodiki otsenki konkurentosposobnosti kommercheskogo banka: Rossiyskiy i zarubezhnyy opyt. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*, 21(303), 13-29 (In Russian).
12. Godun, M. V. (2017). Sovremennyy podkhod k otsenke konkurentosposobnosti bankovskikh produktov. *Marketing i logistika*, 2(10), Retrieved April 19, 2021, from <https://marklog.ru/sovremennyj-podhod-k-ocenke-konkuren/> (In Russian).
13. Alshina, A. R. (2019). Otsenka konkurentosposobnosti kommercheskogo banka. *Sinergiya nauk*, 41, 23-29. (In Russian).
14. Shaposhnikov, A. M. (2020). *Mezhsbankovskaya konkurentsia i otsenka konkurentosposobnosti kommercheskikh bankov: monografiya*. ID «Sreda», Cheboksary, 128 p. (In Russian).
15. Svedeniya o sobstvennom kapitale, obyazatel'stvah i aktivah (2021). National Bank of Kazakhstan. Retrieved April 19, 2021, from <https://www.nationalbank.kz/ru/news/svedeniya-o-sobstvennom-kapitale/rubrics/1588> (In Russian).
16. Sostavlen rejting samyh populyarnykh mobil'nykh bankingov v Kazahstane (2021). 7152 KZ. Retrieved April 19, 2021, from <https://www.7152.kz/news/3057960/sostavlen-rejting-samyh-populyarnykh-mobilnykh-bankingov-v-kazahstane> (In Russian).

**ASSESSMENT OF INTERBANK COMPETITION
IN THE CONTEXT OF SERVICES PROVIDED**

Yu. V. Trofimova^{1*}, G. A. Konopyanova¹, A. E. Mambetkazyev¹

¹Kazakh-American Free University,
Oskemen, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The paper discusses the methodology for assessing the competitiveness of banks in the context of the services provided, the assessment is carried out on the example of the leading, largest Kazakhstani banks.

The purpose of the study is to assess the competitiveness of the services of the largest Kazakhstani banks and to determine possible directions for improving the creditworthiness of the studied banks.

Methodology: to conduct the study, a set of methods is used based on the developments of other authors, in particular, those related to the analysis of the financial condition, the market share of banks and the quality of the provision of financial services to clients.

The originality (value) of the study lies in the developed adapted methodology for analyzing the competitiveness of Kazakhstani banks.

Findings: the results of the study represent an assessment of the competitiveness of second-tier banks in Kazakhstan (the largest) at the beginning of 2021.

Keywords: banking competition, competitiveness of a bank, competitive advantages, bank assessment, banking market.

**БАНКАРАЛЫҚ БӘСЕКЕЛЕСТІКТІ КӨРСЕТІЛЕТІН
ҚЫЗМЕТТЕР ТҮРҒЫСЫНАН БАҒАЛАУ**

Ю. В. Трофимова^{1*}, Г. А. Конопьянова¹, А. Е. Мамбетказиев¹

¹Қазақстан – Американдық еркін университеті,
Өскемен, Қазақстан Республикасы

АҢДАТПА

Жұмыста ұсынылатын қызметтер түрғысынан банктердің бәсекеге қабілеттілігін бағалау әдістемесі талқыланады, бағалау жетекші, ірі қазақстандық банктер мысалында жүзеге асырылады.

Зерттеу мақсаты – ірі қазақстандық банктердің қызметтерінің бәсекеге қабілеттілігін бағалау және зерттелген банктердің несиелік қабілетін жақсартудың мүмкін бағыттарын анықтау.

Әдіснамасы: зерттеуді жүргізу үшін басқа авторлардың, атап айтқанда, қаржылық жағдайды, банктердің нарықтағы үлесін және клиенттерге қаржылық қызметтерді ұсыну сапасын талдауға байланысты әзірлемелерге негізделген әдістер жиынтығы қолданылады.

Зерттеудің бірегейлігі (құндылығы) қазақстандық банктердің бәсекеге қабілеттілігін талдаудың бейімделген әдістемесінде жатыр.

Зерттеу нәтижелері Қазақстандағы екінші деңгейлі банктердің (ең үлкені) 2021 жылдың басындағы бәсекеге қабілеттілігін бағалауды ұсынады.

Түйінді сөздер: банктік бәсекелестік, банктің бәсекеге қабілеттілігі, бәсекелік артықшылықтар, банктік бағалау, банктік нарық.

ОБ АВТОРАХ

Трофимова Юлия Владимировна – докторант Ph.D., старший преподаватель кафедры Бизнеса, Казахстанско-Американский Свободный Университет, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан
e-mail: ju_v_trofimova@mail.ru*

Конопьянова Галина Ахбаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры Бизнеса, Казахстанско-Американский Свободный Университет, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан,
e-mail: galina_kafu2004@mail.ru

Мамбетказиев Айдар Ережепович – доктор философии (Ph.D.), доцент кафедры Бизнеса, Казахстанско-Американский Свободный Университет, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан,
e-mail: kafu_ukg@mail.ru

Central Asian Economic Review №3 (138) 2021

Жазылатын индекс / – 74002

Редакторлары / Редакторы – **А.Ж. Сарсембаева**
Компьютерде беттеген / Компьютерная верстка – **А.Т. Акылова**

Басуға / Подписано к печати 29.06.2021

Пішімі / Формат 70×100¹/₈.

Көлемі б.т./ Объем 17,0 п.л. / Есептік б.т. / Уч-изд. 15,8 п.л. / Шартты б.т./ Усл. 13,9 п.л.

Таралымы / Тираж 300 дана /экз.

«Фортуна полиграф» баспасы» ЖШС / ТОО «Издательство «Фортуна полиграф»
050063, Алматы қаласы, 1-ықшам ауданы, 81-үй / 050063, г. Алматы, 1-микрорайон, д. 81.

Fpolygraf@bk.ru

Тел: +7 701 787 32 92, +7 771 574 57 05,
+7 701 940 76 86